

**ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

С.Ю. Серёгичев

**СОВРЕМЕННЫЙ СУДАН:
ОТ ЕДИНСТВА К РАЗДЕЛУ**

МОСКВА 2011

Научное издание

С.Ю. Серёгичев

СОВРЕМЕННЫЙ СУДАН: ОТ ЕДИНСТВА К РАЗДЕЛУ

М., 2011. 240 стр.

Ответственный редактор:

профессор, доктор исторических наук Р.Г. Ланда

Рецензент:

профессор, доктор исторических наук М.Ю. Золотухин

Монография посвящена анализу истории борьбы за построение единого Судана (сначала в виде унитарного, затем федеративного государства) на протяжении 1956–2011 годов, завершившейся мирным «разводом» Юга с Севером.

В книге рассматриваются основные этапы политico-государственной и административно-территориальной эволюции Судана, начиная с XVI и заканчивая XXI веком.

Особое внимание уделено анализу современной фазы дарфурского конфликта, а также его долгой истории, подробно разобраны позиции противоборствующих сторон и мотивы их деятельности. Отдельная глава посвящена подготовке, ходу и итогам референдума 2011 года о самоопределении Южного Судана.

Исследование опирается на широкий круг современной историографии и источников, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот отечественной историографии. Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, африканистов, преподавателей истории стран Ближнего Востока и Африки, а также студентов-арабистов.

ISBN 978-5-89394-223-1

ISBN 978-5-7281-1246-4

© Институт Ближнего Востока, 2011

© Российский государственный гуманитарный университет, 2011

© С.Ю. Серёгичев, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Об авторе</i>	4
<i>Предисловие.....</i>	5
<i>Введение</i>	6
<i>Глава 1. От «земли черных» до Республики Судан: основные этапы развития арабо-суданского государства</i>	10
§ 1. Становление и эволюция арабо-суданской государственности в XVI – первой половине XX века	10
§ 2. Развитие административно-территориального и политического устройства Судана в 1956–2010 годах	18
§ 3. Всеобщие выборы 2010 года: начало «развода» Юга и Севера	28
<i>Глава 2. Южный Судан: долгий путь к независимости</i>	44
§ 1. «Кладбище суданских правительств»: проблема Юга и поиск ее решений (1955–2005 гг.)	44
§ 2. «Уйти, нельзя оставаться»: Южный Судан и Всеобъемлющее мирное соглашение	64
<i>Глава 3. Дарфур: суданский «ящик Пандоры».....</i>	81
§ 1. История и причины конфликта на западе Судана.....	81
§ 2. «Битва за мир»: вооруженное противостояние в Дарфуре до заключения DPA (2003–2006 гг.)	93
§ 3. Дарфурский тупик: от Абуджи до Дохи (2006–2011 гг.).....	118
<i>Глава 4. Финал эпохи ВМС: референдум 2011 года и провозглашение независимости Южного Судана</i>	138
§ 1. Политико-правовые предпосылки референдума и его подготовка.....	138
§ 2. «Перетягивание канатов»: ход голосования.....	148
§ 3. Итоги «битвы за единство» Судана.....	153
<i>Вместо Заключения: Судан умер, да здравствует Судан!.....</i>	163
<i>Примечания</i>	171
<i>Библиография.....</i>	197
<i>Список аббревиатур и сокращений, используемых в работе</i>	207
<i>Summary.....</i>	208

ОБ АВТОРЕ

Серёгичев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РГГУ. Выпускник исторического факультета МПГУ. Эксперт Института Ближнего Востока и аппарата Специального Представителя Президента Российской Федерации по сотрудничеству со странами Африки М.В. Маргелова.

С 2001 года занимается политической историей современного Судана. В 2005 году успешно защитил кандидатскую диссертацию «Армия и исламисты в борьбе за власть в Судане (1989–2005 гг.)». В 2006 году опубликовал в издательстве Института Ближнего Востока монографию «Судан: исламо-традиционализм и армия». Автор множества статей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателя книге представлен исторический подход к объяснению сегодняшних проблем Судана. Автор на обширном материале исследует новейшую историю этой страны как борьбу за единое государство, которая, однако, закончилась разделением на Юг и Север. В книге, на мой взгляд, верно указаны причины нынешнего разделения – всякий раз стремление к суданскому единству наталкивалось на различное понимание этого единства на Юге и Севере. Это обстоятельство сыграло решительную роль и в развитии ситуации после принятия Всеобъемлющего мирного соглашения 2005 года. Автор справедливо считает эпоху этого соглашения «кульминацией третьей попытки национального примирения и единения Судана (1983–2011 годы), самой длительной из всех предпринимавшихся в истории страны».

Надо согласиться с автором книги, который не считает нынешний этап юридического разделения страны неким концом Судана. Действительно, обе части Судана настолько связаны друг с другом, что им только вместе по силам решить весь непростой комплекс проблем в политической, экономической и социальной сферах. И автор приходит к обнадеживающему и обоснованному в рамках аргументации этой книги выводу, что залогом прочности «нового суданского единства» выступает в том числе «существование двух суверенных суданских республик».

Эта книга – основательное исследование по новейшей истории Судана, позволяющее понять причины разделения этой страны. Появление книги тем более своевременно на фоне активизации российской политики на африканском направлении. Она окажет несомненную пользу всем, кто, так или иначе, участвует в процессе «возвращения» России в Африку.

М.В.Маргелов
Специальный представитель
Президента Российской Федерации
по сотрудничеству со странами Африки,
Председатель Комитета Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
по международным делам

ВВЕДЕНИЕ

В жизни каждой страны бывают особые памятные даты, обозначающие важнейшие переломные события в ее истории, для одних стран и обществ они символизируют упущеные возможности, для других – решительные успехи и победы. Не стал исключением в этом ряду и Судан, у которого среди множества знаковых дат есть две, имеющие огромное непреходящее значение для страны, венчая собой начало и конец целой исторической эпохи: 1 января 1956 года и 9 января 2011 года.

Между ними пролегла вся история независимого Судана, занявшая долгих 55 лет, 39 из которых прошли в изнурительных кровопролитных гражданских войнах Севера с Югом и лишь шесть последних подарили надежду всем суданцам на стабильный мир и спокойствие.

Эти даты как «альфа» и «омега» истории современного Судана: 1 января 1956 года на политической карте мира возникла самая большая по площади африканская страна – Республика Судан, 9 января 2011 года она же разделилась на два государства – Северный и Южный Судан. Разделилась мирно, создав невиданный до сей поры прецедент спокойного, относительно тихого «развода» арабского государства.

Данная работа посвящена как раз истории этих самых долгих на планете «восьми» январских дней и их итогов. Объектом нашего пристального внимания стала некогда самая крупная африканская держава, а предметом – тот процесс, который одни суданцы называют успешным примером национально-освободительной борьбы длиною более чем в полтора столетия, а другие именуют долгим распадом единой арабо-мусульманской отчизны.

В этой истории, как, впрочем, и в любой другой, есть свои герои и антигерои, победы и поражения. Они служат нам точками опоры при изучении этой затянувшейся суданской «недели», начавшейся с бескомпромиссного утверждения унитарного устройства суданского государства, где вовсю доминировал арабский и исламский Север, не считавшийся с мнением афри-

кано-христианско-анимистского Юга так же, как с ним до этого полвека не считались британские колонизаторы, а закончившейся рождением новых двух государств.

Говоря о январских событиях 2011 года, невероятно велик соблазн, отталкиваясь от них, признать всю прошлую суданскую историю сплошной чередой трагических и нелепых ошибок. Как тут не вспомнить один очень интересный эпизод: весной 1985 года известный французский историк, специалист по современному Судану Кретьен Лашон, комментируя по просьбе журналистов очередной военный переворот (на этот раз свергли Джаафара Нимейри) в этой арабской стране, произнес фразу, ставшую с тех пор негласным девизом многих работ по Судану: «История Судана всегда повторяется».

Однако это не просто яркий и броский эпиграф, это был еще и приговор, который страна, казалось, никогда не сможет преодолеть, вечно бродя по кругу от бездарного, насквозь коррумпированного гражданского правления, выстроенного по средневековому принципу патрон – клиент, до жесточайших военных диктатур, и все это в пламени междуусобных войн.

Но данный приговор, как показало время, не был окончательным вердиктом госпожи Клио: его перечеркнул и отменил выбор миллионов южносуданцев, сделанный ими в ходе референдума 9–15 января 2011 года. Выбор, право на который они ждали аж с 1956 года и получили в январе 2005 г., а правильнее сказать, выстрадали, причем как собственно южане, так и северяне в течение всей истории независимого Судана, где каждая ошибка и поражение значили несоизмеримо больше, чем победы и успехи.

Один простой пример: успешной реализацией Всеобъемлющего мирного соглашения 2005 года (ВМС) мы обязаны страшному финалу аддис-абебского проекта строительства мирной и счастливой жизни в Южном Судане, завершившегося, как известно, начавшейся в 1983 году Второй гражданской войной Юга и Севера. Именно анализ ошибок и просчетов, допущенных в ходе осуществления аддис-абебского мирного процесса, позволил творцам и исполнителям ВМС не допустить повторения сценария 1983 года, открыв тем самым дорогу к 9 января 2011 года.

Поэтому упор в данной работе был сделан именно на тщательный, взвешенный и как можно более объективный подход к изучению и анализу принципиальных точек развития, через

которые прошла современная история Судана: 1955 г. – начало южносуданского национально-освободительного движения, 1956–1958 гг. – провал федеративного проекта и начало строительства унитарного государства, 1972 г. – мирные соглашения, заключенные в Аддис-Абебе, развитие автономии Южного Судана как основы будущей суданской федерации, 1983 г. – «сентябрьские законы» Нимейри и начало Второй гражданской войны Юга и Севера, 2005 г. – подписание BMC, 2011 г. – январский референдум и раскол Судана на Южный и Северный.

В то же время стоит особо отметить, что настоящая работа посвящена отнюдь не только истории южносуданской проблемы, которая, конечно, является ее «красной линией», но и другому не менее важному и актуальному в настоящее время сюжету – конфликту в Дарфуре.

Разумеется, Югом и Дарфуром проблемные зоны Судана, к сожалению, вовсе не исчерпываются, но эти два региона и ситуация в них оказывают наибольшее воздействие как на внутриполитическую, так и внешнеполитическую обстановку в стране и во многом служат моделями и полигонами для обкатки тактики и стратегии как со стороны центральных властей, так и оппозиции.

Для реализации заявленных выше целей и задач данного исследования нам пришлось обратиться к широкому кругу источников и литературы, как отечественной, так и зарубежной. Это в итоге, на что хочется надеяться автору, позволило создать более или менее целостное полотно современной суданской политической истории эпохи независимости, а также предшествующих ей периодов, когда закладывались «генетические» особенности суданского общества и государства, оказавшие огромное влияние на жизнь Судана во второй половине XX – начале XXI века.

Наконец, последнее, о чём следует сказать: обычно в истории той или иной страны имеется всего один «день рождения», как правило, когда она обрела международно признанную независимость, однако Судан стал счастливым исключением – у него два «дня рождения» и оба в январе.

Каждый такой «день рождения» – это громадный шанс для общества и нации в любой стране, дающий бесценную возможность претворить в жизнь самые смелые идеи, служащие целям построения безопасного и гармонично развивающегося государства.

Поэтому и в нашем случае стоит надеяться на то, что Республика Южный Судан и Республика Судан, отталкиваясь от результатов референдума, сумеют не просто наладить жизнь в пределах своих государственных образований, но станут прекрасными примерами «африканского чуда», когда после более чем полувековой вражды, тягот и лишений южане и северяне смогут создать полноценные демократии, доказав всему миру, что и невозможное возможно, превратив суданский регион из зоны террора и вооруженного хаоса в оазис стабильности и процветания.

Глава 1.

ОТ «ЗЕМЛИ ЧЕРНЫХ» ДО РЕСПУБЛИКИ СУДАН: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АРАБО-СУДАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Становление и эволюция арабо-суданской государственности в XVI – первой половине XX века

Отправной точкой в истории арабо-суданской государственности является начало XVI века, когда на территории Судана¹ возникли государства фунгов и фуров. Первое возникло в 1504 году на территории Алвы (древнее нубийское царство) путем смешивания африканского племени фунг с арабами и алвийцами. Его столицей стал Сеннар (отсюда и название самого государства, иногда его еще называли по цвету кожи населения «Черным султанатом»), языком был арабский, религией был ислам.

Второе же государство возникло на нагорье Джебель-Марра, которое заселили фуры, также принявшие ислам и использовавшие арабский в качестве родного языка. Страна получила название Дарфур (в дословном переводе с арабского «дом фуров»). По форме правления Сеннар и Дарфур являлись султанатами.

Стоит пожалуй отметить, что среди историков до сих пор нет единого мнения о том, когда в Дарфуре возникла централизованная государственность. По этому вопросу существуют, как минимум, три наиболее распространенные сегодня точки зрения: первая гласит, что государственность в регионе зародилась в 2500 г. до н. э., вторая отодвигает нижнюю планку образования дарфурского государства на XIII век н.э., наконец, третья считает, что первые достоверные сведения о существовании султаната Дарфур относятся лишь к началу XV в.²

Основой Сеннара и Дарфура, фундаментом их последующего развития стал синтез арабо-мусульманской и африканской цивилизаций. Арабо-мусульманская цивилизация дала Сеннару и Дарфуру свой язык и религию, а африканская – основную массу «строителей» данных султанатов.

Таким образом, было положено начало складыванию арабо-суданского этноса и государства, а если брать шире, то и цивилизации. Причем следует отметить, что мусульмане (как арабы, так и не арабы) всегда стремились доминировать в общественно-политической, экономической и религиозно-культурной сфере указанной цивилизации, что во многом объясняется относительной близостью Мекки и Медины, куда постоянно тек через современную территорию Судана неиссякаемый поток паломников, часть из которых потом оседала в Сеннаре. Кроме того, суданская правящая элита «подпитывалась» выпускниками каирского богословского университета «Аль-Азхар».

На политическую ситуацию в Судане в XVI–XVIII вв., в том числе и на попытки объединения суданских земель под властью Сеннара, влияли следующие важнейшие факторы: захват и последующее удержание турками северных и восточных районов страны (турецкая провинция Суакин), стремление Эфиопии вернуть себе Нубию и Сеннар, а также сепаратизм местных суданских вождей.

Проникновение турок в Судан (1518–1519 гг.) с последующим захватом части его территории отрезало сеннарских султанов от Красного и Средиземного морей, чем значительно ослабило власть и экономику Сеннара.

Помимо этого геополитического фактора, немаловажную роль во внутренней политике Сеннара играл и религиозно-идеологический момент. Турецкий султан Селим I Явуз, как известно, принял титул халифа, подкрепленный внушительной военной силой, и стал тем самым верховным правителем всех мусульман, в том числе и суданских.

Иными словами, легитимность султанов Сеннара как правителей правоверных суданцев с этого момента стала далеко не бесспорной. Последнее обстоятельство давало возможность суданским вождям, недовольным гегемонистской политикой Сеннара, не только в открытую демонстрировать свою независимость от сеннарских султанов, но и пытаться отстаивать ее силой оружия, пусть и не всегда удачно.

В целом, касаясь влияния внешнеполитического фактора, которое сказывалось на внутрисуданском положении в указанный период, стоит отметить, что оценка, данная ему в отечественной историографии более 30 лет назад, до сих пор остается актуальной: «По существу, сеннарские султаны могли сохранять независимость лишь благодаря соперничеству между турками и эфиопами»³.

Именно поэтому реально объединить большую часть страны в рамках единого централизованного государства удалось лишь в первой трети XIX в., когда земли Северного и Центрального Судана были завоеваны (1820–1822 гг.) армией египетского правителя Мухаммеда Али. Примечателен состав армии: черкесы, грузины, южные славяне, албанцы, турки, египтяне, арабы-бедуины, магрибинцы, беджа-абабде, американцы (командовали артиллерией).

Оценивая период с 1822 по 1881 год с точки зрения развития единой суданской государственности, стоит обратить внимание на ряд принципиальных моментов:

– Во-первых, самим фактом появления единого государства суданцы обязаны пришлым захватчикам, а не своей политической эlite, погрязшей в междуусобных войнах и потому не способной подняться выше узких кланово-племенных интересов и выдвинуть подлинно национальные идеи.

– Во-вторых, эта самая элита была низведена правящей турецко-египетской верхушкой (туркией, как ее прозвали сами суданцы⁴) до уровня низшего чиновниччьего звена колониальной администрации и лишилась большой части своих доходов⁵. Соответственно, высшие слои тогдашнего суданского общества не могли получить качественного опыта управления такой огромной страной, как Судан, да и не стремились к этому, довольствуясь теми возможностями для личного и семейного обогащения, которые им предоставляла служба в турецко-египетской администрации страны.

– В-третьих, значительно активизировавшаяся торговля рабами, захваченными, в том числе, и на юге страны, которые продавались на невольничьи рынки Ближнего и Среднего Востока, усилила и без того длительную вражду между Севером и Югом Судана.

– В-четвертых, поддержка, оказываемая турецко-египетской администрацией тарикату «Аль-Хатмийя», опора на него при осуществлении властных полномочий явились теми причинами, вследствие которых суфийские ордена стали активно участвовать в политической жизни Судана.

Результатом взаимного действия этих факторов явилось, на наш взгляд, закладывание слабого и непрочного фундамента суданской государственности, устойчивость которого с тех пор стала зависеть от соотношения сил центральных властей и противостоящих им местных господствующих племенных кла-

нов, объединяющихся, как правило, вокруг того или иного суфийского братства⁶.

Особым этапом и по важности и по влиянию на всю последующую историю Судана является эпоха махдистского национально-освободительного восстания (1881–1898 гг.). По сути, в эти годы суданцы впервые сами создали и поддерживали свое государство. Оно было названо Махдией и представляло собой «теократическое государство джихада», первоначально управляемое как военный лагерь⁷, а позже ставшее обычным феодальным государством, где всем заправляла верхушка бюрократии во главе с халифом.

Не вдаваясь более в подробности махдистского движения⁸, остановимся на тех его моментах, которые во многом определили будущие социально-политические, экономические и иные черты независимого суданского государства, каковыми оно станет в 1956 году и во многом останется вплоть до отделения Южного Судана в 2011 году.

Таких принципиальных черт можно выделить три:

– Во-первых, сам факт создания самостоятельного суданского государства на основе Корана (который при махдистах можно было только читать, а не толковать, что было строжайше запрещено⁹) и шариата наглядно доказывал в глазах большинства суданцев полезность и необходимость исламской государственности для построения прочного и стабильного Судана. Позже, уже во второй половине XX века многие из суданцев годы существования Махдии будут считать «золотым веком» в истории своей страны¹⁰.

– Во-вторых, именно благодаря махдистскому движению в Судане возникнет одна из важнейших основ его нынешней политической деятельности, выражаемая в тесном взаимодействии и яростном соперничестве двух мощнейших религиозных и общественно-политических лагерей – братств «Аль-Ансар» (наследники идей Махди) и «Аль-Хатмийя» (наследники противников махдистов) и их политических органов – партии «Аль-Умма» («Аль-Ансар») и Национально-Юнионистская партия (НЮП), позже ставшей Юнионистско-демократической партией¹¹ (ЮДП, «Аль-Хатмийя»). Более того, в иные моменты уже независимого существования Судана политическая жизнь страны, казалось, сводилась исключительно к разделу сфер влияния между этими двумя крупнейшими суфийскими орденами.

– В-третьих, в состав махдистского государства не вошел немусульманский юг, расположенный в стороне от долины Белого Нила – «сердца Махдийи». Однако южные племена были вынуждены платить дань махдистскому государству людьми, из них рабы использовались для пополнения его армии свежими силами, а рабынь продавали на аукционах для пополнения государственной казны¹².

Такое положение вещей еще более усугубило и без того непростые отношения между арабо-мусульманской и африкано-анимистской частями Судана. Отчасти в этом состояли корни южно-северного антагонизма, который подобно язве будет разъедать суданское государство уже после обретения им независимости и приведет в итоге к септицизму Юга.

Образование Англо-Египетского Судана (совместного владения – кондоминиума Англии и Египта, а фактически британской колонии) в январе 1899 г. после окончательного поражения войск махдистов и гибели Махдийи не изменило тех тенденций в развитии суданского государства, о которых мы уже сказали выше, они лишь еще более отчетливо проявились на рубеже XIX – XX веков.

Продолжала сохраняться ситуация, когда суданцы в лучшем случае могли получить доступ лишь к низшим должностям в системе колониальной администрации. При этом необходимо учитывать, что только в 1915 г. британские власти приняли решение ежегодно отбирать из числа суданской молодежи лиц, способных к обучению, на должности младших чиновников центрального аппарата или заместителей глав администраций районов¹³. Как правило, этими избранными были «выходцы из верхушки племен или элиты религиозных сект (суфийских братств)»¹⁴.

Значительно хуже было положение со сложными, конфликтными взаимоотношениями южан и северян. Более того, англичане намеренно вели дело к возможному отделению Юга от Севера Судана. В их планах было включение Южного Судана в состав Уганды.

Так, уже при администрации генерал-губернатора Ф.Р. Уингейта (1899–1916 гг.) в Южном Судане оказались под запретом все проявления арабо-мусульманской культуры: арабский язык, традиционная одежда. Доходило даже до того, что британцы запрещали северянам полностью одеваться, когда те приезжали в южные провинции или на период их пребывания на Юге, а южанам оставили свободу входить в города обнаженными.

В городах Юга англичане в учебных заведениях изолировали южан от северян. Английский язык стал средством общения и письма, а арабский был удален из учебных программ. Невзирая на мусульман, проживающих на Юге (согласно официальной северосуданской историографии, их там был миллион¹⁵), выходным днем недели было объявлено воскресенье.

В Экваториальный корпус (расположенный на Юге Судана) набирались молодые воины из местных племен, которыми командовали британские офицеры. Английская колониальная администрация чинила всяческие препятствия коммерческой деятельности северосуданских купцов-джеллябов.

В 1922 году британской администрацией был принят один из наиболее одиозных в истории кондоминиума законов – закон «О паспортном режиме», по которому две трети территории Судана (свыше половины населения страны) стали «закрытыми районами».

Этими зонами были объявлены провинции Дарфур, Бахр эль-Газзаль, Монгалла и Верхний Нил, почти весь Кордофан, некоторые области провинций Хальфа, Донгола, Кассала. В указанных районах было запрещено «свободное перемещение населения», суданцы – жители других мест в «закрытые районы» не допускались. Были также установлены ограничения на допуск южан в северные провинции¹⁶.

Все эти меры в числе прочих последствий вели также к восстановлению и консервации в Судане феодальных порядков, правда, лишь в социально-политической сфере.

Действуя в этом же русле в период с 1922 по 1932 гг., колониальная администрация приняла ряд законов, в соответствии с которыми значительная часть племенной элиты была наделена судебной властью для рассмотрения тяжб соплеменников. Султаны, шейхи и вожди племен – одним словом, традиционные привилегированные слои суданского населения, кроме этого, были наделены еще фискальными функциями, а также и ограниченными финансовыми полномочиями¹⁷.

Британская колониальная администрация гордо называла вышеуказанные мероприятия политикой «суданизации», цель которой якобы выражалась в широко рекламировавшейся в 1920-х – начале 1950-х гг. известной формуле «Судан для суданцев».

На деле одной из главных целей этой политики было недопущение объединения Египта и Судана (к чему так активно стремились сами египтяне, братство «аль-Хатмийя» и Национально-

юнионистская партия), в частности, через замену чиновников-египтян на чиновников-суданцев, а также путем использования в политических целях братства «Аль-Ансар» и партии «Аль-Умма», чьим лозунгом как раз и стало «Судан для суданцев».

Другой целью данного курса властей кондоминиума являлось подавление антиколониального движения в Судане путем создания иллюзии, что Судан управляет суданцами, а следовательно, нет серьезной необходимости что-то менять.

Ставка, сделанная Лондоном на суданскую племенную и религиозную элиту, в которой англичане видели одну из главных опор своего владычества в Судане, тормозила и без того непростой процесс построения в стране основ современного общества и государственного аппарата.

Именно в период кондоминиума у лидеров крупнейших суфийских братств «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя» окончательно закрепляется «привычка» выходить за рамки сугубо общественно-религиозной деятельности возглавляемых ими организаций и активно влиять на социально-политические и экономические процессы в Судане.

Более того, ситуация в Судане в то время часто напоминала иллюстрацию известного афоризма «хвост виляет собакой». Дело в том, что в ряде случаев главы «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя» Абд ар-Рахман аль-Махди и Али аль-Миргани, которыми достаточно искусно манипулировали британские власти и, как считали в Лондоне, контролировали их, сами использовали англичан в своих интересах.

Другим серьезным недостатком процесса государственного строительства в Судане в период колониальной зависимости являлась его «заточенность» исключительно под нужды Лондона. Проявлялся этот недостаток в следующем: британцы старались готовить только таких государственных управленцев из числа суданцев, которые могли бы работать исключительно в низших и, в лучшем случае, средних звеньях суданского административного аппарата, так как высшее звено образовывали собственно англичане.

Иными словами, у суданской элиты вплоть до начала переходного периода (1953–1956 гг.)¹⁸ не было реальной возможности попрактиковаться в современных методах управления огромной страной¹⁹, занимая высшие государственные посты.

Но это была лишь одна проблема, другая же состояла в том, что в этот период Судан все еще был зависим от Ве-

ликообритании страной с экономикой, ориентированной на обслуживание нужд метрополии.

Иными словами, управленческий опыт, накопленный суданскими чиновниками за годы кондоминиума, мог быть лишь отчасти применен в независимом Судане, поэтому сам по себе он не мог служить залогом и гарантией стабильного и успешного развития суданского государства после провозглашения им своего суверенитета²⁰.

При этом крайне важно отметить, что у суданской политической элиты к 1956 году не было опыта самостоятельного создания социально-экономической инфраструктуры в стране, так как всем этим занималась британская администрация. Именно развал созданной британцами социально-экономической системы, произошедший в 1960-х годах, приведет страну в состояние хронического кризиса.

Очень ярко эту неспособность суданских властей успешно решать подобного рода проблемы характеризует тезис известного отечественного суданиста В.И. Гусарова, высказанный им еще в 1982 г.: «В структуре суданской экономики за период независимого развития не произошло принципиальных положительных сдвигов»²¹.

О том же, но спустя десятилетия, говорит в своей статье и политолог Е.А. Кудров: «...Перед страной стоит большое количество социальных и хозяйственных проблем...чтобы обеспечить не секторный, а фронтальный рост уже в ближайшие годы, суданскому руководству предстоит вкладывать значительные средства в развитие инфраструктуры и вовлекать хотя бы в экстенсивную хозяйственную жизнь [население-автор] маргинальных регионов страны»²².

В свете всего вышеизложенного можно предположить, что британцы, прекрасно зная сильные и слабые стороны суданского государства, рассчитывали, что суданская элита при обсуждении будущего страны выберет вариант свободного Судана под внешней опекой Великобритании.

Однако этого не произошло, и в новую эпоху своего существования Судан вступил полностью независимой унитарной демократической республикой парламентского образца. На этом сходство с классической «вестминстерской» моделью парламентской демократии заканчивалось. Суверенному Судану предстояло следующие 55 лет прожить в условиях, когда его государственный аппарат стал заложником противоборства

между различными общественно-политическими силами, в первую очередь сектами «Аль-Ансар», «Аль-Хатмийя» и исламистами, а также в условиях хронически слабой экономики и вечно мятежного Юга.

§ 2. Развитие административно-территориального и политического устройства Судана в 1956–2010 годах

Независимое суданское государство возникло в ночь на 1 января 1956 г., когда была принята его временная конституция, после чего премьер-министр Исаил аль-Азхари (Национально-юнионистская партия – НЮП) торжественно провозгласил образование Республики Судан.

Как уже говорилось выше, Судан вступил в эру своего независимого развития унитарным государственным образованием. Однако реализовать на практике принцип унитаризма оказалось невозможно.

Виной тому стал целый комплекс политических и социально-экономических причин, решение которых оказалось не по силам сменявшим друг друга военным и гражданским режимам: только за период с 1956 по 1969 год в стране произошли два государственных переворота и одна революция.

Главными препятствиями на пути реального воплощения принципа унитарного государственного устройства в сфере внутрисуданских политических отношений стали объективная неспособность суданских правительств стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране, устранив заложенный еще британцами дисбаланс в развитии регионов страны, монокультурность ее народно-хозяйственной системы, борьбу ведущих партий Судана и их «теневых хозяев» в лице орденов «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя» за власть, а также активное желание правящей элиты южан жить по своим правилам и законам. В этом южан усердно поддерживали власти США, Великобритании, Бельгии, Конго и ЮАР, преследовавшие свои цели в этом регионе.

Возможно, эту автономистскую, а чуть позже и откровенно сепаратистскую позицию южносуданской элиты удалось бы преодолеть, если бы официальный Хартум сделал все от него зависящее, чтобы поднять уровень жизни на Юге, уравняв его по основным экономическим и социальным показателям с Се-

вером, ликвидировав (или значительно сократив) его многовековую отсталость от Севера.

Однако северосуданская политическая элита даже и не помышляла об этом в 1950-х – 60-х годах, когда еще сохранялась возможность относительно малыми средствами интегрировать южан в единое суданское государство. На Севере в то время относились к Югу, как к региону, который можно нещадно эксплуатировать в своих интересах (как это еще недавно делал Лондон), не задумываясь о последствиях такого подхода, и жестоко подавлять любые выступления недовольных этим положением южан.

Отчасти курс центральных суданских властей, выбранный по отношению к Югу, был продиктован глубоким кризисом, в котором оказалась страна после обретения независимости. Кризис был вызван уже упоминавшейся выше монокультурностью суданской экономики, заключавшейся в исключительной ориентации страны на производство и продажу хлопка. В 1957–1958 гг. в Судане был крайне низкий урожай хлопка, к этому прибавились активная экспансия США на мировом хлопковом рынке и бойкот, объявленный суданскому хлопку со стороны его традиционных покупателей – британцев.

В итоге доходы суданского бюджета были крайне скучны²³. Следствием такого положения вещей стал фактический отказ официального Хартума от мер, направленных на выравнивание уровней социально-экономического развития Севера и Юга страны.

Вместо этого в основу внутриполитического курса суданских властей в отношении южного региона, да и всей страны в целом, был положен силовой подход – 17 ноября 1958 года власть захватили военные под руководством главнокомандующего армии генерал-майора Ибрагима Аббуда, тем самым дав начало длинной веренице военных переворотов (1964 год – свержение диктатуры Аббуда, 1969 год – захват власти полковником Джадафаром Нимейри, 1985 год – свержение диктатуры Нимейри, 1989 год – приход к власти бригадного генерала Омара аль-Башира).

Полное банкротство к концу 1960-х гг. силовых методов решения южносуданской проблемы вкупе с нарастающим параличом национальной экономики (по данным, приводимым К.И. Поляковым²⁴, к 1967 г. в стране насчитывалось 100 тыс. безработных при численности населения в 16 с небольшим миллионов (сведения от 1976 г.²⁵).

Стоимость жизни при неменяющемся уровне зарплат возросла с 1964 по 1969 гг. на 20%, что заставило правящую элиту Судана пересмотреть свои взгляды на основополагающие принципы административно-территориального, социально-политического и экономического устройства страны.

В июне 1969 г. правительство заявило о предоставлении Югу «региональной автономии в рамках единого суданского государства и проведении там ряда мероприятий по социальному-экономическому развитию»²⁶.

Следующий этап постепенных изменений в жестко централизованной структуре суданского государства пришелся на начало 1972 г., когда официальный Хартум и политические руководители южносуданских сепаратистов заключили в Аддис-Абебе соглашение о прекращении войны и предоставлении Югу статуса автономного самоуправляемого региона в рамках единого Судана²⁷.

Указанный статус Южного региона был закреплен соответствующими статьями Конституции Демократической Республики Судан 1973 года. При этом сохранялся общий унитарный характер суданского государства. Центром власти стала фигура президента Нимейри, который сосредоточил в своих руках все нити управления страной. Но все равно, невзирая на это, мы можем признать 1972 год началом длительного пути к федерализации Судана, завершившегося в итоге отделением Южного Судана.

Таким образом, в правление Нимейри после 1972 года проявилась определенная двойственность в вопросе подхода к формированию и определению структуры суданской государственности. С одной стороны, Аддис-абебские соглашения вынудили официальный Хартум признать и подтвердить в конституции 1973 г. автономный статус Южного Судана, но с другой, логика диктаторского правления Нимейри предписывала ему и его окружению проводить политику жесткой централизации, недопущения формирования неподконтрольных им структур и организаций, не говоря уже о целых регионах.

Во многом появлению этой двойственности в политике Нимейри мы обязаны событиям 19–22 июля 1971 года, когда офицеры суданской армии, поддерживавшие Суданскую коммунистическую партию (СКП), предприняли попытку государственного переворота.

Хотя в итоге она оказалась неудачной, но в ходе ее осуществления Нимейри и его ближайшее окружение было всего

в одном шаге от своей гибели, что навсегда изменило психоло-гию и политику суданского диктатора, ставшего с тех пор ма-ниакально подозрительным и недоверчивым.

Июльский урок Нимейри, как показали дальнейшие события, усвоил на отлично: казнил всех причастных к заговору, включая своих бывших соратников полковника Бабикера ан-Нура, майоров Хашима аль-Атту и Фарука Хамадаллу, и руководство СКП (эти казни позже получили название «июльского кошмара 1971 года», так как впервые в новейшей истории Судана власти так сурово расправились с заговорщиками, многие из которых были личными друзьями и знакомыми тогда еще коммуниста Нимейри), выстроил жесткую вертикаль своей единоличной власти.

Именно это стремление к тотальному контролю в целях недопущения мятежей и заговоров в числе других причин побудило Нимейри пойти в 1980–1983 гг. на административную реформу Южного Судана. Юг был разделен на три региона с собственными правительствами, причем каждый из этих регионов делился, в свою очередь, на две или три провинции²⁸.

Однако вместо достижения еще большей стабильности эта реформа вкупе с другими факторами, речь о которых пойдет во второй главе, привела к началу в том же 1983 году второй войны Юга и Севера, которая завершилась в 2005 году подписанием между воюющими сторонами Всеобъемлющего мирного соглашения (ВМС).

Смена власти, произошедшая в Судане весной 1985 года (Нимейри был свергнут верхушкой армии, опасавшейся последствий массовой народной революции, начавшейся вследствие значительного падения уровня жизни большинства населения страны) и последующее возвращение на политический Олимп традиционалистских партий «Аль-Умма» и ЮДП (Юнионистско-демократическая партия) никак не отразились на сущности административно-территориальной структуры страны, равно как на ее экономике и политике.

Принятая в октябре 1985 года времененная конституция Судана «Народная Хартия апрельской революции 1985 года» оставила без серьезных изменений устройство суданского государства. Страна подразделялась на 8 провинций (регионов), город Хартум преобразовывался в отдельную административную единицу²⁹.

Система автономного управления южных районов Судана оставалась неизменной и базировалась «на идее единства Судана,

в соответствии с законом о региональной автономии Юга от 1972 г. или же в соответствии с поправками, которые могли быть приняты большинством в $\frac{2}{3}$ голосов членов ПВС и переходного правительства на их совместном заседании, при условии, что любая поправка подлежит одобрению в ходе референдума».³⁰

Деятельность правительства Садыка аль-Махди в 1986–1989 гг. была в первую очередь подчинена интересам политического выживания традиционалистских партий в условиях растущей острой конкуренции со стороны суданских исламистов во главе с Хасаном ат-Тураби и недовольной положением в стране военной элиты, и все это происходило на фоне ухудшающегося с каждым днем социально-экономического положения Судана.

Более того, в условиях идущей с 1983 года между Хартумом и Суданским народно-освободительным движением/суданской народно-освободительной армией (СНОД/СНОА) войны все эти положения (неизменность автономного управления Южного Судана) так и остались, по сути, скорее декларацией о благих намерениях, чем свершившимся фактом.

В конце июня 1989 г. суданская политическая история завершает свой очередной цикл (гражданский режим → кризис → военная диктатура → кризис → гражданский режим → кризис → военная диктатура) «революцией национального спасения» («Саура инкази аль-каумий»³¹).

Два года спустя, в 1991 г. в рамках проекта по созданию исламского государства³² новым руководством страны была проведена административно-территориальная реформа Судана. В соответствии с ней установлена четырехуровневая структура управления страной:

1. Первый уровень – центральное правительство.
2. На втором уровне вместо 18 провинций, объединенных в 8 регионов, были созданы 9 вилайетов (штатов).
3. Третий уровень образовывали 66 провинций, входящих в состав штатов.
4. Наконец, четвертый уровень – это 281 область с местным управлением, входящая в состав провинций.

Как было заявлено Советом командования революцией национального спасения (СКРНС, высший орган власти в Судане в период 1989–1993 гг.) во главе с Омаром аль-Баширом, реформа была призвана расширить региональную автономию, так как каждый штат теперь должен возглавляться губернато-

ром и его заместителем, опирающимися на правительство штата, в ведении которого находятся вопросы местного управления и сбор налоговых. За центральным правительством оставались внешнеполитическая, военная (вопросы безопасности) и экономическая сферы³³.

Следующей важной вехой на длинном пути к более или менее реальному федерализму как основе суданской государственности стоит признать реформу 1994 года.

В феврале 1994 г. руководство страны приступило к осуществлению новой, еще более масштабной административной реформы по изменению территориально-административного устройства страны³⁴. С этого момента Судан превращается в федерацию в составе 26 провинций (вилаятов). Однако в 2006 г. провинция Западный Кордофан была введена в состав провинции Южный Кордофан, и поэтому общее число провинций сократилось до 25.

Во главе каждого вилаята стоит назначаемый правительством губернатор (вали). Органы законодательной и исполнительной власти на местах получили широкие полномочия. Была выстроена стройная система управления страной: первый уровень – федеральное правительство, второй уровень – правительство штатов, третий уровень – провинциальные власти, четвертый – местные советы (в юрисдикции штатов).

В соответствии с проводимой реформой в круг полномочий федеральных властей вошли национальная оборона и безопасность, международные отношения, судопроизводство, генеральная прокуратура и адвокатура, вопросы гражданства и миграции, валютно-финансовая политика, внешняя торговля. За образованными штатами были закреплены контроль над внутренним управлением, взиманием налогов, местным здравоохранением и образованием³⁵.

В целом реформа была завершена к лету того же года. Вместе с тем образованная федерация носила скорее не реальный, а номинальный характер, поскольку президентский указ об изменении формы государственного устройства не предусматривал сколько-нибудь значительного перераспределения полномочий между центральным правительством и органами власти субъектов суданской федерации.

Можно сказать, что в этом плане аль-Башир и его соратники остались верны принципам своих бывших «коллег» по власти – Нимейри и компании. Впрочем, такой подход к управле-

нию Суданом является нормой, выработанной столетиями управленческой практики в этой огромной африканской стране и оплаченный очень дорогой ценой. По крайней мере, первые десятилетия независимого развития наглядно показали, как плохо и опасно лишь частично контролировать страну.

Фактически, главной целью политико-административной реформы 1994 года было достижение взаимовыгодного компромисса между интересами военно-исламистского режима Омара аль-Башира и Хасана ат-Тураби и интересами местных элит, реально контролирующих жизнь в суданских регионах.

Кроме того, данная система может считаться попыткой воплощения на практике проекта «Исламской Республики Судан» (ИРС), к построению которой так стремились активисты Национального исламского фронта (НИФ), и в основе которой лежали следующие принципы: «риба» (запрет на ростовнический процент), «закят» (добровольное пожертвование) и «шура» (совет).

Через реализацию запрета на ростовнический процент должна быть достигнута исламизация банковской сферы, в результате которой все вкладчики банков в равной мере разделяют успех или неудачу своего банка, то есть в случае прибыли или, наоборот, убытков, каждый клиент (акционер) данного финансового учреждения получает одинаковую ее/их долю, вне зависимости от размера вклада или количества акций.

«Закят» же, как добровольный налог – пожертвование, призванный помочь бедным, материально неблагополучным людям, позволяет смягчить острое социальное неравенство.

«Шура» представляет собой систему, охватывающую всю пирамиду власти: от кварталов, деревень до общенационального парламента и президента. Выборы главы государства будут проходить на альтернативной основе³⁶. В полном соответствии с этими взглядами и была выстроена федеральная система, она, как было уже показано выше, начиналась с уровня местных советов и заканчивалась федеральным правительством.

Согласно ат-Тураби, исламское государство «подчиняется высшим нормам шариата, представляющего волю Аллаха, ...халиф же или любой другой носитель политической власти подчиняется шариату и воле избравших его людей»³⁷.

Более того, лидер НИФ считал, что «современное исламское правительство может, исходя из шариата, вводить нормы

права и проводить политику, основанные на шариате»³⁸. Также ат-Тураби полагал, что «мусульманское государство сегодня может определить свою систему публичного права и экономики, исходя из шариата и иджмы»³⁹.

Характеризуя роль законодательства, основанного на шариате, ат-Тураби утверждал, что «высшая общая цель религиозной жизни объединяет частную и публичную сферы; шариат является арбитром между общественным порядком и индивидуальной свободой»⁴⁰.

Для главы суданских исламистов был принципиально важен тот момент, что «какую бы форму ни принимала исполнительная власть, ее глава всегда должен подчиняться шариату и сформулированной на его основании иджме [согласованное мнение видных имамов по вопросам ислама – автор]».

Исходя из этого, доказывал ат-Тураби «можно будет принять любую форму или процедуру организации общественной жизни, которая будет направлена на служение Аллаху и целям исламского государства, если только она непосредственно не отвергается шариатом»⁴¹.

В то же время команда аль-Башира видела в ИРС, как было указано выше, прежде всего возможность организовать более продуктивный диалог с представителями региональных элит, на откуп которым испокон веков отдавалась вся власть на местах и чья лояльность покупалась должностями в очередной бюрократической системе новых правителей, подтверждающими высокий статус и авторитет региональных «князьков».

Все эти принципы наглядным образом воплотились в конституции Судана 1998 года. Согласно ей, Судан является президентской республикой, правда, суверенитет в ней делегирован народу Богом (ст.4 «Верховная власть и суверенитет»). Зато вся высшая власть в стране принадлежит президенту, избираемому на пятилетний срок, он является главнокомандующим вооруженных сил, полиции и других регулярных частей. Также глава государства формирует кабинет министров, который сам же и возглавляет (ст. 41, 43, 47).⁴²

Кроме этого, в ст. 6 «Национальное единство» содержится указание на недопустимость существования партий на религиозной основе. Подобная формулировка давала властям возможность репрессировать в случае крайней необходимости политические организации суданских исламистов. Был узаконен запрет на алкоголь (ст. 16 «Общественные мораль и единство»).⁴³

Ислам был признан основополагающей религией Судана, чьи принципы должны защищаться всеми людьми и «отражаться в их повседневной жизни, законах, политике и официальной работе или обязанностях в области политической, экономической, социальной и культурной деятельности» (ст. 18 «Религия»). Вместе с тем признавалась свобода вероисповедания (ст. 24 «Право на религию и совесть»). Также был узаконен зят (ст. 10 «Закят и другие финансовые обязательства»).⁴⁴

Было провозглашено право на создание политических организаций (ст. 26 «Свобода объединений и организаций (ассоциаций)»). При выборах в Национальную Ассамблею (парламент) сохранялась действующая до этого схема: 75% депутатов избираются по обычным округам, остальные 25% по специальным – женским, научным и профессиональным, национальным куриям (ст. 67 «Национальная Ассамблея»). Источниками законодательства являются шариат, выраженное на референдуме мнение граждан, конституция и племенное право (урф) (ст. 65 «Источники законодательства»).⁴⁵

Оценивая в целом суданскую конституцию 1998 года, необходимо подчеркнуть в ней синтез элементов западного права с элементами традиционного мусульманского законодательства. Этот синтез дал авторам конституции возможность, с одной стороны, четко выделить специфику Судана, а с другой, – его приверженность общепризнанным демократическим нормам и ценностям.

Отчасти именно этими, зафиксированными конституцией 1998 года принципами (реализация шуры и других ключевых элементов исламской государственности, а также диалога центр – периферия по линии «покупки» Хартумом лояльности местных элит) можно объяснить долговечность этой структуры территориально-административного устройства страны, которая создавалась как фундамент для строительства ИРС, а в итоге с некоторыми изменениями существует до сих пор, хотя сам «зеленый проект» оказался надолго убран под сукно (о нем вспомнят лишь в начале 2011 года).

Эти изменения были вызваны эпохальными для страны событиями 2005 года, когда путем заключения 9 января в Найроби Comprehensive Peace Agreement (Всеобъемлющее мирное соглашение, ВМС, CPA) между правительством Судана и СНОД/СНОА прекратился 22-летний вооруженный конфликт Юга и Севера Судана.

Одним из базисов СРА является положение о шестилетнем переходном периоде, по истечении которого в 2011 г. на Юге прошел референдум по вопросу самоопределения Южного Судана. Для обеспечения нормального функционирования суданского государства в переходный период была принята Временная национальная конституция 2005 года, созданная на базе синтеза положений статей конституции 1998 года и ВМС.

В соответствии с ее текстом Республика Судан объявлялась «независимым, суверенным государством... демократической, децентрализованной, поликультурной, многоязыковой, полирасовой, полиэтнической, поликонфессиональной страной, в которой сосуществует подобное разнообразие» (гл. 1, ст. 1). Признавалось, что «суверенитет нации доверен людям и осуществляется в соответствии с положениями этой Конституции и законом, без ущерба для автономии Южного Судана и штатов» (гл. 1, ст. 1) ⁴⁶.

Согласно ст. 24 (гл. 4, ч. 1⁴⁷), Судан провозглашался децентрализованным государством, имеющим четыре уровня управления, унаследованные от реформ 1991 и 1994 годов:

1. Национальное правительство;
2. Правительство Южного Судана;
3. Правительства штатов;
4. Местные правительства

Глава 3 ч. 3 «Временные положения для института президентства» особо оговаривала, что в настоящий момент должность первого вице-президента должен занимать председатель СНОД или его преемник. Также первый вице-президент является и президентом правительства Южного Судана, оставаясь при этом главнокомандующим СНОА⁴⁸.

В гл. 5 ст. 80 («Правительство национального единства») и гл. 2 ст. 117, п. 1 («Временные положения для Национального законодательного собрания») были зафиксированы квоты для различных политических сил Судана:

1. НКС (Национальный конгресс Судана) должен быть представлен в органах исполнительной и законодательной власти 52% от общего числа членов указанных структур (49% – северяне, 3% – южане);
2. СНОД – 28% (21% – южане, 7% – северяне);
3. Остальные политические силы Севера – 14%;
4. Остальные политические силы Юга – 6%⁴⁹.

В то же время необходимо отметить, что вышеуказанная система квот на места в правительстве и парламенте противоречит ряду других статей временной конституции (ст. 4, 41)⁵⁰.

Правда, стоит упомянуть, что «Временные положения» имели силу лишь до Всеобщих выборов, которые первоначально должны были состояться «не позднее конца четвертого года Переходного периода», то есть в течение 2009 года (ст. 65, 79, 117, 216)⁵¹, но в силу целого ряда причин как политического, так и технического характера (споры между НКС и СНОД о распределении властных полномочий в стране после выборов, обеспечение транспарентности выборов, неготовность южносуданцев к проведению выборов и др.) они прошли лишь 11–15 апреля 2010 года.

§3. Всеобщие выборы 2010 года: начало «развода» Юга и Севера

Выборы 2010 года имели громадное значение для истории Судана, так как это были четвертые по счету общегосударственные выборы (первые состоялись в 1958 году, вторые в 1965 году, третьи в 1986 году) в Судане и одна из наиболее критических точек ВМС, от прохождения которой зависела судьба окончательной реализации Соглашения. Сложность апрельским выборам придавал целый ряд факторов:

– Во-первых, в ходе них избирались президент Судана и президент правительства Южного Судана, губернаторы штатов, Национальная Ассамблея, Законодательная Ассамблея Южного Судана, парламенты штатов. Иными словами, речь шла о полной «перезагрузке» всей политической системы страны менее чем за год до референдума по самоопределению Юга.

– Во-вторых, в условиях действующего с 4 марта 2009 года первого ордера Международного уголовного суда на арест Омара аль-Башира (второй был выдан 12 июля 2010 г., подробнее см. в главе 3) переизбрание суданского лидера и официальное признание этого процесса западными государствами должно было стать подтверждением легитимности действующего президента страны и показать всю несостоительность обвинений против него.

– В-третьих, успех или неуспех выборов мог повлиять на расклад сил в стране и в целом на общественно-политическую си-

туацию в преддверии уже вышеупомянутого референдума. И для Хартума и для Джубы (столица Южного Судана) эти выборы являлись полигоном для отработки различных (от «позитивного» до «негативного») сценариев развития ситуации с ходом референдума.

– В-четвертых, выборы были шансом для традиционалистов («Аль-Умма» и ЮДП) отыграться за все свои притеснения, которые они претерпели от власти в 1990–2000-е годы. С этой целью оппозиция вполне могла пойти на срыв избирательной кампании, в которой у нее изначально не было шансов на победу.

– Наконец, в-пятых, для проведения столь сложных разноуровневых выборов Судану пришлось напрячь все свои ресурсы, как материальные (финансирование, изготовление бюллетеней для голосования, оборудование избирательных участков, транспорт, связь, охрана, агитация, особенно в условиях наличия большого числа безграмотных избирателей и т.д.), так и человеческие (формирование Национальной и региональных избирательных комиссий, подбор квалифицированных управленцев для решения всех технических и иных вопросов, связанных с проведением выборов, и т.д.).

Ключевым моментом этих выборов безусловно явилась борьба за пост президента Судана, в которой участвовали 12 человек. В их число входили Омар Хасан аль-Башир (Национальный конгресс), Садык аль-Махди (партия «Аль-Умма»), Хатем ас-Сир (Юнионистско-демократическая партия, ЮДП), Ясир Арман (СНОД), Абдалла Денг Ниал (Национальный народный конгресс, ННК), Мухаммед Ибрагим Нуугуд (Суданская коммунистическая партия), Мубарак аль-Фадиль («Партия Умма за реформы и возрождение»), Абдель-Азиз Халид (Суданские объединенные силы), Мунир Шейк ад-Дин (Новая Национальная Демократическая партия), Фатима Абдель-Махмуд (Социал-демократический союз), Камил ат-Таиб Идрис (независимый кандидат) и Ахмед Гоа (независимый кандидат).

Однако центральных персонажей предстоящих апрельских выборов было всего шесть: Омар аль-Башир, Садык аль-Махди, Хатем ас-Сир, Ясир Арман, Мубарак аль-Фадиль и Абдалла Денг Ниал.

Основным лозунгом избирательной кампании Омара аль-Башира был девиз «Свобода. Развитие. Мир». Понять его ис-

тинную суть можно, лишь изучив основные пункты избирательной программы суданского лидера:

- политический курс основывается на верности нормам шариата;
- защита и выполнение мирных соглашений;
- сохранение единства Судана;
- обеспечение социальных нужд населения (водоснабжение, медицина, образование, дороги, мосты)⁵².

При этом интересно посмотреть, как официально трактуются термины «Свобода», «Развитие», «Мир». «Свобода» в понимании аль-Башира означает независимость Судана от влияния враждебных ему внешних сил (в первую очередь блока западных стран во главе с США), «Развитие» – создание условий для промышленного прогресса страны, «Мир» – реализация ВМС, мирного соглашения с Восточным фронтом, будущего соглашения по Дарфуру.

На первый взгляд, мы не находим ничего неожиданного и интересного в программе «кандидата № 1», но если еще раз взглянем на призыв аль-Башира к «Свободе. Развитию. Миру», то обнаружим одну важную деталь: отсутствие слова «Единство», так как в свете вышеизложенных положений избирательной программы суданского президента данный лозунг должен звучать как «Свобода. Мир. Единство». Почему же все иначе?

Дело в том, что этот лозунг – ключ к пониманию не только избирательной кампании аль-Башира, но и всей его политики. Суть ее в ставке на сохранение страны через ее развитие. Соответственно, если Хартум откажется признать волю южан, выбравших себе в 2011 году независимость, то это может привести к новой гражданской войне и тогда о развитии страны и, тем более, о ее спасении придется забыть.

Очень наглядно об этом свидетельствует заявление самого кандидата: «Если произойдет отделение [Южного Судана от Северного – автор], отношения между Северным и Южным Суданом станут самыми тесными взаимоотношениями двух соседних государств в мире»⁵³.

На первый взгляд, кажется, что аль-Башир как опытный и весьма искушенный политик в ходе избирательной гонки делал всего лишь то, что положено любому уважающему себя кандидату на высший пост в своей стране: на Севере он обещал избирателям бороться за единство, а обращаясь к южанам, говорил об уважении любого их выбора (независимость/единство

с Северным Суданом). Да, с одной стороны, это бесспорно так, но с другой, мы видели, что аль-Башир и его окружение прямо или косвенно готовили население страны, а особенно Севера, к возможному отделению Юга.

Далее, когда аль-Башир на Севере говорил о единстве страны, то он не сказал ни слова о том, что это можно обеспечить политико-силовым путем, продемонстрировавшим за последние более чем полвека свою полную неспособность решить «южную проблему», а наоборот, всячески упирал на то, какие блага могут получить южане, если предпочтут остаться в составе единого Судана.

Основной лозунг кампании аль-Башира «Свобода. Мир. Развитие» очень четко и ярко отразил суть всех мечтаний рядовых суданцев, желающих прочной стабильности в политике и обществе в сочетании с процветающей экономикой.

«Главным оппонентом» аль-Башира должен был стать кандидат от СНОД на пост президента Судана Ясир Саид Арман. Девизом своей избирательной кампании он избрал «Надежда и перемена», подразумевая под этим реализацию проекта «Новый Судан» – построение светского государства (устранение шариата из законотворческой и правоприменительной практики) на базе равных гражданских прав для всех суданцев, независимо от их религиозного и этнического происхождения.

Наиболее ярко эти взгляды Армана выражены в его интервью, которое он дал «Iowa State Daily» в связи с окончанием Университета Айовы: «Моя главная мечта – Новый Судан, ... в котором уважаются права человека, в котором каждый гражданин чувствует, что он принадлежит к этой стране»⁵⁴.

Кроме того, выбор кандидатом от СНОД лозунга «Надежда и перемены», возможно, отчасти был продиктован стремлением быть немного похожим в глазах избирателей на другого, гораздо более известного чернокожего политика, нынешнего 44-го президента США Барака Обаму, чьим избирательным лозунгом было: «Мы должны полностью изменить Америку»⁵⁵.

Также Арман выступил в поддержку прав женщин, заявив, что насилие в отношении женщин является наиболее вопиющей формой дискриминации и нарушения прав человека. В своих выступлениях по тематике проблемного западного региона страны Арман выразил общие чаяния дарфурцев, заявив, что нужно прекратить здесь войну и оставить Дарфур дарфурцам (дословно это звучало как «Земля Дарфура для жителей Дарфура»⁵⁶).

Демонстрируя приверженность идеям покойного южносуданского лидера Джона Гаранга, мечтавшего о «Новом Судане», Арман в своем выступлении на митинге в Омдурмане процитировал слова Али Абд аль-Латыфа (национальный суданский герой, выступавший в 1920-е гг. за независимость своей родины): «Суданцы, будь они арабами, или африканцами, мусульманами или христианами, прежде всего суданцы»⁵⁷.

Арман, как и его соперник аль-Башир, в своих выступлениях делал упор на сохранении единства страны, правда, и в этом его существенное отличие от первого кандидата, путем трансформации «Старого Судана» (или лицетворением которого является аль-Башир и НКС) в «Новый Судан».

В итоговом варианте и в краткой агитационной форме программа Ясира Армана выглядела следующим образом:

- Центральный лозунг «Свобода-Мир-Процветание»;
- Демократическая трансформация;
- Выполнение ВМС;
- Лучшая жизнь для всех;
- Мир и Стабильность⁵⁸.

Говоря о том, что Арман должен был выступить в качестве основного оппонента «кандидату № 1» Омару аль-Баширу, мы имеем в виду не столько то, какое количество голосов избирателей он должен был бы перетянуть у действующего президента, сколько тот факт, что СНОД 31 марта 2010 года отозвал кандидатуру Армана из числа уже зарегистрированных кандидатов, чем сильно удивил и расстроил значительное число сторонников последнего.

Такое решение Движения, по словам Рика Мачара, заместителя председателя СНОД, «было принято как ответ на просьбу со стороны секций СНОД в Дарфуре, протестующих против участия партии во всеобщих выборах, в то время как конфликт в этом беспокойном регионе остается неразрешенным и беженцы не допущены к голосованию»⁵⁹.

Оценки данного шага СНОД со стороны экспертного сообщества разделились на два лагеря: первый утверждал, что это не что иное, как «сговор между ПНК [*то есть Национальным Конгрессом Судана – автор*] и СНОД по схеме «выборы взамен на референдум»⁶⁰, второй же, напротив, занял диаметрально противоположную позицию, гласящую, что никакого сговора не было, просто СНОД и так получил бы от НКС, вне

зависимости от результатов выборов, причитающуюся ему долю мест в структуре суданской власти, а поэтому ему не было смысла реально бороться за власть с аль-Баширом, что могло лишь раскачать ситуацию в стране, сделав ее развитие непредсказуемым и неконтролируемым. Кроме того, была даже высказана мысль, что «предвыборная кампания Я. Армана преследовала цель организовать большую «прачечную» для легализации украденных из бюджета средств»⁶¹.

Нам кажется, что подобный ход СНОД был вызван целым рядом политических факторов:

– Во-первых, Арман является активным сторонником сохранения единого Судана (об этом наглядно свидетельствует следующая характеристика Армана: «Он обладает всеми качествами, способными обеспечить мирное совместное существование Юга и Севера в рамках нового установленного партнерства»⁶²), что идет вразрез с политикой команды южносуданского лидера Кириа, выступающего за независимость Южного Судана, так как этого желает большинство населения Юга.

– Во-вторых, даже при условии максимально полной поддержки СНОД кандидатуры Армана у последнего все равно не будет возможности победить аль-Башира. Кроме того, неизбежное поражение СНОД в столь принципиальной для него политической битве за кресло главы единого Судана может придать сил тем, кто настаивает на немедленном провозглашении независимости Южного Судана, так как неизбежно пойдут слухи о том, что аль-Башир победил незаконно и соответственно от него нечего будет ждать, кроме как новых преступлений против законности и демократии.

– Наконец, в-третьих, мужественная и отчаянная борьба за голоса избирателей, которую бы вел Арман в условиях тотального противодействия правящего лагеря аль-Башира позволила бы кандидату СНОД даже, невзирая на поражение, стать очень влиятельной фигурой на Юге и поставить под сомнение политический статус Сальвы Кириа, не рискуя променять «силину в руке на журавля в небе», то есть баллотироваться не на пост президента Южного Судана, а на пост главы всей страны.

В истории с отзывом СНОД кандидатуры Армана помимо интересного политического содержания, разобранного нами выше, есть еще и любопытный юридический нюанс: в соответствии с Национальным законом о выборах 2008 года кандидат может снять свою зарегистрированную кандидатуру в период

не позднее, чем за 45 дней до дня голосования, после сделать это уже нельзя⁶³. Поэтому возникла парадоксальная ситуация: Арман как политик в выборах не участвует, но его кандидатура есть в бюллетенях для голосования и поданные за него голоса признаются действительными.

Куда более развернутую и амбициозную программу по сравнению с армановской выдвигал другой участник «дерби-2010» – лидер партии «Аль-Умма» Садык аль-Махди. Ее основные положения сводились к следующим пунктам:

1. Консолидация на выборах всех исламских сил Судана («Мы выступаем на предстоящих выборах под эмблемой полумесяца, символизирующей привлекательность единства всего Судана»).
2. Соблюдение следующих принципов и ценностей: уважение гражданства и суверенитета народов, национальности людей, вне зависимости от места происхождения и подданства, без исключения, интеграции и равновесия, правосудия, уважение религий, суданской индивидуальности, демократии, достойной власти, международных правовых норм, уважение прав человека, защита окружающей среды, мира, прав женщин, постоянного прогресса, гражданский курс и отказ от насилия.
3. В области политики: требования достойной демократической и федеральной системы управления страной, полного и справедливого мира, исполнения ВМС и выработки решений по спорным вопросам, касающимся переписи населения, границ и национальной столицы [В соответствии со ст. 152 Временной конституции 2005 г. «Хартум является столицей Республики Судан, а также «символом национального единства», отражающим этническое, конфессиональное и культурное разнообразие Судана, поэтому в случае отделения Южного Судана статус Хартума должен быть пересмотрен – С.С.], агитация за единство страны, непризнание возможного отделения Южного Судана («не заключать Протокол о братских и соседских отношениях между двумя суданскими государствами»), справедливое решение дарфурской проблемы на основе возврата региональной администрации причитающихся ей денежных сумм, а также путем возвращения к прежним границам в административно-территориальной форме [До 1994 г. Дарфур был единственным регионом, а позже был разделен на Южный, Северный и Западный Дарфур, поэтому речь идет о возврате к единому Дарфуру – С.С.], исполнения требования дарфурцев о компенсации и покончить с безнаказанностью.

4. В области экономики: проведение политики экономической либерализации с устранением перекосов и обеспечением социального благосостояния, борьба с нищетой, искоренение коррупции, решение проблем строительства плотин.
5. В области государственного сектора и гражданской службы: ликвидация дискриминации партий и местной маргинализации, возвращение к структуре государственных учреждений на национальной, справедливой и сбалансированной основе [*имеется в виду пропорциональный баланс между представителями того или иного региона, конфессии и национальности в отдельно взятом госучреждении – С.С.*], проведение реформы гражданской службы, принятие закона о профсоюзах, восстановление на службе тех, кто был незаконно уволен.
6. В области вооруженных сил: строительство национальных вооруженных сил без развития других вооруженных сил [*Суданской народно-освободительной армии – С.С.*], полиция должна стать дисциплинированной силой, проникнутой национальным духом, ограничение ее компетенции в сфере безопасности работой по сбору информации.
7. Уважение прав женщин и их позитивных устремлений и обеспечение их на основе ратификации международных и региональных договоров, устранение женской дискриминации, реформа национального законодательства в целях достижения справедливости.
8. В социальной области: удвоение расходов на образование до 20% бюджета развития, реформа образования, поддержка технического и высшего образования, а также научных исследований, связанных с национальными нуждами, поддержка основных медицинских услуг и обеспечение уровня расходов на здравоохранение не менее 15% бюджета развития.
9. В области культуры: соблюдение культурного многообразия нации в рамках программы развития, общественной пропаганды, образования, принятие законов по борьбе с идеями культурного, расового, религиозного и иного превосходства.
10. В области СМИ: освобождение средств массовой информации от диктата государственного телевидения, демонтаж госмонополии на средства массовой информации и коммуникации.
11. В области гражданского общества: свобода, независимость и поддержка без предвзятости.
12. Поддержка молодежи путем возвращения национального государства и национальных интересов в сферу образования⁶⁴.

Несмотря на огромный размах предвыборных обещаний лидера «Аль-Уммы», ничего нового в них нет: большинство из того, о чём говорила в ходе своей избирательной компании одна из старейших партий Судана, было актуальным еще на заре независимости страны, постоянно упоминалось на всех выборах и так же постоянно забывалось после их завершения.

Интересно совсем другое, а именно то, что Садык аль-Махди явно хотел стать на апрельских выборах воплощением единства всех исламских партий Судана, то есть сыграть ту роль, которую в 1990-е годы с большим успехом исполнял Хасан ат-Тураби.

Фактически, если называть вещи своими именами, апрельские выборы были важны для «Аль-Уммы» (и соответственно, Садыка аль-Махди) возможностью вновь подтвердить свой статус влиятельной политической силы в стране, выразительницы интересов миллионов суданских мусульман, силы, без которой политику страны невозможно себе представить.

Главной целью на выборах для «Аль-Уммы» была, разумеется, не победа, а активное участие, при этом, чем больше препятствий ей бы в ходе предвыборной борьбы и самих выборов учинила власть, тем было бы лучше для ее имиджа как партии, которую панически боится команда аль-Башира.

Ввиду того, что лидеры «Аль-Уммы» и «Партии Умма за реформы и возрождение» (ПУРВ) Садык аль-Махди и Мубарак аль-Фадиль начали 27 февраля 2010 года процесс слияния своих организаций в единую политическую силу, правда, до сих пор не доведенный до своего логического завершения, избирательные лозунги ПУРВ сильно напоминали аналогичные тезисы из программы «Аль-Уммы»:

1. Обеспечение добровольного единения с Югом на основе полного соблюдения основных пунктов Договора о всеобъемлющем мирном соглашении.
2. Остановка кровопролития и установление мира в Дарфуре.
3. Переход от авторитарного правления к демократическому через свободные и справедливые выборы.
4. Борьба против бедности 95% суданцев, против превращения их жизни в ад, в то время как ресурсы страны тратятся впустую на нужды безопасности, коррупции и войны⁶⁵.

Следующая партия – участница президентских и парламентских выборов, чью программу также важно изучить, это ЮДП, вечная соперница «Аль-Уммы» в суданской политике. При этом стоит подчеркнуть, что это соперничество никогда не носило принципиального идеологического характера, как, например, противостояние той же самой «Аль-Уммы» с Суданской коммунистической партией в 1964–1965 гг., завершившееся запретом СКП.

Скорее эта конкуренция ЮДП и «Аль-Уммы» носила и продолжает носить характер борьбы за раздел важнейших постов в государстве и прибыльных сфер в экономике, но в то же время эти партии как стояли, так и продолжают стоять на позициях приверженности нормам и ценностям ислама.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что призыв ЮДП на выборах 2010 г. звучал как «Возвращение к подлинной демократии», для чего, по мнению партийных идеологов, необходимо всеобъемлющее национальное примирение, достижение консенсуса между различными общественно-политическими силами по основным проблемам Судана, включая исполнение ВМС (то есть проведение в январе 2011 года референдума, на котором бы победил вариант сохранения единства на базе Временной конституции 2005 г.) и мирное урегулирование дарфурского кризиса⁶⁶.

Иными словами, ничего нового ЮДП своим потенциальным избирателям не предъявила, ограничившись дежурными лозунгами «эпохи ВМС», для нее эти выборы, как и для «Аль-Уммы», были всего лишь еще одной возможностью блеснуть на политическом небосводе Судана и не более.

Куда больший интерес, нежели предвыборная программа ЮДП, вызывает аналогичный документ ННК, который поразил многих наблюдателей весьма смелым ходом – выдвижением от исламистской партии чернокожего кандидата на пост президента страны – 56-летнего выходца из племени динка Абдаллы Денг Ниала.

Хасан ат-Тураби, лидер ННК, в очередной раз продемонстрировал великолепное политическое чутье, верно определив, как следует ударить в самую болевую точку нынешнего суданского общества, стоявшего на перепутье между выбором двух диаметрально противоположных вариантов: отделение Юга от Севера или сохранение национального единства.

Партия ат-Тураби выбрала второй вариант, но видела его реализацию через подлинную политическую, а главное абсо-

лютно легитимную революцию – приход на высшие и средние уровни власти в Судане южан, то есть реальное, а не формальное уравнивание их в правах с северянами.

Ниал так же, как и другие кандидаты на президентский пост, призывал уничтожить коррупцию, бороться с нищетой посредством улучшения образования, здравоохранения и коммунальных систем. При этом не стоит забывать, что неизменной остается исламская сущность Судана, так как, по мнению Мухаммеда аль-Амина Халифы, высокопоставленного функционера ННК, в исламе нет места расовой дискриминации, а поэтому он годится в качестве основы для построения полноценного единого суданского государства⁶⁷.

Разумеется, и сам Ниал, и его патрон ат-Тураби не рассчитывали победить в президентской гонке, да им это было совершенно не нужно. Целью кампании Ниала являлось привлечение внимания как суданской, так и мировой общественности к проблеме понимания сути национального единства в Судане, возможного лишь в одном случае, когда все жители страны реально равны в своих возможностях и ответственности перед обществом и государством.

Как уже упоминалось выше, суданские оппозиционные партии («Аль-Умма», ПУРВ, ЮДП и др.) ставили себе целью не победить на предстоящих выборах, а использовать их как очередной повод напомнить Судану и остальному миру о своем существовании и борьбе с «антинародным режимом аль-Башира».

В этих условиях их главным козырем была настоятельная нужда власти в честных, прозрачных и демократических выборах или создание видимости таких, что гораздо дешевле, но не менее эффективно. Для достижения этого необходима пусть и внешняя, но иллюзия соревновательности избирательного процесса, которая легко достигается за счет использования так называемых «дежурных кандидатов» – людей или партий, которые не претендуют на власть, но формально конкурируют с кандидатом от правящей партии или с ней самой.

Такими «дежурными кандидатами» на апрельских выборах и являлись «Аль-Умма», Национальный народный конгресс (ННК), ЮДП, Суданская коммунистическая партия (СКП), ПУРВ, Движение новых демократических сил, Объединенная юнионистская партия, Партия справедливости, Партия Суданский конгресс, Объединенная демократическая юнионистская партия,

Альянс профсоюзов, Суданская баасистская партия Мохаммеда Али Джадейна, Национальный демократический альянс, Суданская баасистская партия Мустафы ат-Тиджани, Суданский национальный альянс, Насеристская юнионистская партия, Легитимный Союз рабочих, Исполнительный комитет уволенных гражданских служащих, Национальный комитет уволенных гражданских служащих⁶⁸.

Эти партии объединились в блок под названием «Силы Национального согласия» (СНС, это явная отсылка к 1985 году, когда восстание 4–6 апреля против диктатуры президента Нимейри возглавил Союз национальных сил спасения, СНСС). Оппозиция, зная, что она нужна власти для обеспечения демократического лоска на выборах, решила использовать это в качестве рычага давления на власть и 21 марта 2010 года потребовала в ультимативном порядке от официального Хартума переноса выборов на ноябрь 2010 г., иначе «Силы Национального согласия» объявят бойкот выборам.

Требование переноса выборов было мотивировано необходимостью проведения к этому сроку в стране важнейших реформ в области национальной безопасности и СМИ (внесение изменений в Акт о Национальной безопасности, Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Акт о профессиональных союзах, Акт об иммунитете, Семейный кодекс, Акт о печатных СМИ и Акт об общественном порядке) и решения таких проблем, как дарфурский конфликт, демаркация границ между Югом и Севером, политическое соглашение по поводу результатов национальной переписи 2008 года (южане настаивали на том, что их неверно посчитали), восстановление независимости общественных институтов, особенно СМИ⁶⁹.

Фактически речь шла о том, чтобы правящий альянс НКС/СНОД поделился властью с оппозицией в лице триумвиата «Аль-Умма» – ПУРВ-ЮДП (предоставление им, как минимум, трети мест в парламенте, важнейших постов в правительстве и т.д.), на что аль-Башир и его окружение не пошли (суданский лидер однозначно заявил о том, что «мы не примем отсрочку выборов даже на один день»⁷⁰), будучи уверенными в том, что шантаж со стороны «дежурных кандидатов» обречен на провал. Эта уверенность зиждалась на следующих моментах:

– Во-первых, как и в случае с отзывом кандидатуры Ясира Армана, оппозиция, заявив о переносе выборов, не могла бойкотировать их де-юре.

– Во-вторых, перенос выборов на осень в условиях, когда вся страна делает все от нее зависящее, чтобы они прошли весной, невозможен, ибо это повлекло бы за собой огромное народное возмущение как на Юге, так и в особенности на Севере.

– В-третьих, уровень общественного доверия к оппозиции крайне низок, чтобы можно было говорить о каком-либо ее реальном влиянии на ключевые политические процессы в стране.

– Наконец, в-четвертых, целью демарша с переносом выборов было исключительно привлечение внимания к суданской оппозиции со стороны национальной и мировой общественности, а вовсе не желание бросить серьезный вызов команде аль-Башира, ответственной за проведение выборов.

Последнее было бы чревато для тех же самых «Аль-Уммы», ПУРВ и ЮДП, ННК, СКП и их еще более слабых союзников весьма серьезными и малоприятными последствиями (как это бывает, прекрасно видно на примере Хасана ат-Тураби, регулярно попадающего в тюрьму то за попытку организации государственного переворота, то просто за резкие высказывания в адрес власти).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что всего лишь через неделю после предъявления своих требований лидеры СНС по итогам встречи с руководством СНОД «решили отложить до следующей недели, после встречи в следующий вторник Сальвы Кириа с Омаром аль-Баширом, решение об их участии или бойкоте выборов»⁷¹.

В итоге жесткая и непреклонная позиция аль-Башира и общественные настроения накануне выборов привели к фактическому развалу СНС: «Аль-Умма» решила полностью бойкотировать национальные выборы, за исключением ряда штатов (Голубой Нил и Южный Кордофан)⁷², а ЮДП, наоборот, согласилась в них участвовать, заявив, что участие «в выборах есть тот путь, который принесет демократические изменения»⁷³.

Сами выборы прошли с типичным для такой страны, как Судан, набором нарушений: поздняя доставка бюллетеней на избирательные участки, нехватка бюллетеней, избирательные участки открывались с опозданием, фамилии кандидатов написаны с ошибками или обозначены неправильными символами (для безграмотных избирателей в Судане вместо фамилии кандидата должен был указываться символ, который ему соответствует), избиратели не находили себя в списках или перенаправлялись на другой участок, в списках которого они были и т.д.⁷⁴

Все эти нарушения говорят не столько о том, что НКС и СНОД «делали» выборы под себя, сколько о том, что общенациональные выборы проводились по формуле: «любой ценой», и поэтому на эти мелкие, с точки зрения масштабности задуманного, «грехи» и не обращалось чрезмерного внимания. К тому же в отличие от афганских выборов, где избиратели рисковали своими жизнями, идя голосовать, в Судане в этом плане все было гораздо спокойнее и безопаснее, в чем была безусловная заслуга властей.

Дополнительным доказательством тезиса о том, что для официального Хартума, перефразируя барона де Кубертена, главное выборы, чем победа на них, являются результаты голосования. Итак, в борьбе за пост президента страны, как полагается, победил Омар аль-Башир (НКС) с 68,2%, в то время как его основной оппонент Ясир Арман (СНОД) набрал 21, 7% и занял второе место, далее идут Абдуллах Денг Ниал (ННК) – 3,92%, Хатем ас-Сир (ЮДП) – 1,93%, Садык аль-Махди («Аль-Умма») – 0,96% и, наконец, Мубарак аль-Фадиль (ПУРВ) – 0,49%.

На Юге прослеживалась аналогичная картина: победу одержал действующий руководитель Южного Судана Сальва Киир, набравший голосов даже больше своего северного «визави», аж 93%, в то время как его противник Лам Аколль всего 7%⁷⁵. На фоне этих результатов победа аль-Башира начинает даже казаться вполне демократичной, все таки 68 с небольшим процентов это никак не 93 процента Киира, очень похожие на столь любимые египтянами исходы референдумов о продлении полномочий Хосни Мубарака, для краткости называемые «четыре девятки» (99,99%).

По результатам парламентских выборов партия аль-Башира также одержала более чем весомую победу, завоевав 72% голосов избирателей и конвертировав их в 319 депутатских мандатов. «Младшему брату» НКС СНОД досталось «всего» 22% голосов и 99 мест в Национальной ассамблее Судана, что на 6% меньше, чем было до выборов в соответствии с гл. 2., ст. 117, п. 1 ВКС («Временные положения для Национального законодательного собрания»). В Ассамблею также прошли ННК, ЮДП, «Аль-Умма», ПУРВ, «Братья-мусульмане», СНОД-Демократические перемены, а также три независимых кандидата⁷⁶.

Итоги избирательной кампании 2010 года, с одной стороны, наглядно доказали, что Судану по силам осуществление таких масштабных и трудоемких проектов, как общенациональ-

ные выборы, что, безусловно, вселяет уверенность в более или менее нормальном проведении взрывоопасного референдума 2011 года, но с другой стороны, эти выборы не смогли радикально переломить настроение южан, по-прежнему жаждущих независимости.

Очень ярко и образно этот момент отразился в аналитической статье Джастина Виллиса (профессор истории Университета Дарема) «За что голосовал Судан?», посвященной прошедшим суданским выборам. Виллис, говоря о выборах, совершенно справедливо писал о том, что «идея «Нового Судана» умерла вместе с выборами», подразумевая под этим, что разделение Судана на две части, контролируемые партнерами по ВМС – НКС и СНОД, было фактически узаконено ходом и самими результатами избирательной кампании 2010 года.⁷⁷

Логическим завершением весеннего «дерби-2010» явилось приведение 16 июня 2010 г. к присяге Правительства национального единства. В нем, как и обычно, «контрольный пакет акций» принадлежит НКС (24 министерских портфеля, включая пост главы МИД). Партнеру по правящей коалиции – СНОД досталось всего 8 министерств, в том числе и специально созданное под южан министерство нефтяной промышленности, данное ведомство должно, по замыслу команды аль-Башира развеять страхи Джубы насчет того, что ее «обсчитывают» при дележе нефтяных денег. Северосуданской оппозиции достались оставшиеся 3 портфеля федеральных министров⁷⁸.

Таким образом, опыт функционирования новой политико-административной системы, выстроенной на основе Временной конституции 2005 года и проверенной на прочность и устойчивость выборами 2010 года, показал, что вместо реального федерализма западного образца страна на момент январского референдума 2011 года уже была фактически разделена на два государства – Северный и Южный Судан.

Между ними до сих пор идет жесткое соперничество за главный стратегический ресурс страны – нефть. Проблема эксплуатации запасов углеводородного сырья в Судане напоминает Гордиев узел, который тесно связал между собой Хартум и Джубу: основные запасы нефти сосредоточены на Юге, а главный и пока единственный канал ее доставки на внешнее рынки контролируется Севером.

Наиболее наглядным выражением этого соперничества является борьба Джубы (столица Южного Судана) и Хартума

за контроль над провинцией Абъей, вернее за ее нефтяные месторождения.

Главными причинами провала проекта построения подлинного федеративного государства в Судане явилось нежелание центральных властей делиться с регионами доходами, в том числе и от продажи нефти, добытой в этих регионах, вкладывать значительные средства в развитие регионов, а также низкий уровень политической культуры большинства населения страны (отчасти являющийся следствием элементарной безграмотности, ставшей бичом для многих регионов Судана, особенно Юга), во многом обусловленный неразвитостью, а то и полным отсутствием объектов социальной инфраструктуры.

В этих условиях единственными способами удержания действенного контроля над региональными элитами является их подкуп или прямое силовое давление, то есть те приемы, которые более полувека назад так искусно применяла Великобритания.

Таким образом, суданский «федерализм» образца 1991–2011 года держался во многом благодаря жестко централизованной структуре суданской армии и сил безопасности, которые выполняли роль главной опоры суданской «федерации», а также за счет подкупа влиятельных местных племенных кланов в виде предоставления им «хлебных» местечек в национальном и региональном госаппаратах и фактической независимости Южного Судана, лишь подтвержденной итогами январского референдума 2011 года.

Глава 2.

ЮЖНЫЙ СУДАН: ДОЛГИЙ ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ

§ 1. «Кладбище суданских правительств»: проблема Юга и поиск ее решений (1955–2005 гг.)

Южносуданская проблема по праву занимала одно из центральных мест в современной истории Судана, ведь только две войны Юга и Севера заняли 39 из 55 лет независимого развития страны. Однако укладывать отношения между Югом и Севером Судана исключительно в рамки военно-политического конфликта, по меньшей мере, некорректно. Речь фактически идет о столкновении двух цивилизаций, которые, как было показано в первой главе, сыграли важнейшую роль в становлении феномена нынешнего Судана – одновременно арабо-мусульманской и африканской страны.

Кроме того, проблема Южного Судана, как мы увидим ниже, на рубеже 1960–1970-х годов окончательно выйдет за рамки регионального кризиса, став общенациональной трагедией, преодоление которой потребует от правящих арабо-мусульманских кругов достаточно радикальной трансформации своего как внутри-, так и внешнеполитического курса.

В отечественной историографии и учебной литературе долгое время господствовала точка зрения, что южносуданское сепаратистское движение возникло и набрало силу в первые годы существования независимой суданской республики⁷⁹.

Однако на самом деле верна лишь вторая часть этого утверждения: официальная точка зрения Суданского народно-освободительного движения гласит, что «неспособность колониальных властей позволить людям «закрытых районов» [то есть южанам – автор] осуществить свое право на самоопределение являлась одним из основных факторов, приведших к первой гражданской войне в Судане (1955–1972)»⁸⁰.

Другими же причинами I гражданской войны Юга и Севера стали отказ Хартума от строительства подлинной суданской демократической федерации, нежелание южан становиться

гражданами второго сорта в условиях, когда Юг должен стать бесправным придатком Севера (при этом необходимо учитывать, что в исторической памяти южан были еще свежи воспоминания о набегах северян на Юг с целью обращения в рабство и последующей перепродажи его жителей)⁸¹.

Интересен взгляд на эту проблему американских специалистов, считающих, что «конфликт в Судане не исключительно региональный и также не исключительно религиозный, вызванный колоссальными размерами страны...современный конфликт разожжен громадной разницей между историческими идентичностями [имеется в виду историческая идентичность южан, полагающих, что именно они исконные суданцы, а северяне – лишь потомки пришлых арабо-мусульманских захватчиков с Севера, и историческая идентичность северян, считающих себя «отцами» суданской исламской государственности и национальности и пытающихся «научить» этому строптивых южан – С.С.]...здесь нет объединяющей идентичности; разнообразие – основа разделения страны»⁸².

А вот с точки зрения Хартума, виноваты в юго-северном противостоянии исключительно британцы, своей колониальной политикой разделившие единый Судан на два непримиримых и постоянно враждующих региона⁸³.

Начало активной борьбы южносуданцев за свои права пришлось на лето 1955 года, когда по Югу в конце июля – в августе прокатилась волна беспорядков, вызванная политикой «суданизации» южных провинций (то есть замены английских служащих на суданских чиновников в местном административном аппарате). «Суданизация» привела к тому, что большинство должностей в южносуданской администрации заняли выходцы с севера (южанам достались только должности глав двух районов и четырех помощников глав района⁸⁴).

Причиной тому стало то, что «суданизация» производилась с учетом целого комплекса критериев (уровень образования, опыт работы и т.д.), по которым формально южане могли претендовать максимум лишь на должность помощника главы района.

Кульминацией беспорядков на Юге стал мятеж, поднятый 18 августа 1955 г. против официального Хартума южносуданскими солдатами Экваториального корпуса в городе Торит. Для подавления этого бунта на Юг посредством авиатранспортов британских BBC были переброшены правительственные войска.

Общее число северян, погибших в ходе беспорядков, превысило 260 человек⁸⁵.

Жестокая расправа над южносуданскими мятежниками не привела к установлению стабильной и безопасной обстановки на Юге, так как причины мятежа и вообще массового недовольства южан политикой Хартума не только не были устранины, но и, наоборот, еще более усугубились.

Начавшаяся в это время партизанская война, которую стали вести южане, разрасталась с каждой новой карательной акцией хартумских войск, полиции и местных властей (южан запугивали, публично казнили, заживо сжигали в своих домах⁸⁶), что в свою очередь делало невозможным развитие южносуданской социально-экономической инфраструктуры, вынуждая людей либо присоединяться к повстанцам, либо бежать за пределы страны.

Именно вследствие летних волнений 1955 года в Южном Судане и крайне агрессивной реакции на них со стороны официального Хартума в регионе возникает организация, ставшая в 1960-х годах лицом южносуданского сопротивления – «Анья-Нья» (АН, «Жало змеи»). У истоков создания АН стоял союз новой (получившей образование) и старой (традиционной) южносуданской элиты. Лидером АН стал Джозеф Лагу. Примечательно, что первоначально АН стояла на позициях борьбы против «суданизации» и за приобретение постов в центральной и местной администрации.

Однако затем, столкнувшись с суровыми репрессиями со стороны Хартума, АН полностью перешла к военным действиям против суданской армии и сил безопасности. В политическом плане АН подчинялась САНУ (Судано-африканскому национальному союзу, образованному в феврале 1962 года в городе Леопольдвиле, нынешней Киншасе, из южносуданцев: традиционной и образованной элиты, торговцев, чиновников, крестьян, живших как в Судане, так и за его пределами)⁸⁷.

Но куда более губительным для перспектив мирного разрешения южносуданской проблемы оказалось решение правительства о высылке в связи с участием в политической борьбе⁸⁸ всех иностранных религиозных (христианских) миссий с территории южных провинций, принятое в марте 1964 года⁸⁹.

Драматизм ситуации состоял в том, что именно в школах при миссиях обучалась значительная часть южносуданцев, которые в знак протesta против насилиственного навязывания

арабского языка и исламской культуры отказывались посещать немногочисленные государственные школы (так, в 1963 году на весь Юг приходилась всего одна средняя общеобразовательная школа, открытая в Румбеке еще в 1948 году⁹⁰).

Ликвидация христианского миссионерства на Юге уничтожила возможность для большинства суданцев бесплатно получить достаточно неплохое по меркам страны начальное и среднее образование. К тому же стоит учесть то обстоятельство, что растущий размах I гражданской войны Юга и Севера Судана (1955–1972 гг.) привел к запустению большинства государственных школ, которые для партизан-южан были символами ненавистного им хартумского режима.

В итоге все это стало одной из причин того, что количество безграмотных суданцев от общего числа населения к 1990 г. составило 72,9%⁹¹. Эта удручающая картина не изменилась и в 2000-х годах: по данным, приведенным в статье российского исследователя Н.К. Тихомирова, из каждого 4 взрослых мужчин на Юге Судана трое неграмотны, а из 10 женщин – 9 человек⁹².

Тем не менее в 1956–1958 гг., несмотря на разгорающуюся войну, была возможность добиться мирного разрешения конфликта. В 1958 году в парламенте частью южносуданских депутатов – членов Либеральной партии Юга был образован Федеральный блок (ФБ, «Аль-Кутля аль-фидералийя»). ФБ выдвинул требования признания христианства наряду с исламом в качестве официальной религии, создание на Юге самостоятельного административного аппарата, вооруженных сил, разработки программы экономического развития региона.

Столкнувшись с непониманием своих чаяний участники ФБ в июле 1958 года (по другим данным, в июне) вышли из парламента и создали Федеральную партию, стоявшую на тех же позициях, что и Блок⁹³, и также не сумевшую добиться осуществления своих программных целей.

Важным обстоятельством, препятствовавшим достижению сколько-нибудь значительного прогресса в деле разрешения острого северо-южносуданского антагонизма, являлись идеино-политические установки, господствовавшие в среде суданской элиты вплоть до начала 2000-х годов (когда ей под напором обстоятельств пришлось пойти на уступки), заложником которых неизбежно становилось любое хартумское правительство.

Например, ведущая северосуданская партия «Аль-Умма» в своем документе «К новым горизонтам. Программа партии

Аль-Умма 1965 г.» указывала на то, что «установление и реализация этого исламского строя, его законоположений и принципов не только не разделяет мусульман и немусульман, но и служит средством, обеспечивающим свободу, братство и равенство – великие достижения человеческой цивилизации»⁹⁴.

Более того, в том же документе говорилось о том, что «в суданском обществе имеются различия, которые являются отражением племенного и религиозного сознания, что препятствует установлению братских отношений между населением страны и объединению его в национальный союз. Именно поэтому наша политика в социальной сфере имеет целью уничтожение этих различий и слияние суданской нации»⁹⁵. Как уже указывалось выше, это «слияние» должно было произойти на основе исламского строя.

Таким образом, те суданские политики, которые готовы были пойти на уступки южносуданцам, в частности, по таким ключевым вопросам, как признание равенства прав мусульман и христиан на Юге и на Севере, нераспространение юрисдикции шариатских судов на Южный Судан и другие спорные моменты, оказывались предателями нации в глазах северосуданской политической элиты и ее многочисленной клиентелы.

В результате сложился замкнутый круг: южносуданскую проблему нельзя решить военным путем, но попытки наладить эффективный мирный процесс, для чего неизбежно приходится идти на уступки южанам, наталкивались на обвинения в предательстве и влекли к отставке (чаще всего насильственной) правительства, чьи финансовые ресурсы всецело поглощались боевыми действиями, а потому не могли служить целям восстановления национальной экономики⁹⁶, что помогало возвращению военных к власти с их силовыми методами «урегулирования» кризиса в Южном Судане. Так возникла проблема Юга, которая во второй половине 1980-х годов с легкой руки египетских журналистов будет названа «кладбищем суданских правительств»⁹⁷.

Немалый вклад в обострение данной проблемы внесли государства, оказывавшие массированную поддержку отрядам АН: Уганда, Эфиопия, Конго, ЮАР, Израиль, Чад, ФРГ, Бельгия, США, Великобритания. Накачивая оружием южносуданских сепаратистов, они внушали их руководству уверенность в том, что проблему Юга можно решить военным путем.

Однако даже несмотря на то, что, как пишет отечественный исследователь К.И. Поляков, «армия [правительства – автор]

была плохо обеспечена оружием, боеприпасами, транспортными средствами и продовольствием»⁹⁸, суданские вооруженные силы сумели, пусть и ценой огромных потерь, сохранить контроль к концу 1960-х годов над ключевыми пунктами региона.

Но в то же время Хартуму не удалось разгромить АН. Для этого требовалось, как минимум, поставить под контроль, а как максимум, значительно сократить, а еще лучше – полностью уничтожить основной мобилизационный ресурс повстанцев – подавляющее большинство мирного населения Южного Судана, включая беженцев в приграничных государствах, но пойти на это Хартум не мог по морально-этическим, политическим и военно-тактическим соображениям.

АН в свою очередь не смогла вытеснить с Юга правительственные войска, засевшие в крупных городах, опираясь на несомненное превосходство в тяжелой технике и вооружении, и поэтому к 1969 году ситуация в регионе зашла в тупик. Обе стороны были обескровлены и нуждались в передышке, а сам Юг в восстановлении (а фактически создании заново) нормальных условий жизни.

Помимо этого, свою лепту во все последующие события внес очередной военный переворот в Судане, «майская революция» 1969 года, в ходе которой у руля страны встали военные под командованием полковника Джаафара Нимейри. Новые руководители страны в целях легитимации своего режима и повышения его прочности и стабильности активно приступили к решению южносуданской проблемы.

Их, а особенно Нимейри, к этому подталкивал еще и шок от «июльского кошмара 1971 года», заставлявший суданского лидера во всем, что мало-мальски выбивалось из общего порядка, видеть угрозу лично себе и своему режиму. В этом плане события в Южном Судане безусловно были серьезной угрозой стабильности и безопасности режима Нимейри.

Таким образом, в конце 1960-х – начале 1970-х годов сложилась крайне благоприятная обстановка для урегулирования конфликта на Юге: мира хотели и южане, и северяне, вдобавок была ощутимая поддержка со стороны внешних, как региональных, так и мировых сил (императора Эфиопии Хайле Селассие I, Всемирного совета церквей, Всеафриканской конференции церквей) и Суданского совета церквей, ставших посредниками в деле налаживания миротворческого процесса между Югом и Севером.

Это посредничество увенчалось успехом: 28 февраля 1972 года в Аддис-Абебе официальный Хартум и руководство южносуданских сепаратистов заключили соглашение о прекращении военных действий и предоставлении Югу статуса автономного региона в рамках единого государства. Спустя месяц, 27 марта 1972 года данные соглашения вступили в законную силу. Этот день вскоре был объявлен государственным праздником – Днем Национального единства.

«Аддис-абебское соглашение по проблеме Южного Судана: проект Органического закона по организации регионального самоуправления в южных провинциях Демократической Республики Судан» (AAC) состояло из 8 глав и приложений.

В преамбуле Соглашения говорилось о том, что «в соответствии с положениями Конституции Демократической Республики Судан и в целях реализации декларации «Майской революции» от 9 июня 1969 года предоставить южным провинциям Судана региональное самоуправление в рамках единого социалистического Судана»⁹⁹.

Ст. 4–5 декларировали, что «провинции Бахр-эль-Газаль, Экваториальная и Верхний Нил, как это определено в статье 3, должны представлять собой самоуправляющийся регион в Демократической Республике Судан – Южный регион...имеет законодательные и исполнительные органы, функции и полномочия которых определяются настоящим законом»¹⁰⁰.

Такими органами стали Народная региональная ассамблея (НРА) и Высший исполнительный совет (ВИС), главу которого назначал и освобождал от должности президент Судана. НРА и ВИС от центрального правительства были переданы вопросы контроля над расходованием финансовых средств региона, организации местных и региональных органов власти, содержания тюрем, образования, здравоохранения и т.д.

В то же время статья 7 запрещала южносуданским властям заниматься вопросами национальной обороны, финансов (имеется в виду денежно-кредитная политика в масштабах страны, например эмиссия денег), внешней политики, транспорта и связи¹⁰¹.

В приложения было вынесено перечень основных прав и свобод граждан Судана, Проект постановления, касающийся вопросов доходов и дотаций Южного Судана, соглашение о прекращении огня в Южном регионе, протоколы о временных механизмах (временное административное устройство, размещение суданских вооруженных сил на Юге, условия амнистии).

Подписание ААС и принятие на его основе «Акта 1972 года об автономном правительстве Южных провинций» («Акт 1972 года») завершило многолетнее кровопролитное противостояние Юга и Севера (по разным данным, только число погибших южан колеблется от 750 тысяч до полутора миллиона человек¹⁰²).

Но самое главное, ААС и «Акт 1972 г.» открывали широкое поле возможностей для развития Юга Судана, создания там разветвленной социально-экономической инфраструктуры и, в конечном итоге, превращения его в один из ведущих регионов страны.

Другим важным моментом Соглашения явилось то, что оно дало начало процессу объединения южан и северян в рамках единой суданской нации, который, как предполагалось творцами ААС, должен идти на основе взаимного уважения, понимания и принятия ценностей Юга и Севера.

Кроме того, необходимо понимать, что сам факт заключения ААС свидетельствовал об окончательном перерастании южносуданского кризиса из внутренней в международную проблему, а также о стремлении и готовности Хартума пойти на изменение своих прежних политических установок ради сохранения единства страны.

Почему же тогда Аддис-абебское соглашение не было выполнено? На этот вопрос прямо и однозначно ответить сложно, поэтому для начала лучше познакомиться с основными существующими на данный момент точками зрения по этой теме.

Первая точка зрения, самая распространенная и популярная в Судане, представляет собой формулу: «Всем виноват Нимейри». Суть ее проста: «Президент Нимейри полностью использовал слабые места Соглашения, такие как отсутствие полномочий [у региональных властей – автор] по осуществлению экономического планирования и развития, сохраняя абсолютную нищету и бедность на Юге»¹⁰³.

Логика подобных действий со стороны центральных властей проста: пока регион слаб, он не может сколько-нибудь угрожать балансу сил в стране, а если он окрепнет, то региональная элита может потребовать перераспределения материальных и иных благ в свою пользу, что не может не беспокоить Хартум.

Также Нимейри в 1970-х годах систематически нарушал положения ААС, позволяя себе толковать их в выгодном для официального Хартума русле, что на фоне стагнации социаль-

но-экономического развития Юга выглядело еще одним доказательством тщетности попыток мирного и по-братьски равноправного сосуществования с Хартумом, а раз так, то наиболее решительные оппоненты центрального правительства вновь взялись за оружие и вернулись к партизанской деятельности.

Вторая точка зрения винит в провале ААС гигантскую коррупцию, поразившую в 1970-х годах все ветви региональной власти на Юге. Размах этого бедствия не может не впечатлять: ежегодно разворовывалась половина всех бюджетных средств Южного Судана (9 из 18 миллионов суданских фунтов)¹⁰⁴.

«Отцами» южносуданской коррупции считают Абеля Альера (первого премьер-министра Южного Судана) и Джозефа Лагу (лидер Движения за освобождение Южного Судана, главнокомандующий Экваториального корпуса, также возглавлял южносуданский кабинет министров)¹⁰⁵.

Согласно третьей точке зрения, во многом схожей с первой, главной «виновницей» срыва реализации ААС является нефть¹⁰⁶, обнаруженная «Шеврон компани» (США) в 1979 году (по другим сведениям, в 1980 г.) близ города Бантиу (Южный Судан)¹⁰⁷.

Так как нефтяные поля в административно-территориальном плане являлись на тот момент частью Южного региона, то с целью установления над ними своего контроля президент Нимейри в начале 1980-х годов провел на Юге целую серию административно-политических преобразований.

Так, в феврале 1980 года был принят «Акт 1980 года о Высшем исполнительном совете и Региональной Ассамблее», посредством которого Нимейри в октябре 1981 г. распустил ВИС и НРА. Наконец, 5 июня 1983 года Нимейри издал декрет, по которому Южный Регион делился на регионы Бахр аль-Газаль, Экваториальный и Верхний Нил.

Как отмечает Лам Аколь, это решение было «грубым нарушением статьи 8 Конституции 1973 года и статьи 2 Аддис-Абебского соглашения»¹⁰⁸. Все это, в свою очередь, и стало основными причинами восстания южан в 1983 году¹⁰⁹.

Четвертая точка зрения видит корень всех зол в политике исламизации, которую Нимейри сначала осторожно, а потом все более агрессивно стал проводить в Судане.

Формальной точкой отсчета «исламской революции» Нимейри является 1977 год, когда руководство страны приступило к осуществлению политики «национального примирения», а факт-

тически нимейриевский режим начал «крениться» в эту сторону уже в июле 1971 года, когда лишился опоры в лице обезглавленной СКП и шедших за ней профсоюзов.

Суть этой политики была проста: правящий режим не мог полностью уничтожить противостоящие ему силы суданской оппозиции в лице Национального фронта¹¹⁰, так как мог опираться в борьбе с ней только на госаппарат и силовые структуры, где на места активистов и участников левых партий приходили сторонники правых, а та, в свою очередь, не могла свергнуть диктатуру Нимейри.

Исходя из сложившегося положения, руководство страны решило пойти на компромисс с правой оппозицией (левая была разгромлена в июле 1971 года) путем предоставления ей ограниченного права на участие в политической жизни страны, а также и в процессах управления ею.

Решительнее всего на сделку с режимом пошли сторонники лидера суданских исламистов Хасана ат-Тураби: они стали проникать в аппарат армии, полиции, службы государственной безопасности, руководство Суданского социалистического союза (правящая партия), распространяя там свое влияние.

Эта тактика получила название «фикх ад-дарура» («юриспруденция необходимости»)¹¹¹, когда ради достижения основной стратегической цели – захвата власти и построения подлинного исламского государства можно было пойти на временное тактическое отступление в виде сотрудничества с «неверным» режимом, тем более, что другого пути (и это хорошо видно на примере событий 1989–1999 годов) к захвату власти в такой огромной стране у суданских исламистов не было.

С другой стороны, сам Нимейри решил вовсю использовать организационно-политический потенциал исламистов, намереваясь укрепить свою власть за счет превращения Судана в исламское государство, где президент правит не по воле народа, а по милости Аллаха, трактуемой его земным наместником, как ему угодно.

Кульминацией политики исламизации, проводимой режимом Нимейри, послужили события конца 1983 года: 8 сентября было принято решение о введении в Судане (включая и южные провинции) исламского законодательства и замене гражданского судопроизводства шариатом (эти законодательные акты в историографии, как отечественной, так и зарубежной, получили название «сентябрьских законов»). Это стало последней

каплей, переполнившей чашу терпения южан и приведшей к началу Второй гражданской войны между Югом и Севером.

В контексте анализа причин невыполнения положений Аддис-абебского соглашения и краха мирного процесса на Юге представляется интересным и мнение видного суданского экономиста Мухаммеда Мустафы аль-Муртады. Он видит причины крушения аддис-абебского мирного процесса в следующем:

1. На Юге не был создан Институт общественной администрации, который бы готовил кандидатов для различных управленических должностей.
2. Южносуданская административная система, страдающая от нехватки квалифицированных кадров, не была разветвленной и не охватывала весь регион. Вследствие этого в ней, за исключением представителей племени динка, осевших в центральном аппарате региональной администрации, не были представлены другие народности Юга, что заложило базу для будущих межплеменных столкновений.
3. Вместо создания необходимого потенциала (кадрового резерва для занятия низших и средних должностей в региональной администрации) для обеспечения будущего развития Юга в переходный период, который даже не был предусмотрен, за границу на учебу в знаменитые британские и американские университеты были отправлены учёные, большинство которых там позже и осело.
4. Значительная часть высококвалифицированных гражданских служащих очень быстро ушла с головой в политику, «оголив» целый ряд должностей и направлений в административном аппарате Юга.
5. Несмотря на то, что трудоемкие общественные работы рассматривались в качестве важной составной части стратегии по развитию сельских районов Юга, не было предпринято серьезных политических усилий для реализации подобных проектов. В результате это привело к концентрации населения и ресурсов в нескольких центрах.
6. Не было разделения на региональный бюджет и бюджет развития, из-за этого возник дефицит средств, идущих на финансирование региональных программ развития: все средства «проедались» бюрократией или тратились на неотложные нужды.
7. У региональной администрации не было приоритетных целей развития. Например, развитию речного транспорта и

- железных дорог не уделялось должного внимания, которого они заслуживали.
8. Не было надлежащего финансового контроля и аудита, что привело к мошенничеству и коррупции.
 9. Острая нехватка специалистов в области финансов и планирования привела к неустойчивому финансированию проектов, средства на которые выделялись в рамках грантов и благотворительной помощи.
 10. Постоянные изменения в составе ВИС делали крайне нестабильной работу органов региональной администрации.¹¹²

Иначе на причины начала Второй гражданской войны Юга и Севера (1983–2005 гг.) смотрит видный американский суданист Дуглас Джонсон. По его мнению, к возобновлению вооруженного противостояния между Хартумом и Джубой привели следующие причины:

1. Конфликт южан с центральным правительством из-за границ Южного Судана.
2. Роль южносуданского регионального правительства в развитии ресурсной базы Юга, особенно с учетом растущей прибыли от эксплуатации их нефтяных полей.
3. Растущая конфронтация в региональной политике между «экваториальными» и «нилотами» (особенно динка).
4. Разочарование в регионе судьбой повстанцев из АА, поступивших на службу в национальную армию¹¹³.

Так каковы же истинные причины неудачи, постигшей процесс реализации Аддис-абебского соглашения? На наш взгляд, реальные причины краха Аддис-абебского проекта кроются в совокупном действии всех этих факторов.

Так, мы не можем однозначно заявлять, что правительство Нимейри совсем ничего не делало для Юга после 1972 года. Факты, казалось бы, напротив, говорят об обратном: завершилась Первая гражданская война Юга и Севера, были выпущены из тюрем и реабилитированы сотни бывших сепаратистов, начался процесс возвращения беженцев, к 1976 году была восстановлена школьная система (правда, она охватила лишь 18% детей школьного возраста из-за малого числа школ), в 1977 году в Джубе открыт университет, на Южный регион распространена политика «инфитаха» («открытых дверей»)¹¹⁴.

Однако все эти благие начинания были напрочь перечеркнуты южно- и северосуданской политическими элитами, которые оказались неспособны преодолеть свои узоклановые интересы и направить развитие страны в сторону создания на ее территории полноценной социально-экономической инфраструктуры.

Наиболее красноречиво об этом свидетельствуют цифры, приведенные в работе Н.К. Тихомирова: «...За период с 1972/1973 по 1976/1977 финансовый год на цели развития Юга госбюджетом было предусмотрено выделение 38,3 млн. суд. фунтов... было выделено только 7, 68 млн. суд. Фунтов, ...эти суммы шли в первую очередь на содержание государственного аппарата. Часть средств разворовывалась»¹¹⁵.

Также этому помешала непрекращающаяся борьба режима Нимейри с правой оппозицией, представленной Национальным фронтом, которая диктовала свою логику действий: главным здесь для Нимейри и его окружения было любыми путями сохранить свою власть, а не думать о развитии страны.

В этом контексте становится понятным решение Нимейри опереться на исламистов, противопоставив их традиционалистам (партиям «Аль-Умма» и ЮДП, а также стоящим за ними влиятельнейшим дервишеским орденам «Аль-Ансарийя» и «Аль-Хатмийя»). Однако опора на исламистов привела к конфликту с южносуданцами, выступающими против создания в стране исламской государственности.

Кроме того, немаловажным фактором срыва ААС явилась позиция части южносуданской элиты, которая с самого начала аддис-абебского урегулирования не доверяла официальному Хартуму. Так, в 1987 г. Джон Гаранг откровенно признался в интервью: «Мы очень активно в течение 10 лет, с 1972 по 1982 гг., планировали начать народную революцию»¹¹⁶.

Впрочем, нельзя исключать, что данное заявление было сделано, что называется, «на публику», так как Гарангу нужно было объяснить, почему он в эти годы усиленно делал свою карьеру в рядах суданской армии (дослужившись от капитана до полковника¹¹⁷), а не сражался с «ненавистным» ему хартумским режимом.

Однако, скорее всего, позиция и поведение будущего южносуданского лидера в период 1972–1983 годах объяснялись как верой и надеждой на то, что ААС заработает в полную силу и позволит в обозримой перспективе мирным способом построить «Судан для суданцев», где права и обязанности граж-

дан не будут зависеть от их национальности, расы, вероисповедания и т.д, так и прагматичным подходом: понимая в конце 1970-х, что ААС так и не будет реализовано до конца, Гаранг как опытный военный стал усиленно готовить своих сторонников к восстанию, и этот процесс естественным образом растянулся на несколько лет.

Кроме этого, не стоит сбрасывать со счетов психологию южан, уже переживших одну кровопролитную войну и стоявших на пороге второй. В подобной ситуации сильным было желание избежать этой войны или хотя бы отсрочить, насколько это было возможно, ее начало.

Говоря о причинах срыва ААС, не стоит забывать и про более глубинные моменты, нежели диктатура Нимейри, дичайшая коррупция на Юге, порожденная еще более масштабным коррупционным маховиком на Севере, нефть¹¹⁸ и исламизация.

Речь идет о неспособности Хартума примириться с мыслью о том, что Судан – это не только Север и Центр страны, но и Юг, а потому Демократическая Республика Судан никак не может быть исключительно арабо-мусульманским государством, а должна стать во имя сохранения своего единства подлинным африкано-арабским государством, где не должно быть официально доминирующей (ислам) религии.

Хартум и Север в целом пытались решить эту проблему совершенно иным путем – насильственным насиждением на Юге исламо-арабской цивилизации и культуры, о чем уже не раз упоминалось выше. Обобщая, можно сделать вывод о том, что основным стимулом существования независимого суданского государства с 1956 года до 2011 года являлось стремление «научить» южан быть «северянами», ибо для политической элиты Севера суданец – это либо араб, либо мусульманин, но никак не африканец, исповедующий анимизм или христианство. Разумеется, в настоящий момент подобные взгляды не афишируются, но продолжают существовать в умах многих северосуданских политиков.

Тем не менее при всех своих минусах аддис-абебский мир наглядно доказал возможность продуктивного диалога между, казалось бы, непримиримыми врагами: повстанческими африкано-анимистско-христианскими силами и центральным исламо-арабским правительством.

Окончательно же аддис-абебские договоренности рухнули 16 мая 1983 года, когда восстал гарнизон города Бор (105-й пе-

хотный батальон), образованный из бывших бойцов «Анья-Нья». Восстание было спровоцировано планами Хартума поменять местами армейские подразделения, сформированные из южан и северян: южносуданские части перемещались на Север, а северосуданские, наоборот, – на Юг.

Такой маневр уже выполнялся центральным армейским командованием в 1982 году и тогда сорвал замысел южносуданских повстанцев по развертыванию нового этапа вооруженной борьбы с Югом, начало которого намечалось на 18 августа 1982 г., день когда в 1955 году восстал гарнизон Торита¹¹⁹.

Руководителем майского восстания 1983 г. стал Керубино Бол. В течение лета-осени 1983 года восставших поддержали южносуданские подразделения, дислоцированные в районе городов Пибор и Айод.

Во многом массовое восстание южан в 1983 году было непосредственно спровоцировано «сентябрьскими законами» Нимейри и разделением Южного региона на три отдельные провинции, что впрямую нарушало букву и дух AAC.

Уходя от репрессий со стороны правительственные сил, восставшие бежали в Эфиопию, где еще с середины 1970-х годов обосновались недовольные заключением AAC бойцы АН. Аддис-Абеба, размещая у себя на территории южносуданских повстанцев, руководствовалась тем, что раз Хартум поддерживает эфиопских повстанцев, то и Эфиопия, защищая свои интересы, может и должна поддерживать противников хартумского режима.

Такая поддержка стала в массовом порядке осуществляться в 1976 году и закончилась лишь со свержением режима Мэнгисту Хайле Мариама в 1991 г.¹²⁰

Хартум, стремясь малыми средствами остановить разрастающееся повстанческое движение, посыпает на Юг в качестве посредника для переговоров с мятежниками полковника суданской армии, выходца из племени динка, Джона Гаранга де Мабиора.

Однако тот вскоре переходит на сторону восставших, по всей видимости, полагая, что дни режима Нимейри сочтены и потому при эфиопской поддержке можно достаточно быстро добиться решительного успеха, завоевав власть в стране.

Время покажет, что Гаранг ошибся как минимум в двух вещах: во-первых, относительную военно-политическую победу южане одержат лишь в 2005 году, а во-вторых, им так и не уда-

стся полностью подчинить себе Судан, как, вероятно, он рассчитывал сделать в начале-середине 1980-х годов¹²¹. Тем не менее Джон Гаранг стал к началу 1990-х годов подлинным вождем южан и выразителем их интересов как на национальном, так и на международном уровнях.

Его ближайшим соратником вскоре становится Сальва Киир Майярдит, на долю которого выпадет немалое количество испытаний во второй половине 2000-х годов. Образовавшаяся тройка южносуданских лидеров (Гаранг, Киир¹²² и Бол) организационно оформила разрозненное поначалу южносуданское сопротивление, создав мощное Суданское народно-освободительное движение/Суданскую народно-освободительную армию.

Ожесточенная борьба между СНОД/СНОА и Хартумом велилась не только на полях сражений, но и в области идеологии. Значение этой борьбы при затяжных конфликтах очень велико, так как именно она транслирует основные цели и задачи воюющих сторон рядовым участникам конфликта и потенциальнym сторонникам того или иного противоборствующего лагеря, мобилизую последних на решительную борьбу с врагом, будь то в рядах СНОД/СНОА или в национальной армии и правительственные силах.

Руководство СНОД/СНОА во главе с Джоном Гарангом активно отстаивало идею построения «Нового Судана», государства «суверенного, демократического, децентрализованного, поликультурного, полирасового, полиэтнического, поликонфессионального и многоязычного»¹²³. «Новый Судан» Гаранг прямо противопоставлял «Старому Судану», обществу, построенному на основе «расизма, религиозного фундаментализма, сектантства, трайбализма, рабства, апартеида или диктатуры (пролетариата, генерала или муллы)»¹²⁴.

Именно проект создания «Нового Судана» большинство южан в 1990-е – первой половине 2000-х годов считало единственной разумной альтернативой многолетнему противостоянию Юга и Севера, унесшему миллионы жизней.

Интересно, что первоначально у движения были другие цели и задачи: «Безотлагательной целью для СНОД является трансформация южного движения от реакционного движения, ведомого реакционерами и концентрирующегося исключительно на Юге, работе и личных интересах, в прогрессивное движение, руководимое революционерами и посвященное социалистической трансформации всего Судана»¹²⁵.

В том же 1983 году, когда вышел процитированный выше «Манифест СНОА», были принятые «Революционные законы суданского народа: карательные меры народной революции СНОД/СНОА», в которых со всей прямотой и решительностью утверждалось, что «Марксистско-ленинское движение, известное как суданское народно-освободительное движение, должно быть единственной политической организацией, выражающей интерес угнетенных трудовых масс суданцев»¹²⁶.

Подобный уклон СНОД/СНОА образца 1980-х годов в «прогрессивную идеологию марксизма-ленинизма» был вызван необходимостью получить поддержку у столь же «прогрессивного» режима Мэнгысту Хайле Мариама в Эфиопии, где, как уже об этом говорилось выше, еще с середины 1970-х гг. стали располагаться тыловые базы южносуданских боевиков.

Переход к проекту «Нового Судана» в начале 1990-х годов был вынужденным, так как руководство СНОД/СНОА из-за падения режима Мариама осталось без серьезного внешнего спонсора и спустя некоторое время обрело его в лице другого «защитника и освободителя угнетенных народов» – США. Вашингтону же требовалась иная «прогрессивная идеология», и Движение оперативно разработало проект «Нового Судана».

Кроме того, эта идеологическая программа куда больше отвечала потребностям в большинстве своем неграмотных южносуданцев и их союзников из числа жителей штатов Южного Кордофана, Гор Нуба и Голубого Нила, не разбирающихся даже в примитивном марксизме-ленинизме.

Совершенно по-другому во время II гражданской войны Юга и Севера (1983–2005 гг.) видели решение южносуданской проблемы хартумские лидеры. Яркий тому пример – программа Садыка аль-Махди (глава партии «Аль-Умма», премьер-министр Судана в 1986–1989 гг.) по исламизации и арабизации Юга Судана, для чего необходимо применение целого комплекса политических, экономических, социальных и даже культурных мер:

1. «Метод взаимных отношений» – использование взаимных разногласий между южносуданскими лидерами, в частности между членами кочевых и земледельческих племен, установление между ними и Хартумом взаимных отношений.
2. «Метод ассимиляции» – строительство исламских школ и использование северян-торговцев для поселения их в центральных районах Южного региона с целью смешения с автохтонным населением.

3. «Метод экономического привлечения» – реализация на Юге экономических проектов на условиях финансирования и управления их северосуданскими арабами. Такой подход к развитию региона неизбежно вызовет у южан интерес к Северу, да и всему арабскому миру в целом.
4. «Метод дестабилизации» состоял в расселении большого количества южан на Севере, чтобы они привыкли к северянам, растворившись среди них и потеряв точку опоры в лице своих традиционных племенных институтов, которые на Севере не могут действовать.
5. «Метод атаки на христианскую этику» – привитие южанам новой ментальности, которая бы отвергала мысль о том, что северяне – злейшие враги южан. Распространение мысли о том, что южане и северяне все вместе являются жертвами империализма и белой цивилизации. Усвоение южанами этого постулата побудило бы их искать справедливость в исламе¹²⁷.

Сравнивая I и II гражданские войны между южанами и северянами, мы без труда находим общие черты, присущие обоим конфликтам: долговременный характер, сочетание методов партизанской и регулярных войн, множество неудачных попыток остановить войну и прийти к мирному соглашению, обоюдная жестокость, большие расходы на ведение военных действий, отсутствие решительного военно-политического перевеса одной стороны над другой, огромное количество жертв (почти 2 млн. убитых¹²⁸), значительный урон, нанесенный социально-экономической инфраструктуре страны и т.д.¹²⁹

Вследствие этого для большинства исследователей события 1983–2005 годов являются не новой гражданской войной, а возобновлением старого, идущего еще с 1955 года вооруженного конфликта между Югом и Севером¹³⁰.

Однако помимо общего у данных конфликтов есть и важные отличия: первая война закончилась признанием особого автономного статуса Южного региона, а вторая предоставила южанам право на самоопределение, что было абсолютно невозможным в 1960–1970-е годы.

Чем было вызвано такое достаточно радикальное изменение взглядов Хартума, всегда незыблемо стоявшего на позициях единого (исламо-арабского) Судана, но признавшего в середине 2000-х годов право южан на самоопределение (219-я статья

Временной конституции 2005 года), что открыло последним финальный отрезок длинного пути к независимости?

Как и в случае с вопросом о причинах провала ААС, данный вопрос крайне сложен. На наш взгляд, такая метаморфоза официальных политико-идеологических позиций Хартума могла быть вызвана следующими причинами:

– Во-первых, оглушительный провал в 1990-е годы проекта строительства «Исламской Республики Судан» (ИРС)¹³¹. «Зеленый проект» вместо чудесной панацеи для страны, пораженной хроническими социально-экономическими и политическими кризисами, стал фактически угрозой для ее существования в форме единого государства (неудачная попытка Хартума насильно исламизировать и арабизировать Юг, имевшая место в 1989–1993 гг., лишь усилила желание значительной части южан отделиться от Севера, чтобы спасти свою этнорелигиозную идентичность), заставив руководство страны отказаться от данного проекта.

– Во-вторых, приток нефтяных денег в экономику, вызванный началом промышленной добычи углеводородного сырья в 1998 году, сделал Судан гораздо менее зависимым от исламских и арабских стран, которые ранее давали деньги на строительство «Исламской Республики Судан». Следовательно, прекращение реализации грандиозных замыслов ат-Тураби не оказалось серьезного негативного воздействия на ситуацию в стране.

Также теперь власти за счет увеличившихся от продажи нефти доходов могли достаточно легко купить лояльность населения, которое они раньше были вынуждены ради все той же лояльности держать в страхе посредством использования военизированной структуры Национального исламского фронта (отчасти в этом и был главный смысл реализации проекта ИРС).

– В-третьих, активные притязания главного исламского идеолога в Судане Хасана ат-Тураби на единоличную власть в стране, приведшие к декабрьскому кризису 1999 года, также сделали доктрину «Зеленого» Судана опасной, ибо она предписывала гражданам устранять от власти ошибившегося правительства, который должен подчиняться шариату и сформулированной на его основании иджме¹³².

– В-четвертых, Судану как мировому экспортеру нефти был совершенно не нужен ярлык «второго Ирана», который на него «повесили» в 1990-е годы в связи со строительством ИРС, особенно после заявления Хасана ат-Тураби о том, что «Судан ныне – самое исламское государство в мире, более исламское, чем Иран»¹³³.

– Наконец, в-пятых, признание Хартумом права Юга на самоопределение столкнуло с мертвой точки переговорный процесс между центральным правительством и СНОД/СНОА, открыв дорогу к подписанию ВМС 2005 года, чего так активно добивались коспонсоры мирного процесса в Судане – ООН, США, Китай, Франция, Великобритания и Россия.

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что заключение ВМС, покончившего с 22-летней II гражданской войной Юга и Севера, стало возможным по целому ряду причин:

– Во-первых, обоим участникам конфликта – Хартуму и СНОД/СНОА – нужен был выход из того военно-политического тупика (невозможность ни одной из сторон одержать решительную победу над другой), в который они сами себя загнали. Таким выходом мог быть только мир.

– Во-вторых, наличие прецедента (Аддис-Абебские соглашения 1972 г., ААС), позволяющего перевести конфликт из вооруженной стадии в мирную, заменив боевые действия консультациями и переговорами по принципиальным для Юга и Севера вопросам. ААС продержались 11 лет, дав пример того, что есть иной, нежели силовой, путь решения проблемы Юга.

– В-третьих, сильное международное давление, оказываемое на Хартум, в частности через режим санкций. В свете начавшейся с 1998 года промышленной добычи нефти данный режим стал еще более невыгоден для Судана, так как не давал ему развернуться в полную силу на мировом рынке углеводородов, получая от этого максимальные доходы. Мир с Югом в этих условиях позволял бы Хартуму настаивать на снятии санкций.

– В-четвертых, обострение конфликта в Дарфуре, его интернационализация, и, как следствие, усиление угрозы для целостности страны. Замирение с Югом, хоть даже временное, позволило бы предотвратить неконтролируемое развитие ситуации в Судане, дав возможность Хартуму сосредоточиться на дарфурской проблеме, ибо война на два фронта (Юг и Дарфур) смертельно опасна для суданского государства.

– Наконец, в-пятых, к началу 2000-х годов суданское руководство отказалось от своей политической доктрины, в соответствии с которой Судан может быть только мусульманским государством, а не каким-либо другим, для чего ему крайне необходима исламская конституция.

Вместо этого стал превалировать более прагматичный подход: попытка сохранить целостность страны через уступки юга-

нам, в частности признание проекта «Нового Судана», общества и государства, где не будет места «расизму, религиозному фундаментализму, сектантству, трайбализму, рабству, апартеиду, или диктатуре (пролетариата, генерала, или муллы)». Это открыло дорогу к полноценному и прочному миру с Югом.

Таким образом, пятьдесят лет спустя после событий в Торите правящие хартумские элиты под давлением целой совокупности вышеперечисленных факторов наконец пришли к формуле «Мир в обмен на независимость», выражавшейся в официальном признании тезиса о самоопределении Южного Судана. При этом важно отметить, что Хартум до конца 2010 – начала 2011 года не отказывался от идеи сохранения единого суданского государства, но уже в форме более или менее жизнеспособной конфедерации.

Логическим завершением данного идеологического переворота (первые признаки его мы можем наблюдать в тексте конституции 1998 года на примере ст. 2 «Децентрализованная власть государства») от «единого арабо-мусульманского государства» до «мира в обмен на независимость» в сознании политического истеблишмента и стало подписание ВМС, бывшее по определению невозможным в условиях господства исламо-арабской концепции единого Судана.

Означает ли это, что времена, когда Южный Судан был «кладбищем суданских правительств», ушли в далекое прошлое? Отнюдь нет: первая шестилетка (2005–2011 гг.) де-факто, а под конец уже и де-юре независимого существования Южного Судана наглядно показала, что на место части старых проблем пришли новые, еще более тяжелые.

§ 2. «Уйти, нельзя остаться»: Южный Судан и Всеобъемлющее мирное соглашение

Подписание Соглашения между СНОД/СНОА и правительством аль-Башира в январе 2005 года знаменовало собой начало решительных перемен в жизни суданского общества и государства. ВМС открыло новую эру политического, социально-экономического, культурно-идеологического развития как Судана в целом, так и Южного Судана, в частности.

«Эра ВМС», как показали события 2005–2011 годов, прошла отнюдь не под лозунгом «Сделать единство Судана при-

влекательным для населения Южного Судана», а под другим девизом – «Юг: уйти, нельзя оставаться».

Как уже отмечалось выше, если ААС подарило Южному Судану всего лишь региональную автономию, то ВМС – право на самоопределение и вместе с ним максимально широкую автономию (в соответствии с Приложениями В, С, Д, Е Временной Конституции Судана 2005 г. в ведение южносуданских властей было передано огромное количество полномочий, начиная от принятия и внесения поправок в южносуданскую конституцию, контроля над вооруженными силами и подразделениями безопасности, дислоцированными на Юге вплоть до окончания переходного периода, и заканчивая выпуском паспортов для жителей региона¹³⁴).

Именно представление Южному Судану невероятной по своим размерам и невиданной ранее в истории страны региональной автономии, которая рассматривалась большинством южносуданцев исключительно как плацдарм для подготовки к обретению Югом независимости, выдвинуло на первый план тему строительства государственности в этом одном из самых отсталых суданских регионов.

Поэтому мы начнем свой обзор перемен, произошедших на Юге в эпоху ВМС, именно с политической сферы, а если говорить точнее, с процесса строительства современного южносуданского государства и общества, который шел крайне сложно и неоднозначно.

Начать, пожалуй, стоит с того, что главной целью формирования развитых государственных и общественных структур, безусловно, являлась подготовка региона к будущей независимости, которая станет реальностью в январе 2011 года.

Именно в независимости многие рядовые южносуданцы видели решение если и не всех, то уж точно подавляющего большинства своих проблем¹³⁵. Симптоматичным в этой связи выглядело заявление, сделанное 1 октября 2010 г. Сальвой Кииром: «Если я буду голосовать как простой человек и выбирать между двумя вариантами, единством и независимостью, я проголосую за независимость».

Свою позицию по этому волнующему подавляющему большинство южан вопросу лидер региона обосновал тем, что Север все эти годы (с 2005 по 2011 год) обманывал Юг при распределении нефтяных доходов, отдавая Южному Судану реально 26% нефте выручки, вместо гарантированных ВМС 50%¹³⁶.

В качестве первого важнейшего шага на пути создания современного и эффективного государства в Южном Судане была разработана и принята Временная конституция Южного Судана (ВКЮС). Первый проект ВКЮС был подготовлен Южносуданским техническим комитетом по написанию конституции, состоявшим из 15 человек, которые работали в Румбеке (Южный Судан) в июле-августе 2005 года¹³⁷.

Затем он был рассмотрен и исправлен Южносуданским комитетом по написанию конституции в составе 40 человек (в него входили представители СНОД, НКС и других политических группировок в регионе), работавшим в Румбеке в период с августа по сентябрь 2005 года.

В ходе обсуждения проекта ВКЮС наибольшее количество споров между членами Комитета вызвали такие вопросы, как структура и полномочия местного правительства, роль традиционных институтов власти (вождей и старейшин, племенных собраний), назначения судей, права женщин, детей и больных СПИДом, секуляризованный статус Южного Судана и критерии гражданства.

После одобрения Южносуданским комитетом по написанию конституции проект ВКЮС был направлен на утверждение Переходной Южносуданской Законодательной Ассамблеи, которая утвердила его 31 октября 2005 года.

Следующим этапом стало издание 14 ноября 2005 г. национальным министерством юстиции сертификата о совместимости ВКЮС с ВКС, и уже только после этого ВКЮС была подписана 5 декабря 2005 г. президентом Южного Судана Сальвой Кииром¹³⁸.

В соответствии с ВКЮС территория Южного Судана включает в себя все земли трех бывших южных провинций Бахр аль-Газаль, Экваториальная и Верхний Нил (ст. 1, п. 1, пп. а), вместо которых в настоящее время существуют десять штатов: Западный Бахр аль-Газаль, Северный Бахр аль-Газаль, Юнити, Вараб, Озерный, Западная Экватория, Восточная Экватория, Центральная Экватория, Джонгли и Верхний Нил.

Граница между Севером и Югом проведена по так называемой «линии 1 января 1956 г.», т.е. по состоянию на момент провозглашения Суданом независимости, и признана нерушимой, за исключением исхода референдума по Абъей, по итогам которого этот район войдет либо в состав Севера, либо Юга¹³⁹.

В уже упомянутой нами ст.1 ВКЮС (п.2) также говорится и о том, что «Южный Судан зиждется на справедливости, равенстве и уважении человеческого достоинства и развитии прав

человека и фундаментальных свобод; он управляетя на основе децентрализованной демократической системы в соответствии с данной Конституцией и Временной Национальной Конституцией Республики Судан 2005 года»¹⁴⁰.

Источниками законодательства по ст.5 ВКЮС являются ВКС, ВКЮС, обычаи и традиции народов Южного Судана, референдум и другие источники. Как мы уже говорили выше, при разработке ВКЮС шли жаркие дебаты, в том числе и поводу секуляризованного статуса Южного Судана, итогом чего, в частности, стала ст.8, п.1 которой провозглашает, что «в Южном Судане религия отделена от государства»¹⁴¹.

Немалый интерес представляют и ст. 39–40 «Политические цели» и «Экономические цели», особенно учитывая тот момент, что им в отличие от других статей ВКЮС нет аналогов в ВКС.

В первой из них авторы ВКЮС в качестве основополагающих задач политического строительства в Южном Судане ставят «продвижение демократических принципов и политического плюрализма, руководимое принципами децентрализации и деволюции власти в отношении людей посредством соответствующих уровней управления, таким образом, чтобы они могли лучше управлять и руководить своими делами»¹⁴².

Приблизительно в таком же возвышенном духе в ст. 40 «Экономические цели» заявлено о том, что «всеобщей целью стратегии экономического развития в Южном Судане является искоренение нищеты, достижение «Целей развития тысячелетия», гарантированного справедливого распределения богатства, устранения дисбаланса доходов и обеспечение достойного уровня жизни для народа Южного Судана»¹⁴³.

Разбирая экономическую стратегию южносуданских властей и отталкиваясь в этом вопросе от выше процитированной статьи ВКЮС, мы не можем обойти вниманием упомянутые нами «Цели развития тысячелетия», которые представляют собой специальную программу ООН, включающую восемь пунктов:

1. Искоренение крайней нищеты и голода.
2. Достижение всеобщего начального образования.
3. Поддержка равенства полов и наделение женщин правами.
4. Сокращение детской смертности.
5. Улучшение материнского здоровья.
6. Борьба со СПИДом, малярией и другими болезнями.
7. Обеспечение поддержки окружающей среды.
8. Развитие через глобальное партнерство¹⁴⁴.

Система управления Южного Судана, представленная в ст. 50 ВКЮС, практически является полной калькой с общесуданской системы, отличаясь лишь на один уровень:

1. правительство Южного Судана;
2. правительства штатов;
3. местные правительства¹⁴⁵.

Также похожи на соответствующие статьи ВКС и ст. 94, 111 и 125 ВКЮС, содержащие так называемые «временные положения» формирования Южносуданской Законодательной Ассамблеи, занятия поста президента Южного Судана и образования южносуданского кабинета министров, действовавшие до апрельских общенациональных выборов 2010 г.: 70% мест в правительстве и парламенте было отдано СНОД, как и пост президента Юга, оставшиеся 30% были разделены пополам между НКС и другими южносуданскими политическими партиями¹⁴⁶.

По итогам южносуданских парламентских выборов, прошедших в рамках общенациональных апрельских выборов 2010 г., эти пропорции существенно изменились в пользу СНОД, получившего 93,52% голосов избирателей, обеспечивших Движению 159 из 169 депутатских мандатов, оставшиеся мандаты отошли СНОД-Демократические перемены (3 депутата) и 7 независимым кандидатам¹⁴⁷.

Вместе с тем в тексте ВКЮС присутствуют статьи, наглядно подчеркивающие стремление властей Южного Судана к его модернизации и обновлению путем решения наиболее больных проблем и вопросов, таких, в частности, как масштабная коррупция, борьба с которой провозглашается в ст. 147–148, где говорится о южносуданской антикоррупционной комиссии, на которую были возложены следующие функции:

1. Защита общественной собственности.
2. Расследование случаев коррупции, затрагивающих как общественную собственность, так и частный сектор; подобные расследования должны передаваться в Министерство юстиции и конституционного развития для принятия необходимых мер.
3. Борьба с такими административными злоупотреблениями в общественных учреждениях, как непотизм, фаворитизм, трайбализм, местничество, половая дискриминация, взяточничество, растрата и сексуальные домогательства.
4. Сбор информации о доходах, имуществе и долговых и кредитных обязательствах всех госслужащих Южного Судана¹⁴⁸.

Проведенный нами краткий анализ положений ВКЮС позволяет сделать несколько важных выводов, напрямую касающихся возможных перспектив развития Южного Судана:

– Во-первых, и это является самым очевидным выводом, ВКЮС изначально писалась исключительно с прицелом на приобретение регионом по итогам референдума 2011 года независимости. Об этом свидетельствует как достаточно объемный текст южносуданской конституции (15 частей, 208 статей, не считая приложений), так и ее содержание, охватывающее все сферы жизни Южного Судана. В том случае, если Южный Судан обретет суверенитет, то ВКЮС путем легкого косметического ремонта превратится в Конституцию Республики Южный Судан.

– Во-вторых, изучая ВКЮС, трудно отделаться от впечатления, что у этого документа помимо своего основного предназначения есть еще и дополнительное – пропаганда идеи независимого Южного Судана, состоящая в том, что само наличие конституции наряду с другими моментами (госаппарат, армия, полиция и т.д.) свидетельствует о готовности региона к обретению независимости, от которой южан на тот момент отделяла лишь «небольшая формальность» в виде референдума 2011 года.

В этом плане весьма примечателен п.3 ст. 4. «Защита Конституции», предписывающий всем госорганам Южного Судана, а также правительству штатов и местным властям распространять текст ВКЮС среди населения, переводя его на различные языки народов региона и организуя курсы по изучению Конституции в государственных и частных школах, в силовых структурах, прививать к ней уважение посредством использования СМИ¹⁴⁹.

В-третьих, что может показаться на первый взгляд парадоксальным и противоречащим предшествующим выводам, ВКЮС, вполне возможно, создавалась как инструмент для удержания Юга в составе единого Судана, так как она прекрасно сочетается с ВКС, и оба эти документа после небольшой переделки вполне могли бы неплохо послужить юридической основой будущей суданской конфедерации, если такая когда-либо возникнет.

Второй аспект процесса создания государственности на Юге – это те трудности, которые стоят на пути «строителей» южносуданского государства: отсутствие социально-экономической инфраструктуры, опыта успешного проведения на Юге экономических и политico-административных преобразований, большой процент безграмотного населения, межплеменная

вражда, коррупция, низкий уровень политico-правовой культуры населения и т.д.

Данный аспект является «дурным» наследством всей предшествующей южносуданской истории, о чём мы уже писали выше, и для устранения этих трудностей Югу требуется много времени и терпения. Анализируя эту проблему, нельзя не отметить тот энтузиазм, который выражают южносуданцы по поводу предстоящего провозглашения 9 июля 2011 года Республики Южный Судан (РЮС), и их готовность преодолеть все существующие трудности ради построения нормальной и благополучной жизни в своем, теперь уж собственном, доме.

В то же время существует точка зрения, что для обеспечения максимальной эффективности процесса общественно-политического и социально-экономического развития Юга (хотя бы поначалу до уровня Севера) региону выгоднее было бы остаться на условиях, зафиксированных ВМС, ВКС и ВКЮС, в составе единого Судана, но проверку реальностью эта точка зрения не прошла.

Тут дело в том, что кредит доверия, который Южный Судан уже однажды в 1972 году выдал Хартуму в обмен на инвестиции в развитие и стабильность, оказался потрачен центральной властью впустую, и южане к 2005 году хорошо выучили этот горький урок: Северу верить нельзя и другого итога кроме независимости Юга у ВМС не может быть по определению.

Даже если при этом будет слишком велик риск получить после 9 июля 2011 г. слабоуправляемое, раздираемое множеством конфликтов южносуданское государство, которое вместе с нефтью будет «поставлять» в соседние страны, и в первую очередь в Северный Судан, огромное число беженцев, вооруженные отряды оппозиционных группировок, проигравших битву за власть, и другие серьезные проблемы.

Все эти минусы вполне могут оказаться временными трудностями, которые Южный Судан сможет решительно преодолеть, отстаивая свою выстраданную десятилетиями жестокой борьбы независимость. Для этого потребуется политическая воля руководства страны, помочь международного сообщества и, конечно, массовая поддержка со стороны населения политики консолидации общества и государства.

Третий аспект состоит в оценке шансов выстроить на Юге нормальную государственность и достаточности нужных для этого сил, знаний и воли регионального политического руководства.

Ведь долгие годы прочность южносуданской системы управления, созданной в начале-середине 1980-х гг. руководством СНОД/СНОА, обеспечивалась одним-единственным «цементирующим» фактором – войной с Хартумом, теперь же этот фактор утратил свое былое значение, и пока что Джубе нечем его заменить.

Но это лишь пока, так как в данном случае нельзя не учитывать возможное влияние фактора 9 июля 2011. Суть указанного тезиса проста: именно в этот день на политической карте Африки возникнет новое независимое государство – Республика Южный Судан, и у его жителей появится новая сверхцель – защитить свое государство от всех угроз, как внутренних (мятежи и конфликты), так и внешних (отношения с сопредельными государствами, в первую очередь с Северным Суданом).

Для успешной и эффективной защиты РЮС от внутренних угроз, вызванных закономерными трудностями первых лет независимости, Джубе потребуется пойти на создание максимально эффективного госаппарата, снижение масштабов коррупции, улучшение ситуации в сфере образования, социального обслуживания, здравоохранения и т. д. Предпосылки к этому есть: южане, как уже не раз указывалось, слишком долго ждали независимости, чтобы потерять ее из-за невозможности построить нормальную и дееспособную РЮС.

В области внешних угроз главным для Джубы будет не скатиться к использованию сценария 1955–2005 гг., когда образ Хартума не всегда оправданно чересчур демонизировался, выставляясь в качестве кровного врага всех южан, а потому диалог с ним считался возможным только исключительно с позиции силы.

Наглядным доказательством сохраняющейся опасности возвращения к этому сценарию могут служить результаты опроса, проведенного сайтом www.southsudannewsagency.com, в ходе которого 63,2% пользователей этого интернет-ресурса согласились с тем, что аль-Башир сделает попытку сманипулировать итогами январского референдума 2011 г. о самоопределении Южного Судана¹⁵⁰.

При этом надо еще учитывать и выводы независимых социологов, исследовавших южносуданский социум, о том, что «в ходе исследования многие респонденты признавали, что на юге существует огромный потенциал для возбуждения ненависти и насилия, никак не связанный с севером»¹⁵¹. Пусть этот потенциал насилия пока и не связан с Хартумом, но Север

наверняка попробует использовать проявления указанного потенциала в своих интересах, как он это делает сейчас.

Однако Хартум останется «с носом», если южане укрепят внутренний мир и согласие в своем доме, не развязывая при этом новой полномасштабной войны с северным соседом.

Четвертый аспект проявляется в том, как строительство региональной госсистемы соотносится с интересами южан, как рядовых, так и верхушки. Примерная иерархия южносуданских интересов, по мнению эксперта Института исследований в области безопасности Лесли Анны Шафер, выглядит так:

- Мир;
- Самоуправление;
- Свобода религии;
- Признание;
- Возвращение внутренне перемещенных лиц (ВВП);
- Экономический рост/развитие;
- Нефть/развитие ресурсной базы;
- Равенство;
- Представительство в Судане;
- Возвращение беженцев, покинувших пределы страны¹⁵².

При этом важно учитывать тот хорошо известный момент, что правящая элита Юга, разделяя все вышеуказанные интересы, больше тяготеет, как собственно любая другая элита, к личному обогащению и безопасности, а поэтому мы ни в коей мере не можем исключать возможность радикальной смены ее руководящего курса и направления развития региона в условиях сильной угрозы этим ее интересам.

Такой, пока скорее совершенно гипотетический сценарий (поворот с курса на независимость, подтвержденного результатом январского референдума 2011 г., на курс сохранения Южного Судана в составе единого суданского государства) неизбежно вызовет недовольство значительной части южан.

Последние, как известно, активно настаивали в течение всего переходного периода на независимости от Севера, который, как это видно из предыдущего параграфа, на протяжении 1955–2005 гг. под прикрытием исламизации пытался просто уничтожить самостоятельную политическую волю южан, сделав их абсолютно послушными своей власти.

Это недовольство в умелых руках оппозиционных Джубе политиков и генералов может послужить неплохим орудием

в борьбе за власть на Юге, приведя к развязыванию там масштабной гражданской войны.

В то же время стоит признать, что, во-первых, Джуба прекрасно осознает все негативные последствия такого шага и не пойдет на него, а во-вторых, южносуданская оппозиция на опыте войны 1983–2005 годов убедилась в том, как опасно раскачивать лодку, развязывая по любому подходящему поводу гражданскую войну на Юге, ведь в этом случае единственным победителем окажется Хартум, который вновь приберет регион к своим рукам.

Так что за власть на Юге после 9 июля 2011 года, конечно, будут бороться, но с оглядкой на Хартум, чтобы у последнего не было сообразна оказать «братьскую помощь» своему южному соседу, оккупировав под предлогом защиты мирного населения его территорию.

Наконец, пятый аспект процесса южносуданского государственного строительства – это проблема «динкацентричности», когда практически все ключевые посты в Южном Судане намерто закреплены за выходцами из племени динка.

В качестве доказательства данного положения стоит привести мнение одной из активисток неправительственных организаций штата Западный Бахр-аль-Газаль: «...Я думаю, что они [динка-С.С.] считают, будто весь Южный Судан принадлежит им. Таким образом, они хотят подчинить себе все малые племена»¹⁵³.

Кроме того, в данном контексте стоит, пожалуй, немного коснуться проблемы единства будущего полностью независимого южносуданского государства.

Дело в том, что мы привыкли говорить о проблеме единства Судана в целом, чему посвящены десятки работ и статей, и совсем мало упоминаем о том, что Южный Судан в этом плане является отнюдь не полной противоположностью всему Судану, а лишь его уменьшенной копией с аналогичными, а в каких-то моментах и еще более острыми проблемами, вызванными сложным этноплеменным составом населения.

Предельно жестко и в то же время весьма точно ситуацию с южносуданским единством охарактеризовал высокопоставленный сотрудник администрации одного из южных штатов: «Единство по-прежнему остается большой проблемой, оно очень слабое потому что трайбализм очень силен. Люди верны своим племенам и не видят ценности в единстве Южного Судана»¹⁵⁴.

На Юге, по данным последней национальной переписи населения, проведенной 22 апреля – 6 мая 2008 г., проживает

8 260 490 чел.¹⁵⁵ Большинство из них относятся к динка, оставшаяся часть – к нуэрам (второй по численности южносуданский этнос после динка), шиллукам, дмурам и др.

Все они достаточно сильно отличаются по уровню культуры, и здесь крайне важно будет отметить тот факт, что у крупнейших этносов Юга Судана динка и нуэр в отличие от шиллуков, которые имели в прошлом государство, управляемое сакрализованной фигурой правителя, не было даже самого примитивного государственного образования¹⁵⁶.

Таким образом, можно уверенно констатировать, что в Южном Судане до сих пор не были сформированы традиции самобытной государственности, более того, как это уже не раз отмечалось в работах по Южному Судану, степень общественно-политического развития даже в самых развитых районах региона остается в лучшем случае на уровне средневекового феодализма, пусть и с современными чертами (сегодня феодальной князь – это полевой командир и т.д.).

На преодоление этого потребуются десятилетия упорной кропотливой работы, а потому все это время южносуданцам придется довольствоваться в лучшем случае импортированной моделью современного общества и государства, зафиксированной на бумаге (южносуданская конституция), а в худшем – использовать все то, что досталось им в наследство от периода 1899–2005 гг., то есть колониальные и постколониальные формы общественно-государственного устройства.

Последний вариант означает, что, возможно, наиболее приемлемой в подобных обстоятельствах формой правления будет вовсе не демократия, а выдержавшая испытание временем в тяжелейших суданских условиях военная диктатура.

Данный режим будет всецело опираться на динка, так как из них в подавляющем большинстве и состоит главная опора правящего лагеря СНОА, и соответственно, станет обеспечивать защиту в первую очередь именно их интересов, что всегда давало и будет давать повод для выступлений других южносуданских этносов против Джубы.

К тому же и сами динка отнюдь не монолитны, и среди них также существует множество различных группировок с несовпадающими интересами и взглядами на политику, что вполне может привести к серьезным конфликтам внутри правящего лагеря.

Наиболее вероятным сценарием негативного развития на Юге в контексте строительства там национального государства

будет являться обострение старой «классической» проблемы Судана «Центр – регионы».

Суть этого сценария в том, что Джуба, как и десятилетиями ранее Хартум, не сможет в кратко- и среднесрочной перспективе (5–15 лет) решить задачи социально-экономического развития своих наиболее депрессивных регионов, отдав их фактически на откуп местной коррумпированной и криминализованной элите, которая со временем начнет шантажировать центральную власть возможностью образования на их территориях массовых повстанческих движений.

Иными словами, нельзя полностью отбрасывать повторения в масштабе Южного Судана сценария восстания 1983 г., разумеется, поводом к нему станет отнюдь не введение шариата, а, к примеру, приостановка выделения бюджетных трансфертов какой-либо территории или попытка смещения неугодного Джубе губернатора.

Причем с учетом слабости СНОА это восстание (восстания) могут при определенных обстоятельствах принять катастрофические последствия и уничтожить и без того слабое древо южносуданской государственности.

Не исключено, что именно для предотвращения этого сценария правительство Южного Судана усиленно закупает тяжелое вооружение (танки, артиллерию, ракетные системы залпового огня¹⁵⁷).

В этом контексте представляются весьма интересными результаты соцопроса на Юге, которые в 2009 г. получила группа исследователей под руководством Марейки Шомерус и профессора Тима Аллена (Лондонская школа экономики и политических наук, Институт изучения проблем развития).

Вопрос, предложенный 319 респондентам, звучал так: «Возможна ли война внутри Южного Судана?», ответы на него разделились следующим образом: 47% опрошенных заявили, что это категорически невозможно, 15% – скорее да, чем нет (2% из этой категории, сказали «да, если нет справедливости, свободы и слишком много трайбализма»), и 38% твердо уверены, что война будет¹⁵⁸.

Таким образом, мы видим что более половины опрошенных южносуданцев весьма пессимистически оценивают свое будущее в свете откровенных неудач, которые потерпела СНОД/СНОА в деле построения «Нового Судана» в отдельно взятом регионе современного Судана.

Однако мы, признавая все эти проблемы Южного Судана, совершенно не должны отбрасывать и другой сценарий развития ситуации в будущей РЮС: в течение первых лет своего существования Республика получит значительную помощь (финансами, технологиями, специалистами и т. д.) со стороны мирового сообщества, и это вкупе с огромным желанием подавляющего большинства южан вырваться наконец-то из омута нищеты и беспроглядной безнадежности, в котором они живут уже не один десяток лет, позволит выйти новому африканскому государству на более высокий уровень своего политического и социально-экономического развития.

К этому хочется еще добавить, что все-таки есть большие сомнения в возможности установления со временем в будущей РЮС военной диктатуры как проявления защитной реакции на угрозу ее дестабилизации и развала. Эти сомнения основаны на том, что южносуданцы, более полувека боровшиеся с хартумскими диктаторами за свободу, навряд ли допустят установление такой же репрессивной системы у себя дома, предпочитая ей проведение политики разумных компромиссов.

Теперь перейдем от политической сферы жизни Южного Судана к социально-экономической, где тоже таится немалое число «подводных камней», поджидающих РЮС.

Для начала стоит, пожалуй, дать краткую, но весьма наглядную иллюстрацию состояния этой сферы за год до подписания ВМС: на приблизительно 5 млн. южан приходится всего лишь 86 докторов, 600 медсестер и 23 судьи¹⁵⁹, 95% населения живет за чертой бедности¹⁶⁰.

С целью преодоления этой столь нелицеприятной и во многом угрожающей картины руководство СНОД/СНОА еще в 2004 году разработало комплекс мер, призванный переломить эту негативную ситуацию и ее последствия:

1. Развитие материальной инфраструктуры;
2. Приоритетное развитие аграрного сектора и помощь частному сектору;
3. Восстановление мира и гармонии через обеспечение доступности для населения стандартного набора социальных благ и услуг;
4. Регенерация социального капитала, в том числе и через обеспечение безопасного возвращения временно перемещенных лиц и беженцев;
5. Развитие структуры аппаратов власти на местах, а также на уровне штатов и региона в целом¹⁶¹.

Для успешной реализации этих и других мер, нацеленных на преобразование южносуданского социума из повстанческого в полноценно демократический, в Южном Судане 27 июня 2006 г. декретом Сальвы Киира были созданы 14 комиссий:

1. Южносуданская комиссия по вопросам спасения и реабилитации;
2. Южносуданская комиссия по разминированию;
3. Южносуданская комиссия по вопросам мирного урегулирования;
4. Южносуданская антикоррупционная комиссия (ЮАК);
5. Южносуданская комиссия по правам человека;
6. Общественная палата жалоб;
7. Южносуданский фонд реконструкции и развития (ЮФРР);
8. Комиссия по вопросам гражданской службы;
9. Земельная комиссия;
10. Комиссия по контролю за налогами и финансами;
11. Центр переписи населения, учета и статистики;
12. Комиссия по вопросам ВИЧ и СПИД;
13. Аудиторская палата;
14. Палата юристов¹⁶².

Из всех этих вышеперечисленных структур наибольшая роль в процессе созидания основ РЮС была отведена ЮФРР, который в качестве уставного капитала аккумулировал 300 млн. долл.¹⁶³. Своими основными и приоритетными областями инвестирования ЮФРР избрал следующие: безопасность, дороги, базовое медицинское обеспечение, среднее образование, водоснабжение и товары первой необходимости.

Однако, как показывает имеющаяся в нашем распоряжении информация, руководство ЮФРР, невзирая на наличие у Фонда более чем достаточных средств, по сути полностью провалило программу восстановления Юга.

Так, генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своем докладе СБ ООН (S/2010/388) от 19 июля 2010 г., касаясь обстановки в Южном Судане, отметил: «Проблема нехватки продовольствия в южных районах по-прежнему создавала угрозу для жизни миллионов людей. Она была вызвана совокупностью факторов: широкомасштабным перемещением населения, неожиданно низким урожаем и сужением доступа на рынок для десятков тысяч разорившихся домохозяйств... В 2010 году продовольственную помощь потребуется оказать порядка 4,3 миллиона человек – почти половине населения Южного Судана»¹⁶⁴.

О таких же крупных провалах, только в области образования и здравоохранения, говорил в 2009 году и президент Южного Судана Сальва Киир, открывая в Джубе Всесуданскую конференцию политических партий: «...Только 30% детей школьного возраста посещают школы, большинство из которых содержится на средства неправительственных организаций... меньше 3% наших детей вакцинированы».¹⁶⁵

Ключевая причина этого крайне банальна и от того еще более актуальна – огромная коррупция, которая очень сильно поразила региональный госаппарат (по словам одного из членов южносуданского кабинета министров, коррупция «присутствует на всех уровнях» власти Южного Судана¹⁶⁶).

На фоне южносуданской коррупции первоначально даже теряются и другие причины столь оглушительного провала социально-экономической политики Джубы, как то нехватка квалифицированных управленцев и подготовленного технического персонала, отсутствие должной политической воли, нехватка опыта столь масштабной инженерно-строительной деятельности и т.д.

Как мы уже говорили выше, при анализе ВКЮС, с данной проблемой стали бороться еще при написании временной конституции Юга, но как показали события 2005–2010 гг., дальше создания ЮАК дело так и не пошло, да и не могло пойти. В отличие от большинства западных стран южносуданская коррупция является не причиной государственных и общественных проблем, а, наоборот, их следствием.

На Юге она порождена крайне низким уровнем развития общественно-политического сознания, которое в своей основе остается племенным, а потому мешает формированию нормальных как государственных, так и общественных институтов, и в этих условиях коррупция служит в качестве надежного, веками проверенного механизма производства, распределения, обмена и потребления материальных и иных благ для того или иного племени, клана и рода.

Бороться в таких условиях с коррупцией в Южном Судане бессмысленно, необходимо повышать уровень общественно-политической грамотности населения, учить его проявлять подлинную гражданскую инициативу.

Но возможность осуществления данных мер в современном Южном Судане даже в относительной перспективе стоит признать маловероятной, так как сами правящие элиты на по-

добные шаги не пойдут, а значит, этим должен заниматься кто-то «третий», допустим, ООН, но в таком случае это фактически будет означать установление многолетнего международного протектората над этим регионом.

Но с другой стороны, такие масштабы коррупции являются прямой угрозой стабильности РЮС, а потому властям все-таки придется снизить ее уровень до более или менее приемлемого и проводить активную воспитательно-профилактическую работу среди населения, используя его желание жить в сильном и независимом государстве, ибо в противном случае РЮС рискует закончить так же плохо, как и Республика Южный Вьетнам.

Помимо колоссальных проблем с коррупцией Южный Судан имеет огромные трудности и в вопросе обеспечения безопасности и общественного порядка на своей немалой по размерам территории.

Тот факт, что у южносуданских властей в области защиты населения от актов массового и хорошо организованного вооруженного насилия дела совсем не в порядке, демонстрируют данные, собранные иностранными неправительственными организациями, работающими в регионе: так, только за один 2009 год жертвами насилия на Юге стали более чем 2500 человек, а еще 350 тысяч южносуданцев были вынуждены покинуть свои дома¹⁶⁷, и это все происходит в официально мирное время.

Эту пугающую своей циничной прямотой статистику жертв «мирного времени» в Южном Судане можно объяснить, на наш взгляд, действием сложного комплекса причин:

- Привычка решать возникающие проблемы силой, верховенство принципа «кто силен, тот и прав», утвердившегося за годы двух гражданских войн Юга и Севера.

- Насыщенность региона легкодоступным оружием и людьми, обученными и привыкшими его использовать (бандиты и дезертиры из СНОА, регулярные части южносуданских вооруженных сил, командиры которых вступили в конфликт с местной либо с центральной властью).

- Отсутствие социально-экономической инфраструктуры и эффективной системы регулирования вопросов землепользования, вынуждающее племена враждовать за источники питьевой воды, пастбища, скот и т.д.

- Нежелание и неспособность центральных властей (Джуба) контролировать подчиненные им региональные и местные элиты на предмет решения разнообразных бытовых, социаль-

ных и иных проблем населения. Южносуданское правительство интересует лишь одно, чтобы не было волнений и крупных конфликтов на подведомственной ему территории, поэтому региональные и местные элиты, гарантируя Джубе сохранение мира и спокойствия в своих землях, взамен получают от нее полную свободу деятельности.

– Коррупция, достигшая огромных размеров и подрывающая веру в эффективность южносуданского правительства. Характерным доказательством этого служат данные соцопроса жителей Юга, у которых спросили, к кому они обращаются за защитой от насилия и за помощью в решении других проблем. Лишь 13% опрошенных заявили, что в этих случаях они обращаются за помощью к правительству¹⁶⁸. Правда, ради справедливости стоит отметить, что на втором месте по уровню доверия (на первом стоят вожди и старейшины) находится полиция.

– Периодические рейды угандинской повстанческой группировки «Армия сопротивления Господа» по приграничным районам Южного Судана, с которой давно и без видимого успеха пытается бороться СНОА.

Таким образом, несмотря на сохраняющиеся старые проблемы (колossalный разрыв с Северным Суданом в социально-экономическом отношении, бедность половины населения и др.) и возникшие новые (борьба за власть, деньги и влияние, передел земель, неконтролируемое насилие и т.д.), мы все-таки верим в то, что южносуданское руководство, располагая значительной поддержкой населения, сможет со временем построить сильную и стабильную Республику Южный Судан.

Для этого южанам потребуется долгая и кропотливая работа над изменением своего общества и менталитета с целью преодоления кланово-племенной замкнутости, ликвидации безграмотности, подготовки наиболее востребованных и нужных для строительства эффективной южносуданской экономики профессиональных кадров, борьбы с коррупцией и ее последствиями и многое другое, без чего невозможно представить себе современное гражданское общество и государство.

Глава 3. **ДАРФУР: СУДАНСКИЙ «ЯЩИК ПАНДОРЫ»**

§ 1. История и причины конфликта на западе Судана

Сейчас, конечно, трудно себе представить, но всего лишь одиннадцать лет назад о Дарфуре и его внутренних проблемах знали лишь редкие специалисты по Судану¹⁶⁹, а значительной части мирового сообщества западносуданский регион вообще не был известен.

Все изменилось в феврале 2003 г., когда бойцы «Суданской освободительной армии» (СОА) и «Движения за справедливость и равноправие» (ДСР) атаковали суданских полицейских и их участки в Дарфуре (сотни офицеров полиции были убиты, разрушено 8 полицейских постов¹⁷⁰).

Эти нападения явились ответом племен фур и загава на безнаказанную деятельность отрядов арабских кочевников, вырезающих своих противников целыми деревнями. Следующей громкой акцией восставших африканцев стала атака 25 апреля 2003 г. на аэропорт в Эль-Фашере, где базировались суданские правительственные силы. В ходе боя от рук повстанцев погибло около 70 солдат¹⁷¹.

С указанного момента и по настоящее время Дарфур является центром приложения миротворческих, военно-политических, информационных и иных усилий как со стороны самого суданского общества и государства, так и со стороны международного сообщества. Причинами этого явления стали как сам масштаб жертв и разрушений в регионе (от 200 до 400 тысяч погибших, от 2 до 2,6 млн. вынужденных переселенцев¹⁷²), так и невероятная сложность процесса мирного урегулирования, идущего семь лет и не принесшего до настоящего момента никаких сколько-нибудь ощутимых результатов.

Для разрешения конфликта в Дарфуре необходимо четкое и ясное понимание причин его возникновения и неурегулированности, что невозможно без анализа многовековой истории этого региона.

Итак, как мы уже и говорили в первой главе, как минимум с XV в. в Дарфуре существует государство. В правление основателя династии Кейра/Фур Сулеймана Солонга (существуют разные датировки этого исторического периода: 1570–1637, 1596–1637, 1640–1670¹⁷³) регион принял ислам и превратился в султанат Дарфур.

С этих пор ислам и арабский язык и есть то немногое, что объединяет жителей региона. Впрочем эта картина, как мы увидим ниже, окончательно сформировалась только в 1970–1980-х годах, до этого население Дарфура не знало конфликтов на этнополитической почве.

В XVI–XVIII веках Дарфур достиг пика своего политического и экономического могущества¹⁷⁴. Оно было основано на продаже рабов в Египет. При этом территориальная экспансия дарфурских правителей имела своим закономерным следствием не только собственно расширение территории, но и значительное усложнение системы управления ими: юго-западным Дарфуром, населенным преимущественно фурами, управляли аба димманг (выходцы из среды иммигрантов, покинувших государство Борно), юго-восточные земли султаната контролировались аба уумо, административно-политическим центром которых был Киддингер, Северным Дарфуром владели таканавис, а Восточным – аб шейх даали, возглавлявшие всю систему работторговли в султанате и в силу этого обладавшие огромным политическим могуществом, в котором они уступали лишь султану¹⁷⁵.

С течением времени Дарфур утратил свое могущество, и в 1898 г. его последний султан Али Динар был вынужден признать власть генерал-губернатора Судана Герберта Китченера.

Правда, при этом Али Динар стал вынашивать план выступления против англичан, господствовавших в Судане, с целью вернуть независимость Дарфуру. Для этого он активно поддерживал контакты с сенуситами Ливии, от которых получал оружие.

В ноябре 1915 г. Али Динар поднял дарфурцев на национально-освободительную борьбу. Но силы были неравны: против отрядов племенного ополчения, имевших слабое и устаревшее вооружение, были брошены регулярные англо-египетские воинские части, располагавшие самым современным оружием, включая авиацию. Потерпев поражение в открытом бою, отряды Али Динара перешли к партизанской войне, укрываясь от ударов англичан в горах. Эта война закончилась с гибеллю в ноябре 1916 г. Али Динара. С этого момента бывшее княжество

окончательно превращается в одну из провинций англо-египетского кондоминиума в Судане¹⁷⁶.

Включение Дарфура в состав кондоминиума вовсе не означало, что англо-египетские власти проявили большое внимание к нуждам населения провинции и окажут помочь в их удовлетворении. Новые хозяева Судана – британцы оставили в полной неприкосновенности всю систему управления Дарфуром, доставшуюся им по наследству от султанов, и никак не занимались социально-экономическим развитием региона. Более того, как верно было подмечено экспертами, «значение Султана Дарфур для последующей истории провинции состоит в том, что племенная/административная система и по сей день основывается на том, что было сделано султанами».¹⁷⁷

К началу 30-х гг. ХХ века в Дарфуре крайне обострилась многовековая проблема нехватки пахотных земель и водных источников. Дело в том, что плодородные земли плато Дарфур ежегодно сокращаются из-за наступления песков Сахары.

В то же время в указанный период к этому естественному природному катаклизму добавился и фактор социальной напряженности и в без того непростых отношениях между представителями традиционного уклада (арабскими пастухами-скотоводами, африканскими земледельцами) и современного (фермеры).

В результате поощрения и стимулирования со стороны властей фермеры стали с конца 1910-х годов активно вмешиваться в уже устоявшийся и выверенный веками баланс интересов между арабами-скотоводами и африканцами-земледельцами.

Это не могло не взорвать накаленную до предела ситуацию с пастбищами и водой в Дарфуре. В 1932 г. начались вооруженные стычки племен пастухов-скотоводов (арабов) и земледельцев (африканцев) с фермерами и поддерживающими их правительственные войсками.

Однако в дальнейшем события, происходящие в Дарфуре, будут оттеснены на второй план событиями на юге Судана. Там в конце июля – августе 1955 г. прокатилась волна беспорядков, вызванная политикой «суданизации» южных провинций.

С этого момента на первый план в общественном сознании Судана выходит проблема Юга, ставшая на долгие десятилетия «кладбищем суданских правительств».¹⁷⁸ Дарфур же оказался на обочине общественно-политической жизни Судана, предоставленный на долгие десятилетия самому себе.

Роль западного региона Судана в первые десятилетия после независимости, по словам известного суданиста Алекса де Ваала, сводилась лишь к «резерву рабочей силы для низших должностей в армии и ирригационных хозяйств по производству хлопка, размещенных вдоль Нила».¹⁷⁹

Такое положение вещей не могло вызвать у немногочисленной прослойки образованных дарфурцев никаких других чувств, кроме досады и разочарования политикой Хартума, активно насаждавшего, о чём мы рассказывали в первой главе, унитарный принцип государственного устройства Судана в противовес устремлениям как дарфурской, так и южносуданской элиты к федеральному устройству на основе предоставления региону автономии, достаточной для его успешного развития.

Кроме того, дополнительным стимулом к политизации проблем Дарфура послужило использование части его населения в качестве вооруженной милиции братства «Аль-Ансар». Так, в феврале 1965 года руководство Объединенного националистического фронта (Национал-юнионистская партия, «Аль-Умма» и «Братья-мусульмане») с целью давления на правительство наводнило Хартум тысячами вооруженных ансаровцев-кочевников, прибывших из Дарфура и Кордофана.¹⁸⁰

В результате совокупного действия этих факторов (невнимание Хартума к нуждам региона, неумелая и совершенно не учитывающая интересы большинства населения социально-экономическая политика, использование братством «Аль-Ансар» кочевников в качестве инструмента давления на правительство) в Дарфуре возникли первые оппозиционные Хартуму общественно-политические движения.

К ним относятся Фронт сопротивления Дарфура (основан в 1966 г., по другим данным, в 1964 г. Ахмадом Ибрагимом Дирайром, по другим сведениям, эта организация именовалась как Фронт за развитие Дарфура / Движение за развитие Дарфура, ФРД/ДРД), Движение «Соони» (имя получило от названия деревни в районе Джебель Марры Западного Дарфура) и Движение «Красного пламени».¹⁸¹

В основе программы ФРД/ДРД лежали требования увеличения числа представителей Дарфура в административно-управленческом аппарате страны, включая правительство, и национальном парламенте, а также выделение гораздо больших по объему средств на нужды региона.

Эта тактика принесла Дирайгу и его движению определенный успех: в 1981 году он станет первым с 1916 года дарфурцем, получившим в свои руки бразды правления регионом в качестве его губернатора, назначенного по указу президента Нимейри.

Если ФРД/ДРД отстаивал мирный способ борьбы за интересы населения Дарфура, то две другие организации – Движение «Соони» и Движение «Красное пламя» стояли на позициях непримиримой вооруженной борьбы с Хартумом, расходясь между собой лишь в тактических моментах: «Соони» планировало совершить военный переворот и захватить власть в стране, а «Красное пламя» собиралось связать в регионе войну, чтобы вынудить правительство пойти на уступки.¹⁸²

Слабость обеих организаций, недостаточное распространение оружия в регионе, отсутствие ярких, запоминающихся лидеров, отсутствие поддержки со стороны вождей и старейшин племен, а также узкая социальная база в лице части малочисленной дарфурской интеллигенции, чиновничества и военных обусловили неминуемый крах «Соони» и «Красного пламени». Есть сведения, говорящие о политическом сотрудничестве этих организаций с крылом «младоуммовцев» во главе с Садыком аль-Махди.¹⁸³

Переломным моментом в политической истории Дарфура является период 1970–1980-х годов, когда в регионе фактически произошла экологическая катастрофа, следствиями которой стал беспрецедентный и неконтролируемый рост засухи и опустынивания, ежегодно уничтожающий с тех пор большое количество плодородной земли.

Правительству Нимейри в те годы было не до проблем Дарфура: все силы вначале были брошены на замирение с Югом, попытку построить там нормальную жизнь, затем на повестке дня оказалась проблема нормализации экономической жизни страны, потом после неудачи Хартума на этом фронте в Судане начался новый виток борьбы за власть, которая на фоне коллапса национальной экономики привела в итоге к свержению Нимейри.

Итогом такого отношения центральных властей к ситуации на западе страны стал резкий рост числа вооруженных столкновений между земледельцами и скотоводами из-за стремительного сокращения пригодных как для земледелия, так и для разведения скота земель.

Центральное правительство оказалось бессильным помочь региону преодолеть его нарастающую год от года сельскохозяйственную деградацию: у него не хватало для этого средств и людей в госаппарате, способных вместе с дарфурскими властями решить возникшие проблемы.

В начале 1980-х годов количество ошибок, допущенных Хартумом, как и следовало ожидать, перешло в качество: в 1983–84 гг. в Дарфуре из-за отсутствия дождей разразилась страшная засуха, вызвавшая массовый голод (от него погибло приблизительно 95 тысяч дарфурцев¹⁸⁴). Кочевники, спасая свои стада от засухи, пошли из северной части региона в южную, где между ними и крупнейшим земледельческим племенем региона – фурами произошел первый серьезный конфликт.

Остроту ситуации добавило и решение президента Нимейри арестовать в конце декабря 1983 г. губернатора Дарфура Ахмада Дирайга, который, по версии его сторонников, провинился перед Хартумом тем, что осмелился поставить перед высшим руководством страны вопрос об обращении к международному сообществу за продовольственной помощью для страдающего от неурожаев Дарфура.

Реакцию Нимейри нетрудно понять, если вспомнить, что семью годами ранее, в 1976 году власти страны разработали при участии Арабского фонда экономического и социального развития генеральный план развития Судана на 1976–2000 гг., который должен был превратить Судан в «кладовую продовольствия Арабского Востока».¹⁸⁵

Теперь же, прося помощи у мира, Хартум должен был публично расписаться в своей неспособности и некомпетентности в вопросах экономического планирования и развития, поэтому Дирайга было решено арестовать.

Впрочем, у Нимейри вполне могли быть и другие основания для ареста влиятельного дарфурского лидера, которого он не любил и которого ему силой навязали радикально настроенные молодые дарфурцы, устроив в январе 1981 г. в Эль-Фашире кровопролитное столкновение с суданскими силами безопасности, когда погибло от 10 до 20 человек.¹⁸⁶

Как бы там ни было на самом деле, известно, что Дирайг сумел избежать ареста, вовремя убежав в Саудовскую Аравию.

Временное вооруженное противостояние фуров и кочевников в 1984 г., вызванное сложными климатическими условиями, имело на фоне начавшейся в 1983 году II гражданской войны

Юга и Севера далеко идущие последствия: к 1987 году конфликт за плодородные земли Дарфура перерастет в борьбу «арабской» и «африканской» частей населения региона.

Мы не случайно взяли в кавычки определения «арабский» и «африканский», когда говорили о дарфурских племенах. Дело в том, что как пишет отечественный исследователь Е.А. Кудров, «все население разделено на племена, примерно 60% из которых считают себя арабскими, а 40% африканскими... При этом внешне они практически неразличимы – африканский фенотип в Дарфуре господствует полностью». ¹⁸⁷

Колоссальное значение для самоидентификации населения региона имеют общинные земли (по-арабски в Дарфуре их обозначают словом «дар»), исконно находящиеся в собственности того или иного племени. Последний традиционный раздел земель был осуществлен при султане Али Динаре, причем все племена без исключения его признали правильным. ¹⁸⁸

Как нам представляется, одних лишь внутренних причин (эрозия почв, опустынивание и, как следствие этого, сокращение пригодных для земледелия и кочевого скотоводства земель, споры из-за линий межевания, кровная месть и т.д.) для придания извечной вражде земледельцев и кочевников формы этнополитического противостояния было явно недостаточно, иначе мы получили бы арабо-африканский конфликт в Дарфуре еще на заре независимости Судана.

Ключевую роль в этнополитизации к 1987 г. дарфурского конфликта сыграли именно внешние факторы:

– Во-первых, идеология северо-южного противоборства базировалась на строгой двухполлярной картине мира (арабы и африканцы), где каждая из сторон (Хартум и СНОД/СНОА) считала себя олицетворением «сил добра», а противника средоточием «зла». Именно сквозь эту призму как северяне, так и юкане стали смотреть на события в Дарфуре, наметив себе там в середине 1980-х годов союзников и врагов.

– Во-вторых, поставка Ливией мощного стрелкового оружия (автоматы, пулеметы, гранатометы и т.д.) и необходимого военного снаряжения ряду арабских племен Дарфура, находящихся в оппозиции правительству Чада и ведущих с ним борьбу (выходцы из чадского района Саламат). ¹⁸⁹

Ливийский фактор, с одной стороны, привел к выделению арабских племен из общей массы населения Дарфура, а с другой, – резко изменил баланс сил в регионе в пользу

группы прекрасно оснащенных современным вооружением арабских племен, нарушив тем самым хрупкое равновесие, сохранявшееся столетиями между африканскими и арабскими племенами.

– В-третьих, аналогичную уже упомянутому ливийскому фактору роль играло снабжение арабских племен оружием по линии центрального суданского правительства. Хартум, предоставляемый этим племенам оружие, преследовал сразу несколько целей: уравновесить влияние Каддафи в регионе, заручиться лояльностью «одариваемых», имеющей немаловажную роль в условиях войны с Югом, не допустить в Дарфуре повторения южносуданского восстания 1983 года и последующих за ним событий.

– В-четвертых, многолетнее игнорирование региональных проблем и неспособность хартумских правительств решить их привели к расцвету на рубеже 1970–80-х гг. идеи самобытности фуров, развиваемых их интеллигенцией. Позднее, в первой половине 1980-х годов эти идеи трансформировались в лозунг «Дарфур для фуров». Ответная реакция тех, кого не причислили к «законным» жителям региона, не заставила себя долго ждать: в 1986 г. возникает объединение 27 арабских племен под названием «Арабское собрание».

– В-пятых, масло в огонь большой войны между фурами и арабами также подлило и решение президента Нимейри назначить Ахмада Дирайга главой Дарфура. Новый губернатор при этом не только сформировал свой кабинет из одних этнических фуров, но и не препятствовал грубым оскорблением арабов со стороны своих ближайших приближенных, причем не столько словом, сколько делом: чиновничий аппарат штата при Дирайге превратился из нейтральных посредников в деле разрешения межплеменных конфликтов в одну из сторон конфликтной ситуации, отстаивавшую позиции фуров.

Именно в это время и по этой причине выкристаллизовался главный противник фуров – политический альянс в составе группы арабских кочевых племен, Движения «Братья-мусульмане» и примкнувших к ним загава.¹⁹⁰

– В-шестых, этнополитизации дарфурского конфликта в немалой степени способствовало размещение важнейших социальных объектов (рынки, школы, медицинские центры) не в соответствии с традиционными племенными границами. Это было намеренно сделано администрацией Нимейри в 1970-х гг.

с целью нивелирования общественно-политического и социально-экономического значения племенного фактора.

Однако в силу слабости представителей центральных властей в регионе (им всегда катастрофически недоставало денег, бензина, оружия и других ключевых ресурсов для управления таким сложным регионом, как Дарфур) это привело к драматическим последствиям: веками враждующие друг с другом племена использовали подобную схему размещения социальных объектов как орудие давления на своих противников, не пуская их в «свои» школы, рынки, больницы и т.д.¹⁹¹

– Наконец, в-седьмых, гражданская война в соседнем с Дарфуром Чаде привела к перемещению на запад Судана огромного числа чадских арабов, чей скот нашел себе пристанище на зеленых полях фермеров-фуров в районе Джебель-Марры. Разгоревшаяся конкуренция между оседлым и пришлым населением за источники воды, которые находились в центре земледельческих угодий фуров, за поля под пашни и пастбища привела к взаимным актам бандитизма: краже скота, уничтожению посевов и пастбищ¹⁹².

Говоря об причинах этнополитизации арабо-африканского конфликта в Дарфуре, мы фактически перечислили основные причины арабо-фурской войны 1987–1989 гг. В ней против фуров выступило уже упомянутое нами «Арабское собрание». Эта война носила крайне ожесточенный и кровопролитный характер: фуры в ходе нее потеряли 2500 человек убитыми, 40 тысяч голов скота, 400 деревень, сожженных арабами, сами же арабские племена лишились приблизительно 500 человек, 3 тысяч голов скота и 700 шатров¹⁹³.

Кроме масштабов жертв и разрушений арабо-фурская война 1987–1989 гг. интересна еще и тем, что в ходе нее была апробирована ставшая привычной в 1990–2000-е годы тактика «мобильной войны»: стремительные рейды (на конях и джипах) на территорию фуров, в ходе которых до зубов вооруженные воины арабских племен с невероятной жестокостью расправлялись с зачастую беззащитными мирными жителями и их деревнями (сжигали дома, убивали мужчин, насиливали женщин, угоняли скот, травили колодцы и вырубали деревья).

Именно тогда, как отмечает российский суданист Е.А. Кудров, возник зловещий термин «Джанджавид», который «чаще всего переводят с арабского как "джин на коне"».¹⁹⁴ Им стали

обозначать участников арабских племенных ополчений, воевавших с фурами (подробнее о них будет сказано ниже).

Последний крупный эпизод арабо-фурской войны относится к маю 1989 г., когда в результате столкновений между арабскими племенными объединениями и союзами племен фуров в этом районе погибло около 1500 человек. Существуют данные о том, что до 20 тысяч вооруженных бойцов с обеих сторон готовились к военным действиям в районе города Заланджи.¹⁹⁵

Примирение противоборствующих сторон состоялось в ходе конференции племен, прошедшей в Эль-Фашере с 29 мая по 8 июля 1989 года. По итогам ее работы было заключено соглашение, содержащее следующие условия:

1. Ликвидация ополчений фуров, арабских племен, а также любых других вооруженных племенных групп. Гарантируется присутствие правительства в лице вооруженных сил и фиксация с этого момента всего нелегального оружия на руках племен, которое должно быть возвращено государству за вознаграждение.
2. Правительство должно депортировать всех чужаков, нелегально проникших на территорию Дарфура.
3. Правительство обязывается открыть маршруты миграции для кочевников в соответствии с принятыми соглашениями. Оно также должно усиленно охранять права кочевников и фермеров.
4. Правительство должно выселить любую племенную группу, занявшую деревни или фермы в ходе конфликта и возвратить туда прежнее население.
5. Правительство должно распустить любую незаконно работающую организацию и поставить ее членов под надзор.
6. Правительство должно тщательно отслеживать деятельность всех иностранных организаций, работающих в регионе.
7. Правительство должно издать законы, которые бы определили суровые наказания для тех, кто сжигает пастбища, перекрывает маршруты миграции, вырубает деревья и уничтожает фермы.
8. Любая сторона, нарушившая эти соглашения, должна понести максимальные наказания, предусмотренные в суданском уголовном кодексе.
9. Комитет по маршрутам миграции, пастбищам и воде должен принять все необходимые постановления по этим вопросам.¹⁹⁶

На мирной конференции в Эль-Фашере также было решено, что участники «Арабского собрания» должны заплатить фурам в качестве компенсации 43 218 773 суданских фунта, а фуры арабам – 10 883 459 суданских фунтов. В свою очередь центральное правительство наложило на обе стороны конфликта штраф в размере 10 433 350 суданских фунтов.¹⁹⁷

Однако уже в скромом времени после подписания данного соглашения его действие было приостановлено, а спустя несколько месяцев столкновения между фурами и арабами возобновились с новой силой.

Главной причиной подобного развития событий явилось невыполнение сторонами соглашения взятых на себя обязательств, особенно со стороны государства, вновь самоустранившегося от разрешения «горячих» вопросов региона в связи с очередной сменой власти в Хартуме и наличием куда более опасной угрозы в лице СНОД/СНОА, добившейся в 1989 г. серьезных военных успехов.

В декабре 1991 года арабо-фурский конфликт приобрел новую остроту из-за попытки частей СНОД/СНОА под командованием Дауда Яхьи Болада, известного ярого сторонника фуров, вторгнуться в Дарфур с целью поднятия там вооруженного восстания фуров, которое позволило бы южанам с меньшими потерями захватить регион и поставить тем самым в трудное положение суданские вооруженные силы.

Однако попытка СНОД/СНОА открыть в Дарфуре «второй фронт» войны Юга и Севера окончилась полным провалом: южане явно переоценили как свои возможности, так и силы фуров. В результате южносуданские части были уничтожены правительственными войсками и их союзниками в лице отрядов арабского племенного ополчения, а Дауд Яхья Болад захвачен и убит.¹⁹⁸

Оценивая декабрьские события 1991 г. в Дарфуре шведский исследователь Йохан Броше делает вывод о том, что именно с них началась и стала раскручиваться Хартумом оголтелая системная антиафриканская вооруженная кампания, направленная против крупнейших африканских племен региона – фур, загава и масалит, закономерным итогом которой явилось восстание 2003 г., то есть нападения отрядов СОД/СОА и ДСР в феврале и апреле 2003 г. на полицейские и военные силы, дислоцированные в регионе.¹⁹⁹

Кроме того, необходимо учесть, что руководство СНОД/СНОА не сделало правильных выводов из провала своей военной

авантюры 1991 г. и спустя ровно десять лет, в 2001 году, вновь наступило на те же самые «грабли»: очередная военная экспедиция южан в Дарфур при поддержке фуров закончилась столь же предсказуемо плачевно, как и первая: южане и фуры опять были наголову разбиты суданской армией и арабскими племенами, выступившими на стороне Хартума.

Вот почему стремясь не только ослабить растущее сопротивление и влияние этих трех африканских племен, но и облегчить себе управление проблемным регионом, Хартум в ходе административно-территориальной реформы 1994 года разделил Дарфур на 3 штата: Северный Дарфур (столица – Эль-Фашер), Южный Дарфур (столица – Ньяла) и Западный Дарфур (столица – Аль-Генейна). Однако, как показали дальнейшие события, это решение не принесло властям страны ожидаемого эффекта.

Таким образом, говоря о причинах современного нам конфликта в Дарфуре, мы можем указать на несколько принципиальных моментов, которые вытекают из анализа вышеизложенного материала:

– Во-первых, крайне неплодотворная политика центральных властей страны в отношении региона с такой богатой и насыщенной историей, имевшего собственную и весьма эффективную государственность, породила у дарфурцев чувство озлобленности и недовольства Хартумом.²⁰⁰

Более того, Нимейри качнул баланс сил в регионе в сторону фуров, назначив в январе 1981 г. фура по национальности Дирайга главой региона, что незамедлительно вызвало ответную реакцию в виде распространения в Дарфуре идей арабского национализма, частично позаимствованных у ливийцев, от которых многие арабские племена получали новейшее стрелковое оружие.

– Во-вторых, экологическая катастрофа, случившаяся в регионе в 1970–1980-х гг., резко обострила многовековую проблему межплеменной конкуренции за плодородную землю и источники воды, что вкупе с массовой миграцией населения из сопредельного Чада, охваченного гражданской войной, создало конфликтный потенциал огромной мощности.

– Наконец, в-третьих, провал политики примирения противоборствующих сторон, начавшейся после подписания соглашения о прекращении арабо-фурской войны 1987–1989 гг., а также неудачная военная авантюра СНОД/СНОА в декабре 1991 г. привели к тому, что фуры в глазах правительства Омара аль-Башира перестали быть просто одним из участников вооруженных столкновений в Дарфуре и стали главной угрозой

миру и стабильности на западе Судана, в то время как арабские племена превратились в надежных защитников «мира» в регионе, какими они виделись из президентского дворца в Хартуме.

Во многом именно желание сломить эту картину мира, когда фуры – «плохие парни», а джанджавиды – смельчаки, бросившие вызов произволу и бандитизму со стороны фуров, стало той движущей силой, которая явила себя миру в образе СОД/СОА и ДСР, восставших в 2003 году не столько против Хартума, сколько против всей системы антифурского террора, формировавшейся в регионе на протяжении 1990-х годов.

§ 2. «Битва за мир»: вооруженное противостояние в Дарфуре до заключения DPA (2003–2006 гг.)

Важнейшим хронологическим рубежом в периодизации дарфурского конфликта является 2003 год, и не столько потому, что СОД/СОА и ДСР выступили против правительственные войск, сколько из-за того широчайшего общественного и, главное, международного резонанса, который вызвали эти события, весьма скромные с точки зрения военной теории и тактики, но значительные с позиций пропаганды политических взглядов и идей новой, второй после южан, группы суданских повстанцев.

Именно этот резонанс, а если сказать проще, ажиотаж вокруг Дарфура, породивший огромное количество информационных и аналитических материалов разного качества по данной теме, серьезно осложняет для исследователя поиск тех крупниц правды, которые могут прояснить картину развития событий на западе Судана в 2003–2011 гг.

Первый вопрос, который вроде бы очень простой – «Когда возникли основные повстанческие группировки в Дарфуре?», при детальном рассмотрении оказывается весьма и весьма запутанным.

Авторы большинства трудов по данному вопросу склонны принимать самую простую, а потому самую распространенную точку зрения по указанному вопросу: Суданское освободительное движение/суданская освободительная армия и Движение за справедливость и равноправие организационно оформились в период с 2001 по 2003 год.²⁰¹

В то же время в нашем распоряжении имеются и иные данные по этому вопросу. Так, известный журналист, специализирующийся на освещении вооруженных конфликтов в разных

частях мира, Жюли Флинт и крупный британский специалист по Судану Алекс де Ваал в своей совместной монографии определили, что отправной точкой в истории возникновения СОД/СОА следует считать декабрь 1997 г., когда стали создаваться на базе комитетов самообороны первые вооруженные группы фуров и масалит, оружие для которых стало закупаться еще в 1996 г.²⁰²

Не исключено, что к закупке оружия и формированию боевых подразделений фуров и масалит подтолкнуло решение Хартума в 1995 году разделить единый массив земель масалит на 13 отдельных административных единиц.²⁰³

Это решение центрального правительства, проникнутое духом популярного принципа британской колониальной политики, позаимствованного британцами у римлян, – «Разделяй и властвуй», сильно ослабило власть племенной верхушки масалит и, как следствие, вызвало ее немалое возмущение.

По всей видимости, уже тогда и фурам, и масалит стало окончательно ясно, что Хартум хочет «задавить» их поодиночке, дробя их так же, как за 12 лет до этого раздробил Юг на 3 отдельных региона, и поэтому, чтобы выжить и победить, африканцам Дарфура надо объединиться, создав грозную силу, наподобие СНОД/СНОА на Юге.

Сравнивая эти две точки зрения на вопрос о времени появления повстанческих группировок, мы вновь убеждаемся в правоте старой, как мир, истины о «золотой середине»: действительно, на авансцену региональной и мировой истории дарфурские повстанцы вышли в 2003 г., явив собою уже законченные в функционально-структурном плане движения, но создаваться они начали еще во второй половине 1990-х гг. на основе племенных ополчений.

Однако куда гораздо более интересен другой вопрос: «Как создавались СОД/СОА и ДСР?». Частично мы уже на него ответили, выяснив, что первоначальным фундаментом для этих движений стали отряды племен. Для создания более полной картины процессов зарождения и становления хребта дарфурской герильи необходимо по отдельности рассмотреть историю создания СОД/СОА и ДСР.

Начнем мы с «детища» Абдалаха Абубакара Башара (загава, бывший офицер Республиканской гвардии президента Чада Идрисса Деби), Минни Арко Минави (загава) и Абд аль-Вахида Мухаммада ан-Нура (фур) – Фронта освобождения Дарфура (ФОД), известного также как Движение за освобождение Дар-

фура (ДОД), переименованного в 2003 г. в уже привычное нам Суданское освободительное движение/Суданскую освободительную армию (СОД/СОА).

Следует отметить, что СОД/СОА изначально формировалась как мощная военно-политическая структура, предназначенная для реализации масштабных задач, поэтому за подготовку личного состава в ней уже с самого начала отвечали профессиональные военные – бывшиеunter-офицеры суданских вооруженных сил, чаще всего служившие на Юге (здесь уместнее всего напомнить о том, что около 50% призывающего контингента суданской армии родом из Дарфура²⁰⁴).

На заре своего существования СОА представляла собой «смесь сил самообороны Фур и Масалит, бойцов Загава, ветеранов войн Хартума и Нджамены, молодых интеллектуалов и активистов».²⁰⁵

Если военная составляющая Движения берет свое начало с 1996–1997 гг., то его политическая компонента своей точкой отсчета обязана встрече представителей фур и загава в деревне Абу Гамра (Северный Дарфур) 21 июля 2001 г., когда оба племени договорились о единой борьбе с арабским засильем в регионе, скрепив это обещание клятвой на Коране.

Через год с небольшим после этого, в ноябре 2002 г. на совещании высших командиров СОД/СОА в деревне Боодкай (запад Джебель-Марры) была утверждена схема распределения властных полномочий между племенами, образующими Движение: пост председателя достался фурам в лице 34-летнего Абд аль-Вахида Мухаммада ан-Нура, его заместитель должен был быть родом из масалит, примкнувших к союзу фур и загава, но это место будет вакантным до 2005 г., и, наконец, руководство военными операциями было возложено на представителя загава Аббадалаха Абабакара Башара.²⁰⁶ Помощником Башара стал 34-летний загава Минни Арко Минави.

Немалый интерес представляет собой и вопрос об источниках оружия СОД/СОА. На основе всей имеющейся в нашем распоряжении информации по данной теме мы можем классифицировать каналы поступления вооружения, боеприпасов, транспортных средств, а также всего другого необходимого СОД/СОА снаряжения и техники для ведения длительных боевых действий следующим образом:

1. Помощь со стороны чадских властей. Первый такой эпизод был отмечен еще в 1989–1990, когда фуры получили оружие от тогдашнего президента Чада Хиссена Хабре, который

намеревался с их помощью победить Mouvement patriotique du salut (Патриотическое движение спасения, повстанческую группировку, состоявшую из чадских и суданских загава, возглавляемую Идрисом Деби и поддерживавшуюся НИФ).

Второй эпизод – это возобновление режимом Деби в начале 2000-х гг. поддержки дарфурских повстанцев (в 1990-х годах Нджамена воздерживалась от этого, дабы не осложнить и без того непростые отношения с Хартумом)²⁰⁷.

2. Помощь со стороны Суданского федерального демократического альянса (СФДА), представляющего собой объединение дарфурской диаспоры, возникшее в 1994 г. и управляемое Ахмадом Дирайгом и его заместителем Шарифом Хариром. СОД/СОА (на тот момент еще Фронт освобождения Дарфура) вступило в него в 2002 г.

Помимо того, что СОД/СОА забрало под свой контроль все полевые отряды СФДА, Движение за счет деятельности Дирайга и Харира значительно обогатило свой идеологический багаж, преодолев узкоплеменные рамки, а также повысило свой национальный и международный авторитет, вступив (через членство в СФДА) в Национальный демократический альянс (НДА)²⁰⁸ – ведущее в стране объединение оппозиционных сил.²⁰⁹

Через зонтичную структуру НДА СОД/СОА поддерживает контакты с правительством Эритреи. Эритрея, в свою очередь, тесно сотрудничает с Израилем. Этот факт позволил Судану обвинить Израиль в подогревании конфликта в Дарфуре. 10 августа 2004 г. министр иностранных дел Судана Мустафа Осман Исмаил заявил на пресс-конференции в Каире, что «в ближайшие дни тесные связи Израиля с повстанцами станут достоянием общественности». Он также добавил, что «Израиль, по всей видимости, играет ключевую роль в конфликте, как он это постоянно делает в соседней Эритрее»²¹⁰.

3. Поддержка по линии СНОД/СНОА в виде поставок вооружений, амуниции и обучения²¹¹, сыгравшая, как считают некоторые эксперты, критическую роль в становлении СОД/СОА как национально ориентированного движения (подробнее о целях движения будет сказано ниже). Возможно, этим была вызвана смена Движением своей вывески с ФОД на СОД/СОА, которое не может не ассоциироваться со СНОД/СНОА.

Говоря о помощи южан, оказанной дарфурским повстанцам, нельзя не упомянуть о том, что в мировом и отечественном экспертно-исследовательском сообществе с начала современ-

ной фазы дарфурского конфликта получила распространение версия о «южносуданском» происхождении кризиса на Западе Судана.

В частности, об этом в своей работе говорит российский политолог Е.А. Кудров: «Существует не лишенное оснований мнение о том, что важную роль в разжигании кризиса в Дарфуре сыграло Суданское народное освободительное движение/армия (СНОД/А) ... заинтересованное перед началом переговоров с Хартумом создать северянам "второй фронт"».²¹²

4. Поставка Эритреей вооружений для СОД/СОА через каналы СНОД/СНОА.²¹³ Возможно, помимо материальной заинтересованности, эритрейское руководство продает оружие дарфурским повстанческим группировкам ради признания как Хартумом, так и мировым сообществом своей роли и позиции по вопросам урегулирования внутрисуданских конфликтов, в первую очередь проблемы Южного Судана.

Так, в ходе кулуарной встречи послы Эритреи господина Асгедома с группой российских экспертов, прошедшей в рамках московской Научно-практической конференции по Судану (6–7 октября 2009), последним была высказана мысль о том, что мировые державы, занимающиеся Суданом, совершенно не учитывают мнения Эритреи, которая опасается сильно пострадать в случае негативного сценария развития событий в 2011 г. (привал или отмена референдума о самоопределении Юга способны привести к новой масштабной гражданской войне в стране).

5. Снабжение СОД/СОА оружием, боеприпасами, машинами и т. д. по ливийским каналам²¹⁴. Покупка оружия через посредников у арабских племен и правительственные сил.

6. Нелегальный рынок оружия, функционирующий на границе с Южным Дарфуром²¹⁵.

7. Приобретение оружия и техники в результате захвата военных складов и баз суданской армии, грабежа гуманитарных конвоев (боевики СОД/СОА получают при этом в свое распоряжение грузовики и джипы, не считая, разумеется, самой гуманитарной помощи).

В марте 2003 г. СОД/СОА обнародовала свою «Политическую декларацию», подписанную Минни Арко Минави. Во вступлении к ней было заявлено, что «Дарфур был независимым государством с шестнадцатого века до второй декады двадцатого, когда он был принудительно аннексирован современным Суданом». При этом «мирное сосуществование между его аф-

риканскими и арабскими племенами, между оседлым населением и кочевым, эмигрантами с его восточных и западных границ и местными группами было источником его стабильности, процветания и прочности»²¹⁶.

Этому «мирному сосуществованию» всех жителей Дарфура, по мнению авторов «Декларации», пришел конец с провозглашением современным Суданом свой независимости: «постнезависимые режимы в Хартуме, как гражданские, так и военные, вводили и систематически придерживались политики маргинализации, расовой дискриминации, исключения, эксплуатации, разделения».

С этого момента «Дарфур становится и продолжает быть резервуаром дешевой рабочей силы для центральносуданских сельскохозяйственных и промышленных объектов, основным источником для военнослужащих низкого ранга, бросаемых в пекло ожесточенной войны, ведущейся Хартумом против южного Судана, Нубы, Фунг, Беджа, Рашида и других маргинализованных территорий, и честной игры политических партий и элиты центрального Судана в сфере деятельности неместных парламентских кандидатов в безопасных местах»²¹⁷.

В качестве своей главной цели идеологи СОД/СОА назвали «создание объединенного демократического Судана на новой основе равенства, полной реструктуризации и деволюции власти, равного развития, культурного и политического плюрализма и морального и материального благополучия для всех суданцев»²¹⁸.

Второй по порядку, но отнюдь не по значимости, повстанческой группировкой в Дарфуре является Движение за справедливость и равноправие (ДСР). В отличие от СОД/СОА корни этого движения пока все еще находятся в тени, а поэтому по поводу возникновения ДСР у исследователей очень много вопросов и крайне мало более или менее убедительных ответов на них.

Считается, что ДСР возникло в начале 2000-х (не позднее 2003 г.) на основе отрядов самообороны загава, а практически весь его руководящий состав родом из ветви Коба племени загава, компактно проживающей в местечке Тина на судано-чадской границе.

Существует предположение, что в 2003–2005 гг. ДСР было частью СОА, согласно другой версии, этот взгляд на природу отношений СОД/СОА и ДСР в корне неверен, так как в эти годы оба повстанческих движения просто воевали на одной стороне, сражаясь против Хартума и его дарфурских союзников.²¹⁹

Кроме узкой социальной базы ДСР от СОД/СОА отличает и то, что будущие отцы-основатели Движения прошли хорошую политическую школу суданского исламо-фундаментализма, возглавляемую Хасаном ат-Тураби. Так, руководитель ДСР Ибрагим Халиль, еще будучи студентом, в начале 1980-х гг. стал лидером студенческого исламистского движения «Исламская ориентация», которое управлялось «Братьями-мусульманами».²²⁰

После военного переворота 1989 г. дипломированный врач и активный сторонник ат-Тураби Халиль быстро начинает делать карьеру: проработав в 1990 г. в течение 4 месяцев врачом в рядах Сил народной обороны (СНО), он спустя некоторое время занял министерские должности в штатах Северный Дарфур и Голубой Нил.

Впоследствии Халиль служил советником губернатора в Джубе. В 1993–1994 гг. он встречался с другими членами НИФ (НКС), имея намерение реформировать правящую партию изнутри. Эти встречи имели важное последствие: Халиль понял, что партию ат-Тураби и аль-Башира изнутри реформировать не получится, а следовательно, нужно создать другую – ДСР.²²¹ Над этим он и его ближайшие сподвижники начали работать с середины 1990-х гг.

Именно в контексте конфликта между аль-Баширом и ат-Тураби в 1999 г. трактуется политическое поведение Ибрагима Халиля, который в то же самое время начал дистанцироваться от Хартума. Более того, война ДСР против НКС изображается сторонниками этой точки зрения как «гражданская война внутри суданского исламистского движения».²²²

В 2001 г. (по другим данным, в мае 2000 г.) и августе 2002 г. Халиль и его соратники выпускают первую и вторую части «Черной книги: Дисбаланса власти и богатства в Судане», манифеста ДСР, где были изложены основные постулаты идеологии Движения.

Прежде чем перейти собственно к разбору идеологической программы Движения, необходимо отметить следующую особенность «Черной книги»: в отличие от аналогичных документов других политических сил в Дарфуре, да и в общем в Судане, этот коллективный труд руководителей ДСР обначен в форму псевдонаучного исследования (все факты и тезисы, изложенные в нем, заранее подогнаны под идеологическую концепцию и не играют самостоятельной роли) и ориентирован на суданскую интеллигенцию, чиновничество и силовиков

низшего и среднего звена, студентов, мелких и средней руки предпринимателей.

Здесь мы видим прямое сходство с политической тактикой партий ат-Тураби, ориентированных на завоевание симпатий вышеперечисленной аудитории, что, впрочем, неудивительно, учитывая то, у кого учились будущие вожди дарфурской герильи.

Теперь перейдем собственно к анализу идеологии ДСР, выраженной на страницах «Черной книги». Первое, с чего мы начнем, – это конечная цель Движения, которая видится авторам в том, что «власть должна демонстрировать свою приверженность защите суверенитета Родины от иностранных вторжений, обращаться со всеми гражданами одинаково, позволяя им жить в мире и безопасности, гарантировать для них достойную жизнь, распространяя свободу и достоинство, предоставляя им возможность в полной мере участвовать в делах государства»²²³.

Наконец, второе – это путь к достижению заявленной цели. Он, как явствует «Книга», лежит через построение подлинного исламского государства в Судане, которое, по мнению авторов, отличается от проекта ИРС по пяти ключевым пунктам:

Развитие территорий – государство должно гарантировать равенство всех перед законом в вопросе распределения/наделения земельной собственностью, обеспечить преобладание справедливости, защиту слабых и искоренение угнетения, бороться с непотизмом, фаворитизмом и несправедливым обогащением немногих за счет многих.

1. Свобода по отношению к человеку как мыслящему гражданину, способному сделать свой собственный выбор. Только в том случае, если люди могут свободно и без опасения репрессий со стороны чеко-либо или кого-либо делать свой выбор, возможно истинное обсуждение и обмен различными мнениями, который может привести к эффективному использованию ресурсов и непрерывному развитию страны.
2. Справедливость – распределение ресурсов поровну между всеми гражданами страны и в соответствии с четко изложенными приоритетами, прозрачными и очевидными для всех.
3. Шура – правитель обязан проводить широкие консультации с гражданами страны до принятия каких-либо серьезных решений, и отсутствие практики подобных консультаций приводит к злоупотреблению властью и появлению высокомерия.
4. Соответствие политики властей нормам Корана, шариата и иджме.²²⁴

Еще более конкретно и развернуто эта программа ДСР по нормализации общественно-политической и социально-экономической жизни в Судане была изложена тремя годами позже, в августе 2005 г., в документе под названием «Предложения перемен: Судан на пути к справедливости и равенству».

Данный документ, представляющий собой краткое, но достаточно подробное изложение программы Движения, имеет ряд интересных для нас разделов. Во-первых, это «Общие цели ДСР»:

1. Ликвидация экономической, культурной и политической маргинализации большинства суданцев, которая является особенностью политики Судана с момента обретения им независимости в 1956 г.
2. Создание справедливой системы власти на основе демократических принципов, верховенства закона, уважения прав человека в сочетании с разнообразием людей, населяющих Судан.
3. Осуществление конституционной реформы, которая унифицирует федеральную систему единого Судана.
4. Улучшение уровня жизни всего населения страны и предоставление равного доступа к государственным услугам.
5. Инициирование устойчивого социально-экономического развития, охватывающего весь народ.
6. Реализация в стране принципов верховенства закона и разделения властей.
7. Создание федерального и демократического правительства национального единства.
8. Освобождение суданских граждан от нищеты, болезней, голода и восстановление их достоинства и уверенности в себе.
9. Создание для всех граждан Судана условий эффективного участия в процессе производства, творчества и мирного существования.
10. Поощрение и поддержка женщин, молодежи и других уязвимых социальных групп в желании взять на себя полную роль в построении процветающего общества.
11. Предоставление ухода для слабых членов общества, включая детей, сирот, вдов, стариков, внутренних перемещенных лиц (ВПЛ).
12. Создание дружественных отношений с внешним миром, руководствуясь принципами взаимного уважения и поощрения общих интересов.²²⁵

Во-вторых, раздел «Механизмы», где четко указано, какие методы и приемы политической борьбы использует Движение для достижения вышеперечисленных целей:

1. Политические переговоры между ДСР и правительством в Хартуме.
2. Война против хартумского правительства с целью освобождения всего Судана в союзе с другими движениями, разделяющими цели ДСР (в этом пункте мы видим сильное влияние хода и результатов гражданской войны в соседней Эфиопии 1962–1991 гг., когда повстанческие силы, боровшиеся с режимом Мэнгисту Хайле Мариама, объединились в единый фронт и решили тем самым исход борьбы в свою пользу).
3. Мобилизация всех маргинализованных людей в Судане через СМИ, конференции, митинги, внутреннюю и внешнюю изоляцию правительства в Хартуме.
4. Создание гражданской власти в освобожденных районах и предоставление населению основных социальных услуг и рабочих мест.
5. Обеспечение и развитие альтернативной политики в переходный период (до 2011 г., согласно ВМС), подготовка руководящих принципов по вопросам разделения власти, богатства и определения новой суданской идентичности (то есть ответ на старый и наболевший вопрос о том, кого считать суданцем, а кого не считать).
6. Поощрение всех членов Движения в стране с целью создания образцовой организационной модели революционной борьбы в Судане.
7. Привлечение на свою сторону личного состава правительственной армии вместе с их обездоленными и неимущими общинами (имеются в виду военнослужащие родом из Дарфура) и борьба за преодоление представления о том, что их может угнетать расистское меньшинство в Хартуме.²²⁶

В-третьих, раздел «Общие принципы», посвященный видению идеологами ДСР административно-политического устройства Судана:

1. Судан должен оставаться суверенной и единой страной (то есть неприятие международного вмешательства во внутренние дела Судана даже в формате миротворческой операции ООН и недопустимость отделения Юга от Севера).
2. Судан должен стать федерацией из шести регионов: Центральный регион, Южный регион, Северный регион, Восточный регион, регион Кордофан, регион Дарфур.

3. Хартум должен сохранить специальный статус Столичного района, полученный им в 1985 г., в течение переходного периода.
4. Страна должна управляться в соответствии с новой федеральной и демократической системой власти.
5. Арабский и английский станут официальными языками страны, а языки коренных народов должны развиваться и быть официально признаны.
6. Политика защиты прав человека должна распространяться на всех граждан страны без исключения.
7. В стране должно быть четыре уровня управления: федеральный, региональный, штатовский и местный.²²⁷

К этому можно добавить лишь то, что Судан должен быть президентско-парламентской республикой с избранием президента путем голосования всех граждан страны.²²⁸

Мы не случайно уделили столько места анализу программ СОД/СОА и ДСР, так как, с одной стороны, это позволяет понять цели и мотивы их деятельности, а с другой, перестать в них видеть (как это происходит под воздействием, как правило, западных СМИ) исключительно бандитствующие группировки, живущие по принципу «захватить и присвоить» себе все, что плохо лежит. Конечно, при этом мы не должны забывать и о том, что под вывеской этих и других движений нередко на самом деле действуют организованные бандгруппы.

Итак, мы более чем обстоятельно разобрали одну из сторон дарфурского конфликта, представленную СОД/СОА и ДСР, и настала очередь перейти к другой стороне – правительенным силам и их верным союзникам джанджавидам. Из последних двух нас прежде всего интересуют джанджавиды, так как вокруг этих арабских отрядов идет жаркая дискуссия на предмет роли и участия Хартума в конфликте.

Что же мы знаем о джанджавидах на сегодняшний день? О происхождении данного термина мы уже говорили выше, поэтому сейчас изучим организацию этих отрядов и обстоятельства, в ходе которых они были привлечены правительством к войне на своей стороне в начале современной фазы дарфурского конфликта.

Начнем с последнего, то есть с выяснения причин включения джанджавидов в активную борьбу с африканскими племенами региона и роли в этом процессе центрального правительства. На это вопрос есть два варианта ответа, которые, как мы

увидим, не очень сильно противоречат друг друг и отличаются лишь расстановкой акцентов.

Первый вариант нами уже упоминался выше: начиная по меньшей мере с 1990–1991 гг., когда окончательно стало ясно, что мирное соглашение, заключенное по итогам арабо-фурской войны 1987–1989 гг., так и не будет реализовано, а также после военной авантюры СНОД/СНОА 1991 года, джанджавиды перешли к систематическому террору в отношении фур и их союзников, поэтому в 2003 г. для арабских ополченцев ничего в общем-то в принципиальном плане не переменилось, разве что усилились поставки им оружия по линии национальных вооруженных сил.

Второй вариант состоит в следующем: когда вспыхнуло восстание в Дарфуре, организованное в начале 2003 года СОД/СОА и ДСР, правительство обратилось к ряду арабских племен с призывом помочь в борьбе с повстанцами, как оно уже это делало в 1991 и 2001 годах.

Многие племенные вожди, связанные как с местным, так и с центральным руководством, сыграли ключевую роль в комплектовании и организации ополченческих отрядов и налаживании контактов с правительственными должностными лицами. Известно, что в ходе первого набора ополченцев, организованного правительством, среди них оказались арабские бандиты, а также осужденные преступники и боевики из соседних стран, главным образом из Чада и Ливии.²²⁹

Что же касается внутреннего организационного устройства джанджавидов, то по нашим сведениям, у них нет единой целостной структуры, и можно выделить три основные категории формирований джанджавидов, определяемые степенью близости к правительству Судана.

К первой относятся ополченцы, которые лишь весьма слабо связаны с правительством и которые получали от государства оружие и другое снаряжение. Считается, что эти ополченцы действуют главным образом в рамках племенной управляемой структуры. Известно, что они нападают по приказу государственных органов власти, как правило, местного или провинциального уровня, но иногда они также действуют по собственной инициативе, занимаясь мелким мародерством для получения личной выгоды.

Во вторую категорию входят ополченцы, которые организованы в полувоенные формирования и действуют параллельно

с регулярными силами, включая такие группы, как «Ударная сила», муджахиды или фурсан (всадники). Некоторые из этих формирований могут возглавляться офицерами регулярной армии, а также контролироваться вождями племен. Предполагается, что относимые к этой категории ополченцы действуют в рамках определенной управленческой структуры, но их действия не имеют под собой никакой правовой основы.

Третью категорию ополченцев составляют бойцы СНО (Силы народной обороны) и личный состав пограничной разведывательной службы (о них, как и СНО, будет сказано ниже), деятельность которых регулируется суданским законодательством. СНО участвуют в боевых действиях на стороне регулярных вооруженных сил.

Все эти три категории связаны друг с другом. Например, СНО обеспечивали племена арабских ополченцев обмундированием, оружием, боеприпасами и денежным довольствием по первой категории. Вожди этих племен регулярно встречаются с гражданским координатором СНО, который представляет их интересы в местном комитете безопасности.²³⁰

Своим появлением Силы народной обороны обязаны тяжелым поражениям, понесенным правительственные войсками от южносуданских повстанцев в ходе военной кампании 1989 года.²³¹ Тогда для решения насущных оперативных задач, попросту говоря «латания дыр» на фронте, вооруженные силы Судана были дополнительно укомплектованы гражданскими лицами или резервистами.

СНО действуют на основании Закона о Силах народной обороны, спешно принятого в ноябре того же 1989 года, который определяет СНО как «военизированные формирования», состоящие из граждан Судана, которые отвечают некоторым критериям. В статье 6 Закона говорится, что задача СНО состоит в оказании, когда это необходимо, помощи Народным вооруженным силам и другим регулярным войскам, содействии укреплению обороны страны и урегулированию кризисных и чрезвычайных ситуаций общегосударственного значения, а также в выполнении любых других задач, возложенных на них самим главнокомандующим или по рекомендации Совета.²³²

В соответствии с этим законом создан орган по обеспечению координации и взаимодействия как собственно внутри СНО, так и при проведении совместных с правительственными силами операций – Совет Сил народной обороны, который кон-

сультирует главнокомандующего по всем вопросам, затрагивающим СНО, например, в каком районе развернуто подразделение СНО и как организовать военную подготовку и обучение личного состава, и по другим вопросам, касающимся обязанностей и деятельности СНО.

На основе имеющейся у нас информации мы вполне можем отобразить типичную схему комплектования и развертывания СНО. Итак, при наличии острой нужды в дополнительных силах армейское руководство рекомендует, а фактически приказывает местной администрации провести мобилизационные мероприятия с привлечением к руководству ими вождей племен и шейхов.

В каждом штате за мобилизацию отвечает вали (губернатор), поскольку он обычно поддерживает тесные отношения с вождями племен. По словам вождя одного из племен, «в июле 2003 года администрация штата обратилась к вождям племен за помощью. Мы посоветовали своим соплеменникам вступить в СНО. Они послушались нас и, поступив туда, стали выполнять приказы правительства по линии государственного военного ведомства»²³³.

Далее местное армейское командование обеспечивает СНО оружием и обмундированием и организует подготовку мобилизованных, которые затем включаются в состав регулярных войск для участия в операциях.

На этом этапе они несут обычную воинскую службу и, как правило, носят ту же форму, что и военнослужащие срочной службы, чтобы, с одной стороны, затруднить их идентификацию как бойцов племенного ополчения, а с другой, – для облегчения процесса командования ими со стороны офицерского корпуса суданских вооруженных сил.

Вот как охарактеризовал процесс набора и подготовки личного состава СНО старший офицер суданской армии: «Подготовка осуществляется на базе центральных и местных казарм в каждом штате. Проводится общее построение для отбора добровольцев. Вначале мы определяем, нуждаются ли они в подготовке. Затем мы проверяем их на благонадежность и проводим медицинское освидетельствование. Составляется список, который передается военным. Это делается на двух уровнях – Хартума и штатов или на местном уровне. Мы организуем базовую подготовку (например, овладение оружием, воинская дисциплина и т.д.), которая продолжается примерно две

недели, в зависимости от уровня подготовленности. Человек может приехать верхом на коне или верблюде, и мы можем послать его в бой на своем верблюде или коне. ... Бойцам выдается оружие, которое по завершении подготовки возвращается».²³⁴

По словам другого старшего офицера правительственные войск, большинство бойцов, набранных в СНО, «прекрасно владеют оружием и имеют хорошую физическую подготовку», но «им нужно привить дисциплину». Он отметил, что оружие и боеприпасы не всегда возвращаются после демобилизации и что в ряде случаев оружие и боеприпасы распределяются через вождей племен, чтобы обеспечить их возвращение.²³⁵

Действующие в Дарфуре подразделения СНО подчиняются армейскому руководству и совершают нападения на деревни под непосредственным командованием армейского офицера в звании капитана или лейтенанта. При этом соблюдается тщательная координация войсковых операций между правительственными силами и ополченцами. Важно отметить тот факт, что во всех случаях нападения джанджавидов на деревни африканских племен совершались при поддержке или под прикрытием суданских BBC. Военно-транспортная авиация Судана используется для поставок оружия формированием джанджавидов.

Бойцы СНО получают от государства ежемесячное денежное довольствие, которое выплачивается вооруженными силами. Есть сведения о том, что ополченцы или вожди племен получали вознаграждение за совершаемые ими нападения, а один высокопоставленный правительственный чиновник, занимавшийся комплектованием отрядов ополченцев, признался, что вожди племен получали субсидии и подарки пропорционально их вкладу в работу по формированию таких отрядов.²³⁶

Кроме того, известно, что данная категория ополченцев с молчаливого согласия государственных властей занимается грабежом имущества, попадающего в их руки, получая таким путем компенсацию за свои нападения. Характерной особенностью нападений является систематическое разграбление имущества сельских жителей, в том числе хищение денег, личных ценных вещей и особенно домашнего скота. Последнее является не только формой уже упоминавшейся выше компенсации, но и актом устрашения своих противников, попыткой сжечь их с этого места.

Все ополченцы фактически действуют в обстановке полной безнаказанности, не неся никакой ответственности за нападения

на деревни и связанные с этим нарушения прав человека, например, в одном населенном пункте полицейские получили приказ не регистрировать и не проверять жалобы на действия боевиков джанджавид.²³⁷

Теперь рассмотрим пограничную разведывательную службу (ПРС) и ее роль в дарфурских событиях. ПРС представляет собою оперативное подразделение, входящее в состав вооруженных сил, главная задача которого состоит в получении информации о локальном и региональном театре военных действий.

Личный состав этого подразделения набирается из местного населения. Он распределяется по районам, откуда происходит, с учетом его знакомства с районами и живущими там племенами и умения определить иноплеменников и иноземцев, используя местные знания. Военнослужащие ПРС подчиняются непосредственно армейским офицерам-разведчикам в той конкретной дивизии, в которой они служат, либо в обычном порядке, установленном в суданских вооруженных силах.

Хотя первоначально ПРС задумывалась как эффективный инструмент разведывательного обеспечения военных действий на Юге Судана, тот факт, что она стала создаваться в конце 2002 и начале 2003 года, то есть в то время, когда начался вооруженный конфликт в Дарфуре, дает основания думать, что это делалось в качестве прикрытия формирования отрядов джанджавид.

По мнению старшего офицера правительственные силы, пограничники набираются на службу в армию в том же порядке, что и обычные солдаты. В средствах массовой информации публикуется объявление о наборе добровольцев, отвечающих определенным критериям, в частности, по возрасту, гражданству и состоянию здоровья. Именно таким способом были набраны и размещены в Дарфуре примерно 3000 солдат пограничной разведывательной службы²³⁸.

Завершая краткий обзор темы джанджавидов, нельзя не сказать и про официальную позицию Хартума по этому весьма щекотливому вопросу. Как легко можно догадаться, она весьма предсказуема и проста: центральное правительство не имеет ничего общего с этими «вооруженными бандитами», так же как их знать не знают и сами арабские племена, имеющие оружие исключительно в целях самозащиты.²³⁹

Изучив историю появления и характеристики основных участников современного дарфурского конфликта (СОД/СОА, ДСР, суданская армия и джанджавиды), самое время перейти к анали-

зу его эволюции, рассмотрению сложнейших перипетий военно-политической борьбы в западном регионе Судана в 2003–2011 гг.

Как уже было сказано выше, восстание части населения Дарфура, объединившегося под эгидой союза СОД/СОА и ДСР в начале 2003 г., знаменовало собой новый этап развития дарфурской проблемы, став благодаря огромным возможностям СМИ подлинным началом дарфурского кризиса в глазах мировой общественности.

При этом мало кто тогда, да и сейчас обратил внимание на один интересный факт: дарфурские повстанцы начали полномасштабную войну с правительством в год двадцатилетнего юбилея начала восстания на Юге Судана (1983 год). Нам представляется, что это не случайное совпадение, а хорошо спланированная акция руководителей СОД/СОА и ДСР, имевшая своею целью ассоциировать повстанцев Дарфура в глазах страны и мира с бойцами СНОД/СНОА, сражающимися за свою свободу и счастье других народов Судана.

Поначалу казалось, что эта акция попала, что называется, «в точку», но затем картина резко переменилась: повстанцы в СМИ стали мало напоминать героев СНОД/СНОА под руководством легендарного Джона Гаранга, а больше походили на разного размера банды, дерущиеся за власть, деньги и влияние в регионе. Почему так произошло?

Ответ на этот вопрос кроется в событиях 2003–2006 годов. Именно в эти три года сформировались важнейшие особенности конфликта в Дарфуре. Первая из них гласит, что победить сильного противника может только еще более сильный противник, вторая – надежных мирных соглашений не бывает, бывают лишь временные успехи на политико-дипломатическом поприще, которые, однако, мало меняют генеральную картину, и, наконец, третья – решение конфликта лежит исключительно в удовлетворении нужд большинства дарфурцев, а не только интересов и потребностей их все новых и новых «вождей».

Наглядной иллюстрацией первого тезиса служит хроника военно-политического противостояния повстанцев и правительства в Дарфуре. Она отдаленно и весьма приблизительно напоминает многогрантовый боксерский поединок, где в качестве «рефери» с 2004 г. выступает мировое сообщество в лице членов Совета Безопасности ООН.

«Раунд № 1» охватывает по времени первую половину 2003 г. Он начался с мощных, неожиданных и хорошо скордини-

нированных ударов СОД/СОА (по всей видимости, сказалась многолетняя боевая школа СНОА) по ключевым объектам суданской полицейской и военной инфраструктуры в регионе: атаки на полицейские участки (февраль 2003 г.) и на армейские базы в Кутуме и Тине, захват аэропорта в Эль-Фашере (март-апрель 2003 г.), в ходе которых полиции и правительственным войскам был причинен немалый ущерб.²⁴⁰

Отправив этими ударами в «нокдаун» суданскую армию и полицию, повстанцы при значительной поддержке населения (в свою очередь вдохновленного эффектными победами своих кумиров из СОД/СОА и ДСР) продолжают развивать перехваченную у Хартума инициативу, занимая все новые и новые города и территории в Дарфуре: Мелит и Кутум (Северный Дарфур), район Бурама (Южный Дарфур), большие участки Северного Дарфура и Джебель-Марры.²⁴¹

Еще одной важной причиной столь внушительных успехов дарфурских повстанцев, помимо поддержки населения, являются особенности их военной тактики, перенятой ими у джанджавидов: стремительные рейды на объекты противника ударных мобильных групп на джипах (это, как правило, полноприводная Toyota Hilux, вооруженная крупнокалиберным пулеметом Владимира калибра 14,5 мм., и вмещающая от 10 до 20 бойцов) и грузовиках, на которых установлены ЗУ-23-2 (спаренное зенитное орудие калибра 23 мм., как правило, китайского производства). При этом надо учитывать тот факт, что подавляющее большинство солдат правительственных сил – дарфурцы, а потому они не горят особым желанием давать отпор своим соплеменникам.

Однако кроме вышеперечисленных плюсов военной тактики повстанцев, важно знать и ее минусы, которые в скором времени перевесили плюсы и радикально изменили картину вооруженного противостояния в Дарфуре. К этим минусам относятся: недооценка возможностей Хартума и, наоборот, переоценка народной поддержки, неспособность эффективно оборонять крупные территории и города из-за отсутствия как собственно опыта таких операций, так и тяжелого вооружения, необходимого для подобного рода боевых действий.

В результате, как уже было сказано, в ходе «раунда № 2» (вторая половина 2003 г. – начало 2004 г.) обстановка на дарфурском театре военных действий изменилась совершенно принципиальным образом: Хартум пришел в себя и, умело используя истощение материально-технических ресурсов СОД/СОА и

ДСР, перешел в мощное контрнаступление с использованием всех ему доступных в этом регионе видов вооружения и родов войск (артиллерия, авиация, танки и, наконец, джанджавиды).

Главной целью правительственные силы было уничтожение опорных пунктов и баз повстанцев, а так как в роли последних выступали, как правило, обыкновенные деревни фуров, масалит и загава, то для «зачистки» этих баз активно привлекались джанджавиды.

В целом характеризуя стратегию суданских вооруженных сил в Дарфуре, стоит отметить, что она по сути не отличалась от стратегии на Юге в ходе последней гражданской войны, зато в тактическом плане Хартум сумел избежать многих ошибок, допущенных им в Южном Судане, действуя предельно собранно, быстро и жестко.

Используя, что называется на «полную катушку», весь свой южносуданский боевой опыт, командование суданской армии уже в конце 2003 г. – начале 2004 г. нанесло ряд крупных поражений СОД/СОА (были оставлены города Тина, Корноу, Ум Бара, погиб военный руководитель Движения Абдалах Абубакар Башар), поставив его на край гибели. С целью самосохранения СОД/СОА было вынуждено прибегнуть к последнему средству спасения партизанских движений: временно самораспуститься, по большей части растворившись среди местного населения.²⁴²

Однако самороспуск не мог уберечь СОД/СОА от другой проблемы – гибель Башара открыла прямой путь к высшим постам в Движении для его заместителя Минни Арко Минави, которого немалая часть ветеранов СОД/СОА считала недостойным столь высоких должностей: «Если бы Абдалах Абубакар был жив, Минни никогда не стал бы тем, кем он является сейчас».²⁴³

Что же позволило бывшему школьному учителю в Дарфуре, работавшему также офицером чадской таможни и учителем английского языка в Нигерии, стать в конце концов лидером самой могущественной в 2003–2006 гг. дарфурской повстанческой группировки, а затем и помощником президента Судана?

Как это на первый взгляд ни покажется парадоксальным, важнейшая из причин столь стремительного взлета совершенно неизвестного и абсолютно ничем не примечательного до 2000 года дарфурского педагога Минави состоит в его профессии: он был одним из немногих грамотных людей в Движении, способным не только вести протоколы заседаний высшего ко-

мандного состава СОД/СОА, но вообще контролировать и отлаживать весь делопроизводственный процесс в группировке, игравший не меньшую роль, чем собственно планирование и проведение боевых операций.

Кроме того, он смог лично понравиться Башару, самому харизматичному лидеру Движения, сумев в 2002 г. стать его верным секретарем и помощником (нельзя исключать, что этому помимо деловых качеств Минави способствовало также и то, что через него в Движение шли финансовые средства, выделяемые по линии СФДА).

Постоянно находясь при Башаре, Минави быстро заслужил репутацию «человека № 2» в СОА, не имея при этом хоть сколько-нибудь значительного боевого опыта. Также не будем забывать что именно он, а вовсе не Башар и/или ан-Нур написал важный программный документ Движения – «Политическую декларацию». Неудивительно, что замыкает эту цепочку причин превращение Минави из заурядного педагога в одну из наиболее влиятельных политических фигур в Дарфуре смерть его патрона – Башара.

Стремительное восхождение Минави по карьерной лестнице, помимо всего прочего, поставило под угрозу и без того хрупкий баланс племенных интересов в СОД/СОА, когда все высшие посты делились между фурами, масалит и загава.

Дело в том, что военные успехи, достигнутые СОД/СОА в первой половине 2003 г., нарушили баланс власти в Движении, превратив СОД в фактический придаток СОА. Мохаммед ан-Нур, не желавший примириться с таким положением дел, начал бороться с Минави за контроль над полевыми отрядами Движения, что в относительно скором времени стало причиной раз渲ла СОД/СОА на фракции Минави и Нура.

Другими причинами раскола СОД/СОА в 2003–2005 гг. на враждующие между собой фракции стало противоречие позиций фуров и загава на переговорах с правительством (первый их этап прошел в сентябре 2003 г., второй в ноябре 2003 г., третий, четвертый и пятый в апреле, мае и августе 2004 г., соответственно, шестой в июле 2005 г.²⁴⁴) и оценки их результативности.

Если фуры готовы были поступиться некоторыми своими требованиями ради своей главной цели – регионального мира и безопасности в сочетании с решительными шагами правительства и дарфурцев по развитию (созданию заново) современной социально-экономической инфраструктуры, то загава

были настроены сначала добиться заявленных целей в диалоге с Хартумом, а потом уж мириться с ним.

На эти позиции в немалой степени влиял и тот факт, что фуры как более многочисленное племя, нежели загава, больше страдали от мощнейших ударов правительственных войск и джанджавидов, чем соплеменники Минави, которые, к тому же, обладали более высокой военной выучкой и организацией. Вдобавок к этим факторам нужно учесть и тот момент, что отсутствие военных викторий, подобных тем, что были в первой половине 2003 г., тоже не могло способствовать сохранению единства Движения.

Окончательно распад СОД/СОА на «крылья» Минави и Нура состоялся в октябре-ноябре 2005 года на съезде в Хасканите, где Минави был избран руководителем Движения, а его оппонент отсутствовал, не желая, по всей видимости, превращать партийное мероприятие в боевое столкновение своих сторонников и противников.

Образование СОД/СОА Минави и СОД/СОА Нура стало наглядным воплощением новой крайне серьезной проблемы в регионе: фрагментации повстанческих движений. Общие причины этого процесса коренятся в сложной этноплеменной структуре населения Дарфура, личной неприязни руководителей (классический пример – взаимоотношения уже упомянутых Минави и Нура), действиях Хартума (реализация принципа «разделяй и властвуй»), предпочтениях «спонсоров» вооруженного противостояния на Западе Судана.

Пройти через фактический самороспуск пришлось в конце 2003 г. – начале 2004 г. и союзнику СОД/СОА – ДСР, военные операции которого и так были не очень значительными на фоне «коллег» из СОА, а теперь и вовсе свелись к минимуму, необходимому лишь для формального поддержания ДСР образа повстанческого движения, дабы не превратиться в очередную рядовую и маловлиятельную оппозиционную партию страны.

«Раунд № 3» (2004–2005 гг.) в войне дарфурских повстанцев и Хартума ознаменовался появлением на ринге «рефери» в лице мирового сообщества: 7 мая 2004 г. Совет Безопасности ООН назвал Дарфур «царством террора»²⁴⁵. США и Великобритания заявили о своей готовности ввести свой военный контингент на территорию Судана для предотвращения гуманитарной катастрофы. С этой целью Конгресс США 22 июля 2004 г. поддержал резолюцию, характеризующую происходящее в Дарфуре как «геноцид»²⁴⁶.

В условиях возрастающего международного давления на Судан власти были вынуждены прибегнуть к крайним мерам, чтобы убедить мировое сообщество в том, что Хартум сохраняет контроль над обстановкой. С этой целью в начале июля 2004 г. полицейские силы Судана арестовали десятки бойцов джанджавидов и объявили о восстановлении 12 полицейских участков на территории от горы Марра до судано-чадской границы. Гарнизон каждого участка насчитывал 120 полицейских. Общее количество полицейских сил, посланных в регион вследствие принятых мер, должно было возрасти до 7000 человек²⁴⁷.

Эффективность подобных мер была невысока, остановить конфликт эти силы не могли по ряду основных причин. Во-первых, их малочисленность и слабое полицейское вооружение были абсолютно непригодны для проведения армейских операций. Во-вторых, эти силы фактически встали на сторону арабской части населения, чем только накалили обстановку в регионе. В-третьих, перед ними никогда не ставилась задача уничтожить отряды джанджавидов, так как руками последних суданское правительство пыталось выиграть битву за Дарфур.

Но тем не менее эти по большей части «косметические» меры позволили Судану добиться принятия СБ ООН 30 июля 2004 г. более мягкой, чем планировалось изначально, резолюции по Дарфуру. Резолюция требовала от Хартума в течение 30 дней разоружить ополчение джанджавидов. В противном случае против Судана могли быть введены меры, предусмотренные ст. 41 Устава ООН (введение ограничений на торговлю и сообщение со страной, но исключающие военное вмешательство).

Судан согласился с требованием ООН, ратифицировав 7 августа того же года план по разоружению джанджавидов, содержащийся в этой резолюции. Хартум также уступил требованиям Африканского союза (АС) о вводе на территорию Дарфура нигерийских и руандийских миротворцев. Так началась операция Миссии Африканского союза в Судане (МАСС). По данным на февраль 2005 г., контингент МАСС равнялся 1,4 тыс. человек, после полного развертывания его численность должна была достичь 3,3 тыс. солдат и офицеров²⁴⁸.

Однако принятых мерказалось недостаточно для полной остановки вооруженного противостояния в Дарфуре. Власти страны не сумели, а возможно, и просто не захотели ликвидировать движение джанджавидов в указанные сроки. Хартум прекрасно осознавал, что с устранением со сцены этой силы

насилие не прекратится, так как СОА и ДСР начнут тогда новую войну, и на этот раз между собой. Каждая из этих группировок будет бороться за полный и неограниченный контроль над регионом. Так в итоге и получилось: в мае 2005 года трения между СОД/СОА (фракция Минави) и ДСР привели к открытым военным действиям между ними.

Месяцем ранее ситуация в регионе вновь осложнилась: в апреле 2005 г. в Южном Дарфуре китайские нефтяники обнаружили богатые залежи нефти (ожидаемый объем добычи был определен как 500 тысяч баррелей сырой нефти в день²⁴⁹).

«Нефтяная лихорадка» в Судане стала пятой силой, участвующей в междуусобном дарфурском конфликте после джанджавидов, СОД/СОА, ДСР и хартумского правительства. Теперь боестолкновения между арабской и африканской частями населения в Дарфуре стали еще более ожесточенными, ведь война идет не просто за пашни и колодцы, а уже за месторождения «черного золота», пусть даже пока и не полностью разведенного.

В конце 1990-х гг. нынешний суданский лидер Омар аль-Башир, находясь под впечатлением растущих от продажи нефти доходов страны, назвал обнаружение запасов нефти на территории Судана «подарком Аллаха» за проявленную его страной верность исламу²⁵⁰. Сейчас же впору назвать это горьким уроком от Аллаха, ибо требования равного распределения среди населения всего Судана доходов от ее продажи стали одной из основных причин многочисленных вооруженных конфликтов на территории страны.

В создавшихся условиях день ото дня росла интернационализация дарфурского конфликта. Все большее число государств оказывалось втянутым в его орбиту. Ввиду того, что миротворческие усилия АС оказались недостаточными из-за слабого технического и материального обеспечения контингента МАСС, а также нежелания его военнослужащих усердно исполнять свой служебный долг (они завербовались в МАСС исключительно ради относительно высокой зарплаты), для того чтобы навести порядок в Дарфуре без помощи суданских правительственных сил, руководители АС в конце апреля 2005 г. официально обратились за помощью к Североатлантическому альянсу. Соответствующее письмо было послано председателем комиссии АС Альфой Кумаром Конаре генеральному секретарю НАТО Яапу де Хоопу Схефферу.

По словам Джеймса Аппазурая, пресс-секретаря Альянса, Схеффер быстро проинформировал об этом постоянных представителей стран-членов НАТО, которые затем «согласились начать предварительные переговоры с АС».

Двумя месяцами ранее генсек НАТО уже заявлял о готовности его организации взять на себя разрешение проблемы снабжения миротворцев АС всем необходимым, а также оказать помощь в подготовке командного состава миротворческого контингента АС, развитии его разведывательной сети.

При этом Схеффер особо подчеркнул тот момент, что операцию по примирению противоборствующих сторон в Дарфуре будет продолжать осуществлять именно АС, а не НАТО²⁵¹.

С аналогичным предложением выступил и Евросоюз, члены которого объявили о намерении внести свой вклад в процесс восстановления мира и спокойствия в Дарфуре. Так, секретарь министерства обороны Великобритании Джон Рейд заявил на встрече министров обороны стран ЕС о готовности его страны предоставить в распоряжение международных миротворческих сил в Дарфуре 600 автомобилей, помочь в организации баз для миротворцев²⁵².

В то же время с целью увеличить эффективность и результивность миротворческих усилий Совет мира и безопасности АС принял решение значительно увеличить состав своей миссии в Дарфуре с 2200 до более чем 7700 человек, из них 5500 солдат, 1600 гражданских полицейских и около 700 военных наблюдателей²⁵³. Кроме этого, о своем участии в миротворческой миссии ООН в Дарфуре заявила Бангладеш, послав в Судан 1639 солдат²⁵⁴. Вместе с тем ряд экспертов и аналитиков выдвинул предположение, что для стабилизации обстановки на западе Судана необходимо задействовать от 12 до 15 тысяч миротворцев²⁵⁵.

В этих условиях на первые роли в процессе мирного урегулирования дарфурского конфликта стала выходить ООН²⁵⁶: действуя на основании главы VII Устава ООН, 18 сентября 2004 года Совет Безопасности принял резолюцию № 1564.

В этой резолюции содержалась просьба к Кофи Аннану (п. 12) оперативно создать международную следственную комиссию для незамедлительного расследования сообщений о нарушениях норм международного гуманитарного права и стандартов в области прав человека в Дарфуре всеми сторонами, выявления того, имели ли место акты геноцида, и опре-

деления лиц, совершивших такие нарушения, с целью обеспечения привлечения их к ответственности.²⁵⁷

Данная комиссия была сформирована в октябре 2004 года, а 25 января 2005 г. уже предоставила результаты своей работы генеральному секретарю ООН. Они гласили, что «правительство Судана и формирования джанджавидов несут ответственность за серьезные нарушения международных стандартов в области прав человека и норм международного гуманитарного права, составляющие преступления на основании международного права».²⁵⁸

Ознакомившись с «Докладом Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю», Совет Безопасности принял на своем заседании 24 марта 2005 г. резолюцию № 1590, на основе которой вскоре была развернута Миссия Организации Объединенных Наций в Судане (МООНВС).

Пункт 2 этой резолюции напрямую касается конфликта в Дарфуре: «[Совет Безопасности – С.С.] просит МООНВС поддерживать тесные и постоянные контакты и координацию на всех уровнях с Миссией Африканского союза в Судане (МАСС) с целью скорейшего укрепления усилий по достижению мира в Дарфуре, особенно в отношении Абуджийского мирного процесса и Миссии Африканского союза в Судане».²⁵⁹

Спустя всего пять дней, 29 марта 2005 г. Совбез принимает специальную, выдержанную в очень жесткой тональности дарфурскую резолюцию № 1591, ее ключевое положение содержится в п.3: «[Совет Безопасности – С.С.] постановляет с учетом неспособности всех сторон в конфликте в Дарфуре выполнить свои обязательства ... учредить в соответствии с правилом 28 своих временных правил процедуры Комитет Совета Безопасности в составе всех членов Совета».²⁶⁰ Этот Комитет должен был активно воздействовать на все стороны конфликта с целью скорейшего их приведения за стол переговоров и последующего заключения мира.

Для облегчения выполнения возложенных на него задач Комитет получил в свои руки весьма грозное оружие: на «лиц, которые препятствуют мирному процессу, представляют собой угрозу для стабильности в Дарфуре и регионе, совершают нарушения норм международного гуманитарного права и права в области прав человека или другие злодеяния, нарушают меры, осуществляемые государствами-членами ... или несут ответственность за агрессивные военные облеты ... распространя-

няются меры, указанные в подпунктах (д) и (е)».²⁶¹ Этими мерами являются запрет о въезде или проезде указанных лиц по территории государств-членов ООН, «заморозка» их счетов в банках данных государств.

Наконец, 31 марта 2005 года Совбез резолюцией № 1593 выразил свое юридическое отношение к «Докладу Международной следственной комиссии по Дарфуру», постановив «передать ситуацию в Дарфуре за период с 1 июля 2002 года Прокурору Международного уголовного суда».²⁶²

Это решение имело далеко идущие последствия как для Дарфура, в частности, так и для Судана в целом: в июне 2005 года офис Прокурора МУС Луиса Морено Окампо начал свое собственное расследование обстоятельств дарфурской трагедии.

После принятия резолюций № 1591 и 1593 дарфурский мирный процесс сдвинулся с мертвой точки и привел, наконец-таки, как казалось тогда, к финальной стадии урегулирования конфликта – 5 мая 2006 г. в Абудже (Нигерия) под сильным давлением со стороны представителей США, Великобритании и АС²⁶³ между правительством Судана и крылом Минави Суданского освободительного движения/Суданской освободительной армии (СОД/СОА Минави) было подписано Соглашение о мире в Дарфуре (Darfur Peace Agreement (DPA). ДСР и СОД/СОА Нура отказались присоединиться к Соглашению.²⁶⁴

§ 3. Дарфурский тупик: от Абуджи до Дохи (2006–2011 гг.)

Заключение в мае 2006 г. Соглашения о мире в Дарфуре – Darfur peace agreement (DPA) ознаменовало наступление «ранунда № 4» (2006 г.) в длительном противостоянии Хартума и дарфурских повстанцев при участии как африканской, так и мировой общественности.

Выше мы уже упомянули о том, что DPA казался многим если и не окончательным выходом из дарфурского «туннеля», то по меньшей мере лучиком света, указывавшим на этот выход.²⁶⁵

Чтобы понять, откуда эти надежды появились, необходимо кратко изучить основные положения данного Соглашения. Структурно оно состоит из следующих ключевых глав о разделении властных полномочий, о распределении природных ре-

сурсов региона, о всеобъемлющем прекращении огня и окончательные соглашения об условиях обеспечения региональной безопасности, внутридарфурского диалога и консультаций, общих условий, порядка реализации DPA и временного графика этого процесса и приложений.²⁶⁶

Итак, наш анализ DPA мы начнем с главы 1 «Разделение властных полномочий»:

– Во-первых, стоит отметить прочные связи DPA с ВКС (отсылки к ст. 1, 2, 7 и т. д.), что по идеи должно было бы обеспечить хорошую «работоспособность» – Соглашения в политико-правовом поле Судана.

– Во-вторых, признавались требования повстанцев о «создании объединенного демократического Судана на новой основе равенства, полной реструктуризации и деволюции власти, равного развития, культурного и политического плюрализма и морального и материального благополучия для всех суданцев», подтверждением чему являются ст. DPA 4, 8, 9, 14, 15, 20.

– В-третьих, по аналогии с BMC, DPA предусматривало проведение референдума по определению статуса Дарфура (создание на базе 3 дарфурских штатов единого региона или сохранение прежней административно-политической конструкции Дарфура, поделенного на 3 упомянутых штата). Референдум должен был пройти не позднее 12 месяцев после выборов парламентов штатов и их губернаторов в Дарфуре, но не позже июля 2010 г. (ст. 55–60).²⁶⁷

– В-четвертых, предполагало создание Переходной региональной администрации Дарфура (ПРАД, ст. 48–54), которая должна была бы действовать до вышеуказанного референдума. ПРАД состоит из старшего помощника президента Судана (глава ПРАД, ст. 64–66), губернаторов дарфурских штатов, глав Комиссии по реабилитации пострадавших от конфликта и переселения, Фонда реконструкции и развития, комиссий штатов по распределению земель, Комиссии по реализации мер безопасности в Дарфуре, Совета мира и примирения в Дарфуре, Комиссии по выплате компенсаций населению региона и других организаций, которые могут быть созданы с согласия сторон (то есть правительства Судана, СОД/СОА и ДСР).²⁶⁸

– В-пятых, намечалось выделение для представителей Дарфура трех постов в кабинете министров и столько же мест в министерствах дарфурских штатов, а также не менее 12 дополнительных депутатских мандатов в нижней палате судан-

ского парламента – Национальной Ассамблее (ст. 69–72).²⁶⁹ Эти квоты действуют до общегосударственных выборов.

– Наконец, в-шестых, бывшие боевики СОА и ДСР должны войти в состав правительской армии и другие силовые структуры государства (ст. 80).²⁷⁰

Вторая глава DPA «Распределение природных ресурсов» тоже содержит целый ряд важных и интересных для нас положений:

– Во-первых, ст. 101 признает, что «реабилитация населения и реконструкция Дарфура являются приоритетом» в политике как местных, региональных, так и центральных властей.²⁷¹

– Во-вторых, подтверждает традиционные (в том числе, границы племенных территорий) и исторически устоявшиеся права на землю с целью создания и прочной основы существования и развития Дарфура (ст. 110).²⁷²

– В-третьих, намечает основы разработки политики развития Дарфура (ст. 145–150), и в, частности, определение стратегических целей для ПРАД и правительства дарфурских штатов:

1. Активизация экономики штатов Дарфура, чтобы они могли интегрироваться в национальную экономику и развивали межрегиональную торговлю.
2. Восстановление сектора оказания базовых социальных услуг населению, таких как образование, здравоохранение и водоснабжение.
3. Достижение устойчивого экономического роста, справедливого развития экономики (например, без покровительства/дискриминации той или иной этноплеменной группы со стороны властных структур и общества в целом), социальной стабильности и значительного улучшения доступа населения к социальным услугам.
4. Борьба с нищетой, укрепление экономических возможностей людей и их осведомленности в области экономических знаний.
5. Создание надлежащих возможностей для трудоустройства.
6. Разработка индивидуальных и институциональных возможностей для эффективного управления экономикой и социальной сферой с акцентом на подотчетность и прозрачность.
7. Развитие физической инфраструктуры, обеспечивающей улучшение доступа на главные рынки Дарфура как внутри региона, так и извне, из других частей Судана и сопредельных стран.
8. Создание технического и аналитического потенциала в ключевых областях управления экономикой, финансами и в сфере закупок.
9. Поощрение производства альтернативных источников энергии и устранение причин ухудшения состояния окружающей среды.²⁷³

– В-третьих, Дарфур в соответствии со ст. 153 DPA получает разовый трансферт в 300 млн. долларов, затем в 2007–2008 гг. на постоянной основе – не менее 200 млн. долларов в год. Эти средства предлагалось разместить на счетах Фонда реконструкции и развития Дарфура (ст.154).²⁷⁴

– Наконец, в-четвертых, ст. 161 DPA разрешает тем дарфурским штатам, на территории которых обнаружены нефть и/или другие минеральные ресурсы, начать переговоры с правительством Судана о своей гарантированной доле доходов от эксплуатации данных месторождений.²⁷⁵

Таким образом, проанализировав главы 1 и 2 DPA²⁷⁶, мы получили впечатление о том, что перед нами квалифицированно написанный документ, способный принести немалую практическую пользу Дарфуру и его жителям. Тогда возникает вполне закономерный вопрос: что помешало этому, почему Соглашение не заработало, а превратилось в ничего не стоящую бумагу?

Этот вопрос крайне сложен, и на него до сих пор нет устоявшегося варианта ответа, поэтому мы приведем несколько наиболее распространенных в экспертной и научной среде точек зрения на данную проблему.

Первая точка зрения гласит, что к провалу DPA привел отказ Абд аль-Вахида Мухаммада ан-Нура и его фракции СОД/СОА, а также ДСР Ибрагима Халиля подписать Соглашение.²⁷⁷ С этим утверждением трудно не согласиться, и весь дальнейший ход событий в 2006–2010 гг. только подтверждает правильность этой точки зрения.

Но слабое место у этого взгляда на причину краха абуджийской мирной системы все-таки есть, сторонники данного подхода не дают нам четкого ответа на с виду простой, но на самом деле невероятно сложный вопрос о том, а почему собственно Нури и Халиль не присоединились к DPA?

Поиски ответов на этот вопрос и составляют суть второй точки зрения на проблему реализации Соглашения. Как нам представляется, отказ СОД/СОА Нура и ДСР Халиля войти в число участников DPA был вызван действием нескольких ключевых факторов:

– Во-первых, текст Соглашения, где СОД/СОА упоминается как единая организация, без разделения на крылья Минави и Нура (ситуацию не мог спасти тот факт, что мест для подписи от имени СОД/СОА было два²⁷⁸), создавал значительную сложность для Минави и Нура.

Мы можем предположить, что разработчики DPA сознательно пошли на эту «хитрость», намереваясь вернуть к «совместной жизни» фракции Нура и Минави, возродив былое и столь востребованное для установления прочного мира в регионе единство мощнейшей дарфурской повстанческой группировки. Понятно, что вчерашние коллеги в деле борьбы за счастье рядовых дарфурцев, а сегодня заклятые враги не могли на равных объединиться: главным в Движении должен быть кто-то один, либо Минави, либо Нур.

Тогда как получилось, что первый подписал Соглашение, а второй нет? По всей видимости, Минави был уверен в том, что подписывая от лица «всей» СОД/СОА DPA, он, как меткий охотник, убьет одним выстрелом сразу нескольких «зайцев»: подтвердит легитимность своего избрания на пост руководителя Движения, убедит мировое сообщество и суданскую общественность вкупе с Хартумом признать СОД/СОА Нура обыкновенной бандгруппой, незаконно эксплуатирующей благородный бренд истинного СОД/СОА, благодаря чему получит возможность безболезненно для себя и своего окружения свести давние счеты с «отступником» Нуrom, получив за это лавры главного миротворца Дарфура. Наконец, должность старшего помощника президента Судана и одновременно главы ПРАД поможет ему улучшить как свой статус, так и материальное положение.

Нур, прекрасно осведомленный об этих намерениях Минави, не стал ему подыгрывать и отказался подписывать Соглашение в расчете на то, что рано или поздно военно-политическая обстановка в Дарфуре переменится и на авансцену региональной политики выйдет его «настоящее» СОД/СОА, устранившее «террористов» в лице Минави и его окружения, что позволило бы «страдавшим» от узурпации власти в Движении «честным и раскаявшимся» в своих ошибках элементам влиться в ряды единого СОД/СОА образца 2003 года.

– Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что отсутствие в тексте Соглашения, так как оно напрямую отражало реальность на момент его подписания, единственного представителя дарфурцев, как это было в случае с Югом и СНОД/СНОА, дополнительно провоцировало конфликт не только между фракциями Минави и Нура, но и между ними двумя, с одной стороны, и ДСР, с другой.

Исходя из этого, логика неучастия ДСР в DPA во многом копирует поведение Нура с той лишь разницей, что Халиль видел свою ДСР главным последовательным и принципиальным бойцом с тиранией Хартума, а значит, только с ним, представляющим регион, и нужно было Хартуму подписывать Соглашение, предварительно убрав из его текста даже малейшее упоминание о «раздвоившемся» СОД/СОА.

– Наконец, в-третьих, зная программы СОД/СОА и ДСР, мы рискнем предположить, что еще одним моментом, предопределившим падение DPA, явился сам формат, а если говорить точнее, содержание Соглашения. Как известно, идеологи данных повстанческих движений активно ратовали за изменение не только и не столько их родного Дарфура, но за коренное изменение всей текущей модели общественно-политического и социально-экономического развития.

Иными словами, они претендовали на то, чтобы представлять интересы не своего региона, а всей страны, говорить с Хартумом от лица всех суданцев (как это пытались делать с разной степенью успеха южане при Гаранге и после него).

То есть речь идет о том, чтобы с мятежным Дарфуром было заключено соглашение, аналогичное ВМС с Югом. Пойти на это Хартум не мог, причем, как минимум, по двум основаниям:

1) Зачем аль-Баширу второе «дарфурское» ВМС, если ему и так проблем хватает и с реализацией «первого» ВМС? Куда в таком случае его девать? Как согласовывать претворение в жизнь сразу двух ВМС? Ответы на эти и другие подобные им вопросы очевидны: никак. ВМС будет существовать в единственном «экземпляре», а у Дарфура должен быть свой, отличный от Южного Судана формат соглашения.

2) Мы уже неоднократно писали о том²⁷⁹, что Хартуму крайне болезненно и от того очень тяжело идти на создание «демократической, децентрализованной, поликультурной, многоязыковой, полирасовой, полиэтнической, поликонфессиональной» страны, как то прописано в ст. 1 гл. 1 ВКС.²⁸⁰ Осуществление на практике положений данной статьи национальной Конституции «убьет», по мнению Хартума, национальную идентичность Судана, выражющуюся в господствующей исламо-арабской культуре, а вписать в рамки этой культуры вышеозначенный «формат» страны невозможно по определению.

Вот и получается, что еще одного ВМС суданский колективный «Боливар» в лице аль-Башира и его команды уж точно не выдержит. Это прекрасно понимали и авторы DPA, готовя его текст.

Неудачу с реализацией DPA Хартум в глазах как своей, так и мировой общественности постарался компенсировать заключением 14 октября 2006 г. в Асмаре мира с Восточным Фронтом²⁸¹ – Восточносуданского мирного соглашения (Eastern Sudan Peace Agreement, ESPA).

Разумеется, была и другая, более существенная, правда, не столь публично афишируемая причина заключения ESPA: боевики Восточного Фронта в первой половине 2000-х годов заметно активизировали свою активность (борьбу с Хартумом они вели с 1997 г.) и, что особенно обеспокоило власти страны, начали совершать диверсии на красноморском участке нефтепровода Хедлиг – Порт-Судан (протяженность 1500 км.).

К тому же головную боль центрального правительства усиливал тот факт, что с января 2004 года существует союз СОД/СОА с «Конгрессом Беджа» (в 2005 г. вошел в состав Восточного Фронта).²⁸²

Мир в этом регионе в итоге стал возможен лишь на условиях назначения одного из лидеров Фронта Мусы Мухаммеда Ахмеда на должность помощника президента Судана, другого, Амна Диара – на пост советника президента и, наконец, третьего, Мубарака Мабрука Салима – госминистром транспорта.

Руководителям (полевым командирам) Восточного Фронта среднего уровня были предложены должности министра штата и восемь депутатских мандатов Национальной ассамблеи. Последние, правда, настойчиво рекомендовалось отдать женщинам (ст. 23–24 ESPA).²⁸³

На уровне штата за Фронтом были закреплены посты заместителей губернатора Кассалы и Кадарефа, посты советников и по десять мест в парламентах, включая место председателя одного из парламентских комитетов, Кассалы, Гедарефа и Красноморского штата (ст. 38–41 ESPA).²⁸⁴

Не было обойдено вниманием и распределение властных полномочий на уровне местных правительств, где за Фронтом также был закреплен ряд должностей (ст. 42–43 ESPA).²⁸⁵

Как и в случае с DPA, в ESPA было предусмотрено выделение в 2007 г. 100 млн. долл. на развитие восточного Суда-

на, а в период с 2008 по 2011 г. – по 125 млн. долл. в год (ст. 80 *ESPA*).²⁸⁶

Помимо этого, в регионе в течение недели со дня подписания *ESPA* должно быть отменено чрезвычайное положение, а из суданских тюрем освобождены боевики Восточного фронта, которым будет предоставлено два года на интеграцию в состав суданской армии (ст. 121, 131–132 *ESPA*).²⁸⁷

ESPA было ратифицировано суданским парламентом 18 октября 2006 г.,²⁸⁸ а спустя два дня декретом президента аль-Башира было отменено чрезвычайное положение в восточном Судане (штаты Кассала, Красное море и Кадареф)²⁸⁹, где находится стратегически важный порт Порт-Судан, через который суданская нефть экспортируется странам-потребителям.

Успешное урегулирование конфликта в восточном Судане позволило нейтрализовать опасность срыва поставок сырой нефти по зарубежным контрактам, которые составляют приблизительно 80% всей структуры суданского экспорта, а доходы от них равняются примерно половине всего суммарного дохода суданского государства.²⁹⁰

Однако события «раунда № 4» борьбы правительства с дарфурскими повстанцами отнюдь не исчерпываются подписанием *DPA* и *ESPA* и попытками их (с разной степенью успешности) реализации: в 2006 году началась кардинальная перестройка всего формата международного вмешательства в дарфурский конфликт, вызванная ставшей для всех очевидной истиной о том, что одна МАСС «в поле (Дарфуре) не воин».

С целью прекратить периодические вспышки массового насилия, возникающие на западе Судана вследствие провала *DPA*²⁹¹ и ожесточенной борьбы за власть и влияние в регионе, Совбез ООН 31 августа 2006 года принял резолюцию № 1706 о «переходе [в Дарфуре – автор] к миротворческой операции Организации Объединенных Наций... Обязанности МАСС по оказанию содействия осуществлению Мирного соглашения по Дарфуру должны быть возложены на МООНВС после истечения мандата МАСС, но в любом случае не позднее 31 декабря 2006 года».²⁹² Для этого указанной резолюцией МООНВС предлагалось увеличить численность своего военного персонала до 17 300 человек, а гражданский компонент – на 3300 сотрудников гражданской полиции и до 16 регулярных полицейских подразделений.²⁹³

Однако из-за крайне неудачной формулировки, закравшейся в текст резолюции («постановляет – без ущерба для ее нынешнего мандата и операций, предусмотренных в резолюции № 1590 (2005), и в целях оказания поддержки скорейшему и эффективному осуществлению Мирного соглашения по Дарфуру, – что мандат МОНВС будет расширен в соответствии с пунктами 8, 9 и 12 ниже и что она будет развернута в Дарфуре, и в этой связи предлагает Правительству национального единства дать согласие на это развертывание [подчеркнуто мною – С.С.] и настоятельно призывает государства-члены предоставить силы и средства для оперативного развертывания»), этот документ встретил яростное сопротивление со стороны официального Хартума, увидевшего в нем попытку умаления своего суверенитета, и так и остался нереализованным, невизирая на все угрозы со стороны США, Великобритании и ЕС.²⁹⁴

Однинадцать месяцев спустя (31 июля 2007 года) была принята резолюция № 1769, в соответствии с которой предлагается «разрешить и санкционировать создание на первоначальный период в 12 месяцев смешанной операции Африканского союза/Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД)»²⁹⁵.

Состав ЮНАМИД в соответствии с этой резолюцией должен был включать в себя персонал МАСС, «тяжелый» и «легкий» пакеты мер Организации Объединенных Наций в поддержку МАСС²⁹⁶, до 19 555 военнослужащих, в том числе 360 военных наблюдателей и офицеров связи, а также до 3772 сотрудников полиции и 19 сформированных полицейских подразделений численностью до 140 человек каждое.²⁹⁷

К настоящему времени (данные на 30 сентября 2010 г.) численность гражданского персонала ЮНАМИД составляет 4261 человек или 77% от утвержденной численности в 5516 человек.

Миссия по-прежнему испытывает трудности в наборе и сохранении в ее составе имеющих необходимую квалификацию сотрудников ввиду тяжелых условий жизни и колossalных проблем в области безопасности в Дарфуре (за время проведения миротворческой операции в Дафуре ЮНАМИД потеряла погибшими 73 человека: из них военнослужащие – 47 чел.; полицейские – 11; военный наблюдатель – 1; международный гражданский персонал – 3 ; местный гражданский персонал – 9, прочие – 2 чел.).²⁹⁸

Так, с января 2008 года 207 потенциальных кандидатов на должности в структуре ЮНАМИД отказались от назначения, а 315 выбыли из состава Миссии в результате перевода на новое место работы, увольнения по собственному желанию, возвращения на прежнее место службы или выхода на пенсию.²⁹⁹

Численность же военного персонала ЮНАМИД, его основного компонента, составляет 17 199 человек (87% от положенного числа в 19 555 военнослужащих). В полицию ЮНАМИД на индивидуальной основе уже набрано 2820 человек (74% от необходимых 3772 полицейских). Из 19 сформированных полицейских подразделений, которые планируется развернуть в Дарфуре, 14 уже находятся на месте. Общая численность личного состава сформированных полицейских подразделений в настоящее время составляет 1949 человек (73% от положенных 2660 человек).³⁰⁰

Новый, пятый, раунд борьбы правительства с повстанческими группировками в Дарфуре начался в 2007 г. (создание ЮНАМИД) и продолжался до 2009 г. (выдача МУС ордера на арест аль-Башира). Развёртывание в Дарфуре совместной операции АС-ООН должно было способствовать скорейшей стабилизации обстановки и нормализации жизни в этом раздираемом множеством конфликтов суданском регионе (как сказано в п.1 резолюции № 1769, «постановляет – в целях содействия скорейшему и эффективному осуществлению Мирного соглашения по Дарфуру и решений, которые будут приняты по итогам переговоров»).³⁰¹

Но вместо этого ЮНАМИД столкнулась с массой трудностей, чинимых как властями Судана, так и повстанцами (задержка с выдачей виз персоналу Миссии, проблемы с таможенным оформлением грузов ЮНАМИД, нападения на сотрудников Миссии и многое другое).

Всю сложность и нестабильность ситуации в Дарфуре, иллюзорность представлений о «контроле» со стороны правительства аль-Башира ярко высветили события мая 2008 года. Утром 10 мая колонна из джипов с боевиками ДСР попыталась прорваться в Омдурман, бывшую столицу махдистского государства, ныне часть Хартума, но была остановлена суданскими силами безопасности в 50 километрах западнее Омдурмана.

В ходе ожесточенного трехчасового боя боевики ДСР, понесли большие потери (по некоторой информации среди 60 убитых

есть и командир отряда, некий Мохаммед Салих Джарбо), были полностью рассеяны³⁰².

Впервые за всю историю независимого Судана столица страны подверглась столь дерзкому и демонстративному нападению со стороны одного из повстанческих движений. Целью этой беспрецедентной боевой операции был вовсе не захват Омдурмана, не говоря уже о целом Хартуме, а именно запугивание населения столичного региона, распространение среди него неконтролируемых панических настроений.

О том, что это прекрасно поняли суданские власти, говорит и заявление, сделанное Махдумом аль-Махди, политическим секретарем правящего НКС (Национального конгресса Судана): «Главной целью провалившейся террористической атаки было создание у людей с помощью СМИ представления о том, что они [боевики ДСР – С.С.] могут легко войти в Хартум»³⁰³.

Ответственность за помочь боевикам ДСР в подготовке этого нападения суданские власти возложили на Чад. Так, по словам Камаля Обейда, госминистра министерства информации и коммуникации, «террористическая операция с целью саботажа была спланирована Чадом и осуществлялась под руководством лидера ДСР Халиля Ибрагима»³⁰⁴.

Но самое громкое заявление на следующий день после атаки ДСР сделал главный ньюсмейкер суданской политики – президент страны Омар аль-Башир: «Эти силы [боевики ДСР – С.С.] пришли из Чада, где они тренировались, ...мы знаем, что чадский режим несет полную ответственность за произшедшее, ...у нас не остается иного выбора, как разорвать отношения с ним»³⁰⁵.

Впрочем, этот разрыв с Чадом никак кардинальным образом не отразился на состоянии отношений двух государств, и без того с апреля 2006 года и по настоящее время пребывающих, за исключением отдельных периодов, в кризисном положении.

Очень точно современные судано-чадские отношения охарактеризовал Е.А. Кудров: «Двустороннее взаимодействие на этом этапе (по сценарию – взаимные обвинения и демарши – эскалация напряженности – спад – временная нормализация) хорошо отражает общую картину».³⁰⁶

Итак, как мы уже указывали выше, «раунд № 5» (2007–2009 гг.) военно-политического противостояния Хартума и

дарфурских повстанцев прошел не только под знаком начала операции ЮНАМИД и сложностей, с которыми столкнулись на этом направлении ООН и АС, но и все более и более нарастающей конфликтности в отношениях между МУС и Суданом.

В начале мая 2007 г. МУС выдал ордера на арест Ахмада Мухаммада Харуна, министра по гуманитарным делам (экстравагантного главы МВД), и Али Мухаммада Али Абд ар-Рахмана (Али Кушайба), одного из полевых командиров джанджавидов, обвиняемых в целой серии преступлений против жителей Дарфура.

Как сказано в ордере на арест первого подозреваемого, «Ахмад Харун...знал о преступлениях, совершившихся против гражданского населения, и о методах, использовавшихся формированиями ополчения/«джанджавид», а также ... в своих публичных выступлениях Ахмад Харун не только демонстрировал, что ему известно о том, что формирования ополчения/«джанджавид» нападают на гражданских лиц и грабят города и деревни, но и что он лично поощряет совершение таких противозаконных деяний».³⁰⁷

Его «коллегу» по борьбе с повстанческими группировками Дарфура – Али Кушайба также подозревают в том, что он «в качестве одного из руководителей формирований ополчения/«джанджавид», которые действовали совместно с Суданскими вооруженными силами... лично участвовал в некоторых нападениях на гражданских лиц, а именно в городах Кодум, Биндиси, Мукджар и Аравала, с августа 2003 года по март 2004 года, где имели место убийства гражданских лиц, изнасилования, пытки и другие виды жестокого обращения, разграбления деревень и уничтожение имущества гражданского населения, и что вследствие этого он совершил, совместно с другими лицами, эти предполагаемые преступления».³⁰⁸

Судан ожидаемо отказал МУС в выдаче Ахмада Харуна и Али Кушайба, мотивировав это тем, что официальный Хартум не подписывал Статут МУС и соответственно не является его членом, а потому не может передать в руки международного правосудия своих граждан, так как это будет нарушением в отношении них суданских законов.³⁰⁹

Не сумев добиться доставки в Гаагу бывшего суданского министра внутренних дел и командира джанджавидов, Луис Морено Окампо пошел ва-банк: 14 июля 2008 г. он затребовал у Палаты предварительного производства I МУС ордер на арест главы Судана Омара Хасана Ахмада аль-Башира.

Аль-Башир, по мнению следствия, повинен в совершении десяти преступлений, осуществленных в период с марта 2003 по июль 2008 года с использованием государственного аппарата, вооруженных сил и арабского племенного ополчения (джанджавиды).

– Во-первых, президент Судана обвиняется в геноциде путем убийств членов этнических групп Фур, Массалит и Загава.

– Во-вторых, аль-Башир подозревается в том, что проводил против указанных этнических групп геноцид путем причинения тяжкого физического и психического ущерба их членам.

– В-третьих, аль-Башир обвиняется в геноциде Фур, Массалит и Загава путем умышленного ухудшения условий проживания с целью причинения физического ущерба.

– В-четвертых, глава Судана подозревается в совершении преступлений против человечности, выразившихся в убийстве неопределенного числа гражданских лиц в Кодуме, Биндиси, Мукджаре, Аравале, Шатайи, Кайлеке, Бураме, Мухаджерийи, Сираф Джиаде, Силеи, Сирбе, Джебель Муне и Шугаге Каро (районы Дарфура).

– В-пятых, аль-Башира обвиняют в совершении преступлений против человечности, выразившихся в намеренном ухудшении условий проживания населения Дарфура с целью причинения физического ущерба, в том числе и путем массовых убийств неопределенного числа гражданских лиц в Мукджаре и Кайлеке.

– В-шестых, суданского лидера подозревают в совершении преступлений против человечности, выразившихся в насильственном перемещении свыше миллиона гражданских лиц из районов Кодума, Биндиси, Мукджара, Аравала, Шатайе, Кайлека, Бурама, Мухаджерийи, Сирафа Джиаде, Силея, Сирбе, Джебель Муна, Абу Сурджи и Шугаге Каро.

– В-седьмых, аль-Башира обвиняют в совершении преступлений против человечности, выразившихся в пытках гражданских лиц в Мукджаре, Кайлеке и Джебель Муне.

– В-восьмых, президента Судана подозревают в совершении преступлений против человечности, выразившихся в изнасилованиях женщин и девочек, включая неопределенное число случаев в отношении женщин и девочек в Биндиси, Аравале, Шатайи, Кайлеке, Силеи, Сирбе и лагерях для перемещенных лиц.

– В-девятых, аль-Башира обвиняют в совершении военных преступлений, выразившихся в преднамеренных целенаправленных атаках против гражданского населения, включая неопределенное число случаев в отношении жителей в Кодуме, Биндиси, Мукджаре, Аравале, Шатайи, Кайлеке, Бураме, Мухаджерийи, Сираф Джидаде, Силеи, Сирбе, Абу Сурджи, Джебель Муне и Шугаге Каро.

– В-десятых, аль-Башира подозревают в совершении военных преступлений, выразившихся в разграблении городов и деревень в районах Кодуме, Биндиси, Мукджаре, Аравале, Шатайи, Кайлеке, Бураме, Мухаджерийи, Сираф Джидаде, Силеи, Сирбе, Абу Сурджи, Джебель Муне и Шугаге Каро.³¹⁰

Есть в обвинительном заключении и подробное обоснование того, почему именно аль-Башир должен нести ответственность за эти страшные преступления. Оно изложено в главе 6, параграфе 4 данного документа и сводится к следующим положениям:

- «понятие контроля за совершением преступления, характеризуемое разницей между главными виновниками и соучастниками преступного деяния, которое совершено множеством лиц»;
- аль-Башир в силу своего должностного положения имеет возможность контролировать работу всех суданских государственных структур, включая силовые;
- лидер Судана с целью осуществления своего плана по «умиротворению» западносуданского региона лично отдавал распоряжения по проведению военных операций в Дарфуре, а также тщательно контролировал их ход, требуя от исполнителей подробных отчетов о результатах данных операций.³¹¹

Уже упомянутый выше дарфурский план аль-Башира включает, по мнению международных обвинителей, полный комплекс мер по стабилизации обстановки в мятежном регионе:

- комитетам безопасности (местным и на уровне провинций) вменялось в обязанность оказывать всяческую помощь другим суданским силовым структурам, действующим в регионе, в частности координировать их совместные действия;
- разведке (военной и национальной службе безопасности) поручался сбор разведанных и иная поддержка вооруженных сил страны и племенного ополчения джанджави-

- дов, облегчая им захват территории подлежащих уничтожению групп населения (фур, массалит и загава);
- на суданском МВД лежала ответственность за мобилизацию племенного ополчения джанджавидов, гарантируя при этом невмешательство полиции в деятельность джанджавидов;
 - министерству оборону вменялось в обязанность своими силами (регулярными армейскими подразделениями и джанджавидами) проводить атаки против Фур, Массалит и Загава;
 - министерству по гуманитарным делам поручалось всячески мешать оказанию гуманитарной помощи нуждающимся в ней жителям Дарфура;
 - министерству по информации и коммуникациям и МИДу поручалась кампания по оправданию роли и действий официального Хартума в Дарфуре;
 - минфин должен был финансировать операции племенного ополчения джанджавидов, причем из фондов, предназначенных для оказания помощи дарфурцам;
 - минюсту вменялась в обязанность организация и руководство фальшивыми расследованиями, обвиняющими жертв и оправдывающими истинных преступников.³¹²

Запрос на выдачу МУС ордера на арест суданского лидера произошел на фоне активных попыток во второй половине 2008 г. Объединенной команды по поддержке переговоров в Дарфуре АС и ООН (African Union–United Nations Joint Mediation Support Team – JMST) при сотрудничестве и решающей роли властей Катара, а также с участием ЛАГ организовать в Дохе новую площадку для переговоров между правительством Судана и дарфурскими повстанцами.

В этих условиях Омар аль-Башир 13 октября 2008 г., выступая на открытии сессии Национальной Ассамблеи Судана, предложил в качестве еще одного варианта решения проблемы Дарфура, на этот раз национального, так называемую «Инициативу народа Судана». Суть данного варианта разрешения дарфурского кризиса состоит в координации усилий суданского государства с деятельностью международных посредников в рамках переговорного процесса в Дохе (Катаре), а также с совместной миротворческой активностью ООН и АС.

Главное в этой координации, по мнению суданских властей, помочь «катарской инициативе», так как от результатов

переговоров в Дохе зависит, удастся ли сдвинуть миротворческий процесс с мертвой точки или нет. Во всяком случае, хорошо осведомленный о ходе этих переговоров суданский президент выражал по их поводу нескрываемый оптимизм: «Предварительные результаты этих контактов показывают, что мы на правильном пути к миру».³¹³

Однако по прошествии полугода с момента обнародования «Инициативы» окончательно стало ясно, что Хартум не собирался решать проблемы мирного урегулирования на западе страны, а хотел всего лишь воздействовать на МУС и его активных сторонников в направлении недопущения выдачи ордера на арест аль-Башира.

Воздействовать на МУС у окружения аль-Башира получилось, правда, совсем не так, как оно на то рассчитывало: 4 марта 2009 года Палата предварительного производства I МУС выдала Окампе ордер на арест президента Судана. Мартовское решение судей МУС знаменует собою начало «раунда № 6» в дарфурском противоборстве, идущего до настоящего времени.

Такой исход «битвы за ордер» тем не менее не явился совсем уж неожиданным для Хартума, который, как показали дальнейшие события, тщательно готовился к различным, в том числе и к такому, вариантам развития ситуации.

По подсказке своего политического советника Нафия Али Нафия Омар аль-Башир применил то, что в современной политологии именуется как «асимметричный ответ»: в день выдачи МУС ордера на свой арест суданский лидер принял решение выгнать из страны 11 весьма влиятельных и авторитетных международных гуманитарных организаций (Oxfam, CARE, MSF-Holland, Mercy Corps, Norwegian Refugee Council, International Rescue Committee, Action Contre la Faim, Solidarites, CHF International, PATCO, Save the Children Fund).³¹⁴

Спустя двенадцать дней, невзирая на бурные протесты мировой общественности, Хартум потребовал от всех оставшихся международных гуманитарных организаций прекратить в течение года свою деятельность в Дарфуре. Затем последовало и объяснение столь суровых мер: «Эти группы [гуманитарные организации – С.С.] лишь в малой степени занимались гуманитарной работой, а в большой – шпионской, что вредило суданской национальной безопасности».³¹⁵

Более того, аль-Башир в открытую предложил мировому сообществу сделку: возврат гуманитарных организаций в Дарфур в обмен на «замораживание» ордера на свой арест.³¹⁶

Однако на «гуманитарный» шантаж со стороны Судана МУС и страны, его поддерживавшие, не поддались, а потому по прошествии нескольких месяцев суданское правительство было вынуждено под мощным международным прессингом фактически дезавуировать свое решение. Оно зарегистрировало 15 июня 2009 года новые гуманитарные организации, созданные путем переименования CARE, Save The Children, Mercy Corps., при условии, что эти новые организации будут «дистанцироваться от политики». Большую роль в этом сыграла настойчивость Скотта Грейшена, американского спецпредставителя в Судане.³¹⁷

За полгода до этого, 17 февраля 2009 г., в Катаре благодаря усилиям международных посредников было подписано рамочное «Соглашение доброй воли и укрепления доверия по проблеме Дарфура» между Хартумом и ДСР. Его основными положениями являются:

1. Подтверждение стратегического приоритета мирного процесса над другими вопросами в сфере урегулирования дарфурского конфликта.
2. Согласие сторон с комплексным подходом для определения глубинных проблем и достижения прочного мира в стране.
3. Принятие всех необходимых мер для создания благоприятных условий для надежного урегулирования конфликта (прекращение всех видов преследования временно перемещенных лиц, гарантирование беспрепятственного предоставления гуманитарной помощи всем нуждающимся, обмен военнопленными и лицами, находящимися в тюрьмах за участие в вооруженном дарфурском конфликте).³¹⁸

К сожалению, как это часто бывает, хорошие начинания быстро терпят крах. Это в полной мере относится и к дохийскому соглашению, которое до сих пор не реализовано, так как северосуданская правящая элита во главе с Омаром аль-Баширом изо всех сил не хочет заключать с Дарфуром второе ВМС, о чём мы уже писали выше, а на меньшее не согласны повстанческие группы Дафрура, имеющие к тому же серьез-

ные проблемы с объединением и организационным оформлением своих военно-политических усилий.

В результате Хартуму в сентябре 2010 года пришлось «изобрести» новую инициативу по разрешению дарфурского кризиса, который подобно коррозии стремительно разъедает плоть суданской государственности. Эта инициатива преподнесена мировой общественности в форме новой политической стратегии для Дарфура в плане обеспечения безопасности его населения.

Эта стратегия отражает изменение ориентиров правительства в пяти ключевых областях: безопасности, развития, расселения, примирения и переговоров. Стратегия предполагает переориентацию и распространение мирного процесса на местный уровень с созданием механизма, посредством которого можно будет проводить консультации с дарфурским обществом, а затем учитывать их результаты в продолжающемся процессе посредничества АС-ООН, с тем чтобы в конечном итоге провести переговоры о заключении всеобъемлющего мирного соглашения для урегулирования дарфурского кризиса.

В отношении безопасности правительство Судана наконец-таки признало, что оно должно нести главную ответственность за поддержание стабильности, и призвало ЮНАМИД к более широкому участию и более тесной координации, особенно в вопросах, касающихся защиты беженцев и содействия их возвращению. Хартум также пообещал перенести акцент с оказания гуманитарной помощи на обеспечение развития (на эти нужды власти страны готовы выделить 1,9 млрд. долл.) и на оказание поддержки возвращению внутренне перемещенных лиц.

В связи с этим суданский кабинет министров заявил о своей готовности координировать свою деятельность с гуманитарными организациями и ЮНАМИД для обеспечения безопасности и предоставления основных социальных услуг возвращающимся беженцам и внутренне перемещенным лицам в качестве одного из средств содействия их безопасному, добровольному и упорядоченному возвращению.³¹⁹

Время, разумеется, покажет, насколько была оправдана эта новая стратегия Хартума в контексте разрешения проблемы Дарфура.³²⁰

Правда, оглядываясь назад, в историю региона, трудно быть оптимистом и верить в то, что на эту землю придет мир

и нормальная комфортная человеческая жизнь. Конечно, можно сразу же на это возразить, указав на Южный Судан после 2005 года, но детальный анализ ситуации в данном регионе, проведенный нами в главе 2, показывает совсем иную картину.

Не исключено, что к столь решительной перемене своих взглядов на природу урегулирования дарфурского конфликта и, в частности, к сдаче позиций по дарфурскому ВМС аль-Башира и его команду подтолкнул второй ордер, выданный МУС 12 июля 2010 г. на имя лидера Судана.

В новом документе, выпущенном МУС, утверждается «что Омар аль-Башир как лицо, косвенно совершившее преступление, или как лицо, совместно с другими косвенно его совершившее, несет в соответствии с подпунктом 3 (а) статьи 25 Статута уголовную ответственность за: 1) геноцид посредством убийства по смыслу пункта (а) статьи 6 Статута; 2) геноцид посредством причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства по смыслу пункта (б) статьи 6 Статута; и 3) геноцид посредством предумышленного создания таких жизненных условий, которые рассчитаны на физическое уничтожение, по смыслу пункта (с) статьи 6 Статута».³²¹

Таким образом, характеризуя в целом весь современный этап конфликта в Дарфуре (2003–2011 гг.), мы видим, что главный камень преткновения лежит отнюдь не в процессе фрагментации повстанческих движений. Разумеется, чрезмерная раздробленность повстанцев тоже отрицательно влияет на ход мирного процесса в регионе, равно как и отсутствие сколько-нибудь заметно ощутимого прогресса в социально-экономическом развитии всего Запада Судана. Существуют, правда, отдельные образцово-показательные с этой точки зрения места, вроде районов в штате Северный Дарфур. Но картины в целом это не меняет, так как нет того, что могло бы позволить решить большинство насущных проблем рядовых дарфурцев.

Загвоздка дарфурского конфликта видится в процессе реализации ВМС, который фактически свелся к подготовке «развода» Южного Судана с Северным. Все пафосные слова о том, что надо сделать единство Судана привлекательным для всего его населения, будь то южане, дарфурцы или жители Востока страны, так и остались фразами из текста ВМС и ре-

чей высокопоставленных политиков, не став той реальностью, в которую многие суданцы верили еще в 2005–2007 годах.

Применительно к Дарфуру это означает, что его населению, не желающему отделяться от Северного и Центрального Судана, так и придется, по крайней мере, в обозримой среднесрочной перспективе (10–15 лет) оставаться на положении людей «второго сорта», довольствующихся лишь тем, что часть их лидеров переехала на ответственные должности в Хартум. Следовательно, также долго будет сохраняться и повстанческая активность в этом регионе, порождая как новых вождей, так и новые мирные соглашения, не способные радикально переменить ситуацию.

Глава 4.

ФИНАЛ ЭПОХИ ВМС: РЕФЕРЕНДУМ 2011 ГОДА И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ЮЖНОГО СУДАНА

§1. Политико-правовые предпосылки референдума и его подготовка

Точкой отсчета для подготовки и проведения референдума о самоопределении Южного Судана явилось подписание в январе 2005 года ВМС между правительством Судана и СНОД/СНОА.

Как известно, структурно Соглашение состоит из следующих важнейших частей: введения, основной части, содержащей Мачакоский протокол 2002 года, положения о разделе властных полномочий между Югом и Севером, о разделе природных ресурсов страны, условиях обеспечения безопасности, резолюций по Абъяйскому конфликту и конфликтам в регионах Южный Кордофан и Голубой Нил и приложений.

Именно п.1.3 Мачакосского протокола 2002 года стал стержнем всей конструкции ВМС, определявшего ход и основные параметры политической жизни страны в течение целых шести лет (2005–2011 гг.): «Население Южного Судана имеет право на самоопределение, в частности, через референдум, определяющий его будущий статус».³²²

Кстати, сам этот шестилетний срок тоже отнюдь не случаен и родом из п. 2.5.: «В конце шестого (6) года переходного периода состоится при международном мониторинге референдум, организованный совместно Правительством Судана и СНОД/СНОА для населения Южного Судана: поддержка единства Судана через голосование в пользу адаптированной системы управления, базирующейся на Мирном Соглашении [ВМС – С.С.] или голосование за отделение».³²³

Из Мачакосского протокола вышел и популярный, но так и не реализованный лозунг эпохи ВМС: «Сделать единство Судана привлекательным для населения Южного Судана» (п.2.4.2).³²⁴

Следующими по важности документами, заложившими наряду с ВМС политico-юридический фундамент южносуданского референдума 2011 года, стали ВКС и ВКЮС, чьи 16 раздел и глава 2 части 1 соответственно целиком и полностью посвящены этому вопросу. Закладка данного фундамента была завершена принятием 28 декабря 2009 года «Акта 2009 года о референдуме в Южном Судане».

Этот относительно небольшой, всего 33 страницы, документ имел огромное значение для подготовки и проведения референдума. Не будет сильным преувеличением сказать, что он родился в колоссальных муках, ибо многие из его 69 статей были предметом ожесточенных дискуссий, которые шли между СНОД/СНОА и НКС.³²⁵

К числу наиболее «острых» в плане согласования статей относились ст. 25 («Избиратели»), 28 («Условия регистрации и участия в референдуме»), 41 («Подсчет голосов и объявление результатов») и 67 («Соглашения, заключаемые после референдума»).

Итак, начнем по порядку со ст. 25 и 28 «Акта 2009 года о референдуме в Южном Судане». Данные статьи перечисляют те условия, при полном соответствии которым человек, изъявивший желание участвовать в референдуме, должен быть зарегистрирован в реестре избирателей, чтобы иметь возможность проголосовать.

С учетом того огромного числа беженцев, которые покинули Южный Судан, а также Судан вообще за последние полвека, вопрос о том, кого регистрировать избирателем, а кого нет, являлся принципиально важным и для Джубы, и для Хартума.

Джубе хотелось видеть в числе избирателей в первую очередь тех, кто лоялен ее идее об отделении Южного Судана, а это в основном жители собственно Юга и южносуданцы, проживающие за границей.

Соответственно Хартум, напротив, желал сформировать корпус лояльных ему избирателей, отводя в этом нелегком деле значительную роль, как минимум, трем, а может, и больше (точные цифры нам пока не доступны, а те что есть, относятся к концу 1980-х годов) миллионам южносуданцев, живущих на Севере, особенно в Тройственном городе (Хартум, Омдурман и Северный Хартум), но сохранивших родственные, дружеские и иные связи с Югом и в силу этого слабо заинтересованных в провозглашении независимости Южного Судана и его отделении от Севера.

В результате «победил» компромисс, который, как поначалу могло показаться, равным образом устраивал и Север, и Юг: «Избиратели должны отвечать следующим условиям:

- 1) иметь обоих или одного из родителей, принадлежащих к одной из общин коренных народов, поселившихся в Южном Судане не позднее 1 января 1956 года, или чьи предки восходят к одной из этнических общин в Южном Судане, или
- 2) постоянно, без перерыва, проживать в Южном Судане с 1 января 1956 года, или если их родители или их бабушки и дедушки проживают постоянно, без перерыва в Южном Судане с 1 января 1956 года;
- 3) достигнуть 18-летнего возраста;
- 4) находиться в здравом уме;
- 5) быть зарегистрированными в регистре референдума».³²⁶

Для того чтобы избиратель в соответствии с требованиями пп. 1–4, был зарегистрирован в регистре референдума, ему необходимо отвечать требованиям ст. 28:

- «а) удовлетворять требованиям соответствия статусу избирателя, как это определено в статье 25 настоящего Закона,
- б) обладать документом, удостоверяющим личность, или свидетельством, утвержденным администрацией округа либо местными или традиционными органами власти в зависимости от обстоятельств [в частности, к таким документам по ст. 26 относится и удостоверение беженца УВКБ ООН – С.С.]
- с) не быть зарегистрированным в любом другом месте».³²⁷

Выше мы уже упомянули о том, что текст данных статей первоначально производит впечатление, будто бы они одинаково приемлемы как для Джубы, так и для Хартума. Однако, анализируя указанные статьи, убеждаешься в том, что на самом деле они в большей степени отвечают интересам Джубы, нежели Хартума:

– Во-первых, в выборах может участвовать зарубежная южносуданская диаспора, которая не скрывает своих антихартумских настроений, правда, этот момент уравновешивается другим – южносуданцы, живущие на Севере, также могут участвовать в референдуме.

– Во-вторых, те южносуданцы, которые «принадлежат к одной из общин коренных народов, поселившихся в Южном Судане не позднее 1 января 1956 года, или чьи предки восхо-

дят к одной из этнических общин в Южном Судане», но не постоянно проживали на Юге, могут проголосовать только там.

Иными словами, им придется делать свой выбор в обстановке предвкушения независимости, под огромным давлением как со стороны своих соотечественников, мечтающих о новой счастливой жизни в независимом Южном Судане, так и со стороны местных и региональных властей, стремящихся обеспечить как можно большую явку и поддержку независимости Юга. В этом плане очень показательны результаты апрельских выборов президента Южного Судана: за Сальву Киира было дано 93% голосов, за его оппонента Лама Аколя 7%.³²⁸

– В-третьих, избиратель, который не «принадлежит к одной из общин коренных народов, поселившихся в Южном Судане не позднее 1 января 1956 года», но постоянно проживающий или имеющий родителей либо бабушек и дедушек, постоянно живущих на Юге, также может проголосовать только там, со всеми вышеуказанными последствиями.

Следующим «полем битвы» между СНОД и НКС послужила ст. 41, являющаяся без преувеличения «сердцем» закона о референдуме: в ней должны были быть четко прописаны все условия, при которых, во-первых, референдум может быть признан состоявшимся, и во-вторых, процентная планка, ниже которой даже при нужной явке населения на избирательные участки результаты волеизъявления не засчитываются.

Хартум первоначально настаивал на очень жестких пропорциях: для того, чтобы референдум был признан состоявшимся, в нем должно было принять участие не менее 90% зарегистрированных избирателей, решение о сохранении единого Судана считалось бы «прошедшим», если за него проголосовали 51 и более процентов избирателей, в то время как аналогичное решение об отделении Юга от Севера должно набрать не менее 90% (поначалу, затем Север предложил Югу дисконт в 15%, то есть минимальный порог признания независимости опускался до 75%).³²⁹

Джуба, как легко догадаться, занимала в этом вопросе прямо противоположные позиции: максимальная планка явки избирателей – 66%, решение о независимости Юга, равно как и о единстве Судана считается принятым, если его поддержал 51% голосовавших.

В итоге более чем уверенную победу в споре по этим вопросам одержала Джуба: «(2). а) Референдум в Южном Судане

считается состоявшимся, если по крайне мере проголосовало 60% зарегистрированных избирателей.

b) Если этот порог явки не был достигнут, референдум должен быть повторно в течение шестидесяти дней проведен на тех же условиях с обнародованием окончательных результатов.

(3) Голосование в пользу подтверждения единства Судана, базирующегося на системе власти, учрежденной в соответствии с Всеобъемлющим Мирным Соглашением, или отделения должно быть обеспечено простым большинством (50% +1)³³⁰ от общего числа голосов, поданных за один из двух вариантов».

Кроме явной победы Джубы в этой «битве за голоса» стоит обратить внимание на тот момент, что в качестве альтернативы отделению Юга избирателю предложен вариант сохранения текущего «статус-кво» в стране, который четко выражен в ст. 6 «Варианты голосования на референдуме»:

«При осуществлении права на самоопределение путем голосования на референдуме, народу Южного Судана предлагается проголосовать за один из двух вариантов:

- i. Подтверждение единства Судана путем поддержания формы правления, установленной Всеобъемлющим Мирным Соглашением и Конституцией, или
- ii. Отделение.»³³¹

Таким образом, лишь к концу 2009 года Хартум наконец-таки смирился с мыслью о том, что лучше худо-бедно, но реально функционирующая федерация в составе двух ее главных субъектов: Северного и Южного Судана, нежели отход Юга, не желающего существовать в составе единого арабо-мусульманского Судана.

Но даже в тех условиях, когда до проведения референдума оставалось более года, этот шаг уже опоздал, как минимум, лет на пятьдесят, а потому не мог переломить желание практически всех южан отделиться от Севера и создать собственное государство.

Не прибавило шансов Хартуму на сохранение единства страны и не очень удачное и несвоевременное высказывание президента аль-Башира в конце 2010 года о том, что «неправильно утверждать, будто я не знаю, что суданский народ является полирасовым и поликонфессиональным, а потому шариат будет основным источником для законотворчества ... и

арабский язык будет официальным языком государства, как это будет оговорено в новой конституции».³³²

Та новая конституция, о которой говорит аль-Башир, появится в том случае, «если Южный Судан отделится», так как, по мысли суданского президента и его ближайшего окружения, ВКС нужна была в первую и последнюю очередь для удержания Юга с его колоссальными нефтяными полями в составе единого Судана, ну а коли этого самого единого Судана вскоре не станет и в помине, то и незачем держаться за ВКС.

С другой стороны, подобные высказывания первого лица государства вкупе с положениями ст. 6 «Акта 2009 года о референдуме в Южном Судане» о «подтверждении единства Судана путем поддержания формы правления, установленной Всеобъемлющим Мирным Соглашением и Конституцией», могли вполне привести рядовых и не очень южносуданцев к мысли о том, что спустя некоторое критическое время (пять, максимум десять лет) после подтверждения на референдуме этого желанного для Хартума единства, аль-Башир или его преемник также могут высказаться в духе того, что «ислам приветствует и защищает все расы и религии на своей территории, а потому нет необходимости отрицать шариат как базовый источник законодательства единого Судана, для исправления чего мы внесем изменения в конституцию».

В свете этой отчаянной и безнадежной борьбы президентской команды за единый Судан становится понятной и важность ст. 67. «Акта 2009 года о референдуме в Южном Судане».

Напомним, что она затрагивает ситуацию, когда прошел признанный легитимным референдум и на нем принято одно из двух возможных решений: сохранение единства Судана или отделение Юга. Тем не менее, несмотря на всю свою важность, дебаты по данной статье так и прошли мало замеченными на фоне настоящей битвы, развернувшейся за ст. 41.

Ввиду огромного значения ст. 67 для обеспечения легитимного развития событий после завершения референдума мы приведем ее текст полностью:

«(1) В случае, если народ Южного Судана проголосовал за вариант единства:

- a) в конце переходного периода Правительство применяет статьи 69 (п. 1), 118 (п. 1), 145, 226 (п. 9) Конституции;
- b) Судан остается единственным государством в соответствии с Всеобъемлющим Мирным Соглашением и Конституцией до конца переходного периода;

с) Конституция должна оставаться в силе до принятия постоянной конституции, и при этом должны быть учтены все изменения до ее пересмотра.

(2) В случае, если народ Южного Судана проголосует за вариант отделения, в конце переходного периода Правительство применяет статьи 69 (п. 2), 118 (п. 2), 145 (п. 1) и 226 (п. 10).

(3) Без ущерба для упомянутых выше подпунктов 1 и 2 стороны Всеобъемлющего Мирного Соглашения должны вступить в переговоры, свидетелями которых будут те же страны и организации, что присутствовали при заключении ВМС, с целью достижения соглашения о решении основных вопросов, таких как:

- а) гражданство;
- б) валюта;
- в) государственная служба;
- г) положение совместных объединенных воинских подразделений, органов национальной безопасности и разведки;
- е) международные соглашения и конвенции;
- ф) активы и долги;
- г) нефтяные месторождения, добыча, транспортировка и экспорт нефти;
- х) контракты и состояние окружающей среды в районах нефтяных месторождений;
- и) проблема воды;
- ј) проблема собственности;
- к) любые другие вопросы, которые будут согласованы обеими сторонами».³³³

Как видно из вышеприведенной статьи, самой проблемной ее частью в плане согласования между СНОД и НКС был п. 3, где во-первых, декларируется обязательность переговоров между независимым Югом и Севером, а во-вторых, перечислены наиболее болезненные в случае «развода» Джубы с Хартумом вопросы, особенно те, что связаны с нефтяной отраслью Судана.

Он изложен в максимально компромиссной редакции, не содержит ни малейшего намека на то, как было бы лучше решить подобные острые вопросы, но все равно само его наличие говорит о безусловной политико-дипломатической победе северян, которые таким образом путем проведения этих пере-

говоров будут удерживать суверенный Южный Судан в орбите своего влияния по крайней мере в краткосрочной перспективе (от 3 до 5 лет).

Касаясь вопроса об урегулировании ситуации, которая возникнет после проведения референдума, президент страны аль-Башир заявил о своей решимости завершить все эти намеченные переговоры к 9 июля 2011 года, то есть к последнему дню функционирования ВМС.³³⁴

В случае же успеха этих переговоров можно будет говорить о том, что Юг по-прежнему будет контролироваться Севером в течение ближайших десятилетий, если этому не помешают форс-мажорные обстоятельства (резкая смена власти в Хартуме или Джубе, обострение внутренних противоречий как в Северном Судане, так и Южном и т. д.).

Говоря о намеченном на 9 января 2011 года южносуданском референдуме, было бы совершенно неправильно не сказать и о другом референдуме, который также должен был начаться 9 января 2011 года, но из-за разногласий между Джубой и Хартумом в вопросе, регистрировать избирателями или нет арабских кочевников из племени миссерия, его проведение отложили на неопределенное время, как минимум, до 9 июля 2011 года, когда, как уже было сказано выше, истекает срок действия ВМС.

Речь идет о референдуме по вопросу о самоопределении своего административного статуса одним из самых богатых нефтью суданских штатов – Абъейем.

У него практически такая же политico-правовая основа, как и у его «старшего собрата» – референдума о самоопределении Южного Судана: ВМС (глава 4 «Резолюция по конфликту в Абъейе»), ВКС (ст. 183) и, наконец, «Акт 2009 года о референдуме на территории Абъейя», написанный по тому же образцу, что и закон о южносуданском референдуме.

В соответствии со ст. 6 «Акта 2009 года о референдуме на территории Абъейя»:

«При осуществлении права на определение административного статуса путем голосования на референдуме жители района Абъейя должны отдать свои голоса либо за:

- i. Сохранение Абъейем своего особого административного статуса в составе Севера или,
- ii. Присоединение района Абъей к штату Бахр аль-Газаль в составе Южного Судана».³³⁵

Понятно, что решимость населения Южного Судана голосовать за независимость своего региона окажет колossalное воздействие на жителей Абъеяя, когда они будут выбирать между вышеперечисленными вариантами. Поэтому Хартум стремится удержать этот стратегически важный для него район путем задействования фактора «ущемленных в правах» местных жителей, коими являются члены арабского кочевого племени мизерия. Последние крайне недовольны решением гаагского арбитража о границах Абъеяя, мешающих их кочевкам, а значит, вполне могут голосовать за первый вариант, победы которого так ждет Хартум.

В свете того, что проведение абъейского референдума отложено, особую важность приобретает ст. 7. «Акта 2009 года о референдуме на территории Абъеяя» – «О необходимых условиях для проведения референдума»:

«Для обеспечения свободного волеизъявления жителей территории Абъеяя в соответствии с их взглядами, следуя вышепозиционной ст. 6, власти различных уровней должны создать благоприятную среду для проведения референдума, осуществив следующие меры:

- a. Создание необходимых условий при обеспечении безопасности во время подготовки и организации свободного проведения референдума;
- b. Свобода выражения мнения для всех жителей территории Абъеяя, чтобы они могли распространять свои взгляды на референдум через средства массовой информации или любыми другими способами;
- c. Свобода собраний и передвижений для всех жителей территории Абъеяя в соответствии с положениями Конституции и настоящего Акта;
- d. Обеспечение присутствия наблюдателей от государственных членов ИГАД и их партнеров, ООН, ЕС, АС и других международных организаций, подписавших ВМС;
- e. Обеспечение присутствия национальных, региональных и международных правозащитных организаций для наблюдения за всеми процедурами, относящимися к референдуму, в том числе и за агитационной кампанией;
- f. Обеспечение в соответствии с Актом о политических партиях 2007 года регистрации политических партий, организаций и собраний, при этом соблюдая ВМС в части предоставления равных возможностей по ведению агитации в пользу любого варианта голосования;

г. Обучение и регистрация избирателей, защита и гарантирование их права на тайное голосование без страха или запугивания».³³⁶

Как и в аналогичном случае с «Актом 2009 года о референдуме в Южном Судане», принципиальное значение приобрел вопрос об определении требований к регистрации избирателей. В нашем случае этот момент регулируется ст. 24 «Акта 2009 года о референдуме на территории Абъея»:

«Избиратель должен быть жителем района Абъея в соответствии со статьей 6. п. 1. Протокола по району Абъея, а именно:

- (а) быть членом сообщества Нгок Динка;
- (б) другие суданцы, живущие в районе Абъея в соответствии с критериями места жительства, которые могут быть определены Комиссией [по референдуму на территории Абъея – С.С.] согласно статье 14 п.1 настоящего Закона;
- (с) иметь возраст не менее 18 лет;
- (д) быть в здравом уме;
- (е) быть зарегистрированными в регистре референдума».³³⁷

Условия регистрации в регистре референдума полностью идентичны аналогичным условиям южносуданского референдума. Но сложности, возникшие в применении подпункта б к ситуации с кочевниками из арабского племени миссерия, которому по задумке Хартума отводилась роль «тroyнского коня» на этом референдуме, дабы обеспечить перевес по голосам над сторонниками присоединения к Южному Судану, сделали в итоге проблематичной реализацию не только этой статьи, но и всего «Акта 2009 года о референдуме на территории Абъея».

Кроме того, ст. 39 «Подсчет голосов и объявление результатов» Закона о референдуме в Абъея имеет одно существенное отличие от ст. 41 «Акта 2009 года о референдуме в Южном Судане»: в ней нет указаний на минимальный порог явки избирателей, хотя здесь так же, как и на Юге, для принятия решения по любому из двух предложенных вариантов требуется простое большинство голосов («50% +1»).³³⁸

Таким образом, в переходный период, начавшийся 9 июля 2005 года и продолжавшийся до 9 июля 2011 года, была заложена и подготовлена достаточная международно-правовая база для осуществления референдумов 2011 года о самоопределении Юга и территории Абъея.

§2. «Перетягивание канатов»: ход голосования

Главное событие южносуданской³³⁹, а правильнее будет сказать, и всей суданской истории последних 56 лет, началось рано утром 9 января 2011 года, когда сотни тысяч южан выстроились в огромные очереди на избирательные участки.

Последние открылись в 8 часов утра по местному времени и работали до 5 часов пополудни. О масштабах народного участия в референдуме говорит тот факт, что вице-президент Южного Судана Рек Мачар простоял в такой очереди три часа, прежде чем добрался до кабинки голосования на своем избирательном участке в родном штате Юнити.

Формально главными опасностями для успешного проведения голосования на Юге считались возможные вооруженные столкновения между армейскими подразделениями, подчиняющимися Джубе, и отрядами мятежного генерала Атора, а также провокации со стороны других сил, лояльных, по мнению окружения Киира, Хартуму.

Реальными же угрозами для проведения голосования могли стать лишь непредвиденные обстоятельства в виде масштабных стихийных бедствий или массовых вспышек смертельно опасных инфекций. Однако вероятность такого варианта была крайне мала, слишком много было поставлено на карту как Джубой, так и Хартумом, чтобы дать референдуму сорваться из-за капризов природы или патогенных вирусов.

Поэтому куда интересней будет выяснить, откуда на Юге, где еще относительно недавно подавляющее большинство населения казалось единым и монолитным в более чем полувековом противостоянии арабо-исламской экспансии Севера, появились достаточно мощные и влиятельные мятежные силы и почему мы посчитали их лишь формальной угрозой плебисциту?

Начать стоит с самого известного ныне южносуданского мятежника – Атора. Предыстория бунта Джорджа Атора Денга, заслуженного ветерана южносуданских войн, более чем прозаична: опытный и авторитетный военный, занимавший пост заместителя начальника генштаба СНОА по политико-идеологической работе, решил уйти на «гражданку» путем баллотирования на пост губернатора родного штата Джонг-

лей в ходе апрельских выборов 2010 года, но неожиданно для себя и своих сторонников был исключен из предвыборной гонки январским решением политбюро СНОД³⁴⁰, с чем, естественно, не согласился, а потому отказался подчиняться официальной Джубе.

Атору, как и другим его коллегам по «несчастью», было отказано в выдвижении по партийной линии и запрещено баллотироваться в качестве «независимого» кандидата по двум причинам, во-первых, его не выдвинула партия (в данном конкретном случае это сделал Паган Амум, не доверявший людям, которые не являлись его клиентами, а он соответственно, их патроном), а во-вторых, дабы не создавать сильную конкуренцию «официальным» кандидатам от правящей партии Юга и не раскачивать тем самым единый снодовский избирательный округ.

В результате руководство Южного Судана своими же руками и практически на ровном месте создало себе серьезную проблему в лице ряда опытных военачальников и преданных им сил, которые из-за явного ущемления их политических интересов встали на путь вооруженного неповиновения центральному правительству.

Дальнейший ход событий (зима-весна 2010 года) показал то, что и так было очевидно: Джуба оказалась не в силах военным путем нейтрализовать опытных повстанческих командиров и верных им людей, вследствие чего южносуданское руководство избрало политico-дипломатический способ разрешения конфликта, дабы не раскачивать лодку в преддверии выборов и уж тем более референдума.

В рамках этого курса 5 января 2011 года Атор и Джуба заключили «пакт о ненападении» (временное соглашение о прекращении огня) на время проведения референдума.³⁴¹ Как показали дальнейшие события, этот компромисс сыграл немалую роль в успешном и относительно спокойном проведении референдума на Юге, особенно в его самом крупном штате – Джонглэй.

К другим, не аторским силам, которые, как уже указывалось выше, на Юге принято сейчас считать «прохартумскими», обычно относят отряды бывших полковника СНОА Гатлуака Гайя и генерал-майора Габриэля Тангинуэ, а также гражданского служащего мелкой руки Давида Яауани.

Если, как и в случае с Атором, анализировать причины, побудившие этих людей начать вооруженную борьбу с Джубой,

то можно увидеть сходство ситуации Гатлуака Гайя с аторовской историей Джорджа Атора Денга: незаконное и необоснованное снятие политбюро СНОД их кандидатур с апрельских выборов 2010 года (разница лишь в деталях – до мятежа Гай командовал бригадой тюремной охраны и поддерживал на апрельских выборах кандидатуру теперь уже бывшего губернатора штата Юнити Анджелины Тени, супруги вице-президента Южного Судана Риека Мачара, которую, как и Атора, с выборов снял своим нашумевшим решением высший орган управления СНОД).

У Габриэля Тангинуэ (настоящее имя Гатвех Чан) вообще были давние счеты с Джубой: во II гражданскую войну Севера с Югом (1983–2005 гг.) Тангинуэ командовал проправительственными силами и сражался со СНОА, затем в 2005 году его подразделение было интегрировано в состав суданских вооруженных сил и было размещено в Хартуме.

В 2006 году бойцы Тангинуэ развернули боевые действия против частей СНОА прямо в городской черте столицы, вследствие чего «воинство» Тангинуэ было немедленно «изгнано» в Малакаль (Южный Судан), где также периодически воевало вплоть до настоящего времени со СНОА, пытавшейся поставить «пришлых» молодчиков под свой контроль.

Особняком здесь стоит разве что случай Давида Яауаиу, который, будучи мелким муниципальным служащим, но очень амбициозным человеком с традиционно для Южного Судана большой родней, неудачно баллотировался на пост депутата Законодательной Ассамблеи штата Джонглей, проиграв своему сопернику с большой разницей голосов. После проигрыша Яауаиу по примеру своих «старших братьев» (Атор, Гай) организовал своих родственников и сторонников, вернее сказать соплеменников, в небольшую армию и начал военные действия против СНОА.

Однако, несмотря на весь накал борьбы, президент Южного Судана Сальва Киир 6 октября 2010 года амнистировал своим указом Атора, Гайя и Тангинуэ как своих наиболее опасных противников и на поле боя, и на политической арене, а потому Давида Яауаиу, самого малоопасного из вышеописанной «мятежной четверки» декрет Киира не касался. Прощение «заблудшим» военным даровалось на условиях прекращения последними вооруженной борьбы против Джубы, безоговорочной сдачи оружия и возврата в ряды СНОА.³⁴²

На подобный шаг Киира подтолкнули во многом политический и имиджевый расчеты: во-первых, амнистируя мятежников, с большинством из которых он сам долгие годы бок о бок сражался с Хартумом, южносуданский лидер демонстрирует себя перед своим населением, а также и мировым сообществом как мудрого, не злопамятного правителя, сплачивающего свой народ накануне нелегких испытаний (референдум, тяготы первых лет независимости, усугубленные сложнейшими социально-экономическими и политическими проблемами, копившимися не одно десятилетие), во-вторых, указ об амнистии наглядно показывает, что на Юге все спокойно и регион более чем готов к референдуму.

В связи с этими моментами, раскрывающими перед нами истинную суть данного решения Киира, на второй план отходят вопросы и проблемы, связанные собственно с процессом примирения с Джубой вышеуказанных, а также и других, более мелких мятежников, с трудом уже отличимых, если и вовсе отличимых от рядового криминализита, так как условия амнистии для всех них неприемлемы: разоружаться в условиях неспокойной обстановки в Южном Судане есть верх безрассудства, ибо если даже вооруженные подразделения СНОА становятся зачастую легкой добычей со стороны бандитских группировок, то тут и говорить не о чём.

Но корень проблемы повстанческих движений на современном Юге лежит в иной плоскости: как поделить власть и связанные с нею ресурсы, никого при этом не обидев? Понятно, что совершенно невозможно разделить власть и никого при этом не обделить, но важно это сделать так, чтобы не нажить себе ненароком опасных и могущественных врагов.

Киир же нарушил это «золотое правило», своевременно не проконтролировав генсека СНОД Паган Амуна. Последний, как известно, так откорректировал содержание избирательных бюллетеней на Юге, что это вызвало целую волну возмущения. Теперь южносуданский президент, который, возможно, намеренно не вмешался в деятельность своего генсека, чтобы в будущем иметь на руках неплохие козыри для устранения Амуна, должен найти из этой взрывоопасной ситуации мирный политический выход, который бы устроил все стороны конфликта.

Наконец, последнее, что стоит отметить, анализируя потенциальные и реальные угрозы со стороны мятежных сил на Юге, так это ярое нежелание лидеров и участников этих

групп и движений хоть как-то задерживать стремительно набирающий скорость локомотив южносуданской независимости. Весь дальнейший ход референдума, невзирая на отдельные эксцессы³⁴³, подтвердил верность этого тезиса. Именно поэтому мы и указали выше, что ситуация с Атором, Гайем, Тангинуэ и Яауаи представляла собой лишь формальную угрозу для проведения референдума.

Куда более опасными, но также мало ожидаемыми руководству Южного Судана представлялись возможные действия со стороны Хартума, который, будучи вынужденным согласиться с проведением референдума, до последнего не терял надежду использовать его в целях сохранения единства страны.

При этом речь не шла о совсем уж банальных вещах (например, о подтасовке бюллетеней, подвозе на нужные участки «своих» избирателей, подделке протоколов и т.д.), на что аль-Башир и его окружение пойти никак не могли, так как это означало бы срыв референдума, срыв ВМС и начало новой гражданской войны.

Хартум, как это показал ход голосования, прибегнул к немного иному арсеналу средств воздействия на умы и сердца избирателей: осуществление контроля над СМИ посредством спецслужб, умелая агитация в пользу варианта единого Судана среди южан, проживающих в Хартуме и опасающихся лишиться связей со своей многочисленной родней на Юге³⁴⁴, а также демонстрация готовности признать любые итоги выборов³⁴⁵ и отказ от явного давления на избирателей.

С оговорками к числу вышеперечисленных приемов агитационно-информационной борьбы за голоса южносуданцев можно причислить и обнародование накануне референдума пакета жестких мер по обеспечению экономии бюджетных средств, которые ожидаемо сократятся в случае выхода Южного Судана, где находится подавляющее большинство нефтяных месторождений (тут нелишне будет напомнить тот хорошо известный специалистам факт, что 45% доходной части суданского бюджета формируется за счет поступлений от нефтяного сектора³⁴⁶), а потому страна должна быть готова к худшему, если, конечно, южане не поддержат на референдуме вариант единства.

Таким образом, характеризуя в целом ход референдума, стоит отметить его достаточно неплохую организацию, которая позволила добиться положительной оценки даже со стороны

весьма придирчивых в подобных случаях европейских наблюдателей (так, по словам главы миссии Евросоюза Вероники де Кейсер, референдум «мирный и вызывающий доверие»³⁴⁷).

Однако для нас здесь важна не столько констатация того факта, что голосование, несмотря на все страхи и угрозы, прошло в общем-то безпроблемно, а то, что оно стало не столько победой Джубы, в отличие от его результатов, о чем речь пойдет ниже, сколько крупным успехом Хартума, доказавшего, что он умеет держать свое слово, пусть даже его ценой будет раскол страны.

Иными словами, эпопея с референдумом стала еще одним ярким примером того, как команда аль-Башира умеет оборачивать свои явные поражения (Джуба несомненно «перетянула канат» на свою сторону: южане подавляющим числом голосов выбрали отделение) в эффективные победы (голосование прошло с минимальным числом «сучков» и «задоринок» и признано мировым сообществом легитимным, и это при том, что многие на Севере и Юге до последнего ждали подвоха со стороны Хартума, который не раз до этого обманывал ожидания миллионов суданцев).

§3. Итоги «битвы за единство» Судана

Как уже говорилось выше, девятого – пятнадцатого января 2011 года около четырех миллионов южносуданцев вписали новую страницу в историю своей страны, прия на избирательные участки в Судане и за рубежом. Это ключевое событие последних пятидесяти с небольшим лет является собой начало новой главы в истории региона, название которой – «Независимый Южный Судан».

Конечно, сейчас нам не дано знать, какой в итоге получится летопись южносуданского суверенного плавания. Но мы вполне можем оценить кратко- и среднесрочные перспективы развития отношений Юга и Севера Судана, равно как и их внутреннее социально-политическое и общественно-экономическое развитие в свете решений референдума.

Итак, начнем с базовых вещей. По окончательным данным, выведенным на сайте Южносуданской комиссии по проведению референдума (ЮКР), 1,17% южан отдали предпочтение единству страны, а 98,83% – отделению Юга от Се-

вера. Волеизъявление прошло на фоне необычайно высокой для Судана в целом, а уж Юга особенно, явки избирателей – 97,58% от числа всех, прошедших регистрацию³⁴⁸. Официальное обнародование результатов референдума, равно как и признание их Хартумом в форме издания аль-Баширом республиканского декрета, состоялось 8 февраля 2011 года в суданской столице³⁴⁹.

Теперь рассмотрим темы поинтереснее и посложнее. Во-первых, дадим ответ на вопрос «Что потерял Хартум в результате референдума?». Нынешний единый Судан, помимо своего уже сданного в архив единства, потерял статус самой большой по территории африканской страны, ведь Южный Судан сегодня раскинулся на 597 тыс. кв. км, включив в свой состав 10 суданских штатов (Западный Бахр аль-Газаль, Северный Бахр аль-Газаль, Юнити, Вараб, Озерный, Западная Экватория, Восточная Экватория, Центральная Экватория, Джонгли и Верхний Нил)³⁵⁰.

Вместе со статусом «самого большого африканского государства» Хартум потерял контроль над основной частью разведанных суданских месторождений нефти (приблизительно 85% от объема всей суданской нефти добывается на Юге³⁵¹), большинство запасов которой сконцентрировано в нефтебассейнах Муглад и Мелут (1,3 млрд. барр., по оценке 2007 года³⁵²).

Если же еще и жители Абъеяя, где должен быть до конца переходного периода (9 июля 2011 г.) проведен референдум по вопросу, оставаться ли этому району в составе Севера или стать частью Южного Судана, проголосуют за присоединение к Югу, то нефтеносные потери северян возрастут еще больше: на данной территории находится сразу три крупных нефтяных бассейна – Хеллиг, Бамбоо и Диффра (по данным на 2009 г., их вклад в годовую добычу нефти в Судане составил 5%³⁵³).

То, что тему несостоявшегося абъеяйского плебисцита сейчас усиленно «не замечают» как суданские, так и мировые СМИ, понятно. Действующие нефтяные месторождения Абъеяя сейчас очень нужны обеим сторонам – Югу и Северу, но если Джуба, например, не получит их под свой контроль, то кроме проигрыша лоббировавшей это решение политической группировки в верхних эшелонах власти Южного Судана ничего страшного на Юге не произойдет, совсем другое дело Север.

Здесь каждый нефтедоллар теперь на счету, правительство, стремясь преодолеть растущий дефицит госбюджета, даже решилось на то, что в свое время стоило президентства Джаяфари Нимейри: отменило государственные субсидии на нефтепродукты, что неизбежно влечет за собой рост цен на товары первой необходимости, включая цены на «главную» еду суданских бедняков – сахар³⁵⁴.

Решение «замолчать Абъея» вызвано тем, что через три года, возможно, будет запущен кенийский нефтепровод, который по заказу Джубы начинают строить китайцы, и Хартум окончательно потеряет статус монопольного поставщика услуг по нефтетранспортировке.

Пока же этого не произошло, лучше адаптировать страну к новым, не очень радостным реалиям: доходов от нефти станет гораздо меньше, чем было до септимесии Юга, а расходы, особенно в области безопасности и вооруженных сил, лишь вырастут.

Говоря об этих ожидаемых малорадостных реалиях, ожидающих Хартум в результате «рождения» Республики Южный Судан, нельзя не упомянуть о настойчивом желании Джубы радикально изменить нынешнюю (с 2005 года) схему разделения нефтяной выручки по формуле «50/50» на «30/70» или «20/80», где большая доля, соответственно, доставалась бы Югу³⁵⁵.

Поэтому вокруг Абъея – «тишина», и в этой тишине не спеша идут переговоры северян и южан о том, кому в итоге и как отойдет этот судьбоносный регион. Можно предположить, что будет реализован «компромиссный» вариант: месторождения отойдут Северу как плата со стороны Юга за спокойный и не очень обременительный «развод», а взрывоопасный «балласт» (сам регион и его население) станет «на законных основаниях» частью южносуданского государства.

Такой вариант развития событий не отрицает и бывший министр иностранных дел Судана, а ныне лидер оппозиционной южносуданской партии «СНОД-Демократические перемены», подтвердивший наше предположение о возможном разделении этого суданского штата: «Может быть, Абъея будет разделен на две части: одна достанется Югу, другая – Северу. Возможны и другие варианты»³⁵⁶.

Принципиальная важность Абъея для Хартума состоит не столько в том, что нефтедобыча в этом районе с лихвой покроет упущенную из-за отделения Юга выгоду от продажи угле-

водородов, сколько в том, что Хартум получит в свои руки три действующих крупных нефтяных месторождения, плюс доходы от транспортировки южносуданской нефти, в итоге у него будут достаточные средства для нефтеразведки потенциальных промышленных месторождений на Севере (территорию Судана, как известно, можно условно разделить на 23 перспективные зоны нефтедобычи, за исключением зон № 10 и 12В³⁵⁷).

В случае успеха нефтеразведки Хартум в обозримой перспективе (5–10 лет) сможет сторицей окупить отход Юга в «свободное плавание». В случае неудачи выручка от Абъеяя позволит какое-то время более или менее успешно «латать дыры» в северосуданском бюджете, не допуская волнений, подобных апрельской революции 1985 года, обрушившей казавшийся достаточно незыблемым режим Нимейри.

Есть в этом раскладе и прямая выгода Джубе. Последняя, «даря» Абъею или его нефтяные месторождения своему северному «брату», не просто обеспечивает себе относительно комфортный выход из «единой» суданской «семьи», но и получает гарантии ненападения со стороны Хартума. Дело в том, что правительству аль-Башира в этом случае не придется прибегать к «маленькой, победоносной войне», чтобы удержать народ в повиновении, так как для этого будет вполне достаточно доходов от абъейской нефти.

К этому стоит приplusовать доходы от транзита южносуданской нефти, который, конечно, будет продолжаться даже после ввода в эксплуатацию кенийского нефтепровода, так как это выгодно Хартуму, и он постарается добиться того, чтобы красноморская труба не простоявала без дела.

Также Хартум, допустивший разделение страны (борьба против него, как было показано в предыдущих главах, была стержнем политики всех центральных правительств без исключения в период с 1956 по 1999 год), безусловно, потеряет очки в глазах как ортодоксальных исламистов, так и традиционалистов.

Не исключено, но, правда, маловероятно, что северосуданская оппозиция обоих мастей (исламисты ат-Тураби и традиционалисты аль-Махди и Миргани) попытается использовать результаты референдума для разжигания на Севере массового недовольства «прогнившим» режимом аль-Башира, неспособным ни Юг удержать, ни народ прокормить, с целью его свержения.

Теперь ответим на второй, еще более интересный вопрос: «Что получит Хартум от итогов референдума?». Вместе со ста-

тусом «не самой большой африканской страны» Хартум получит избавление от многолетней головной боли под названием Юг, которая не одно десятилетие была подлинным «кладбищем суданских правительств». Результаты референдума позволяют Хартуму навсегда перевернуть эту страницу истории своей страны.

Далее, об этом мало кто пока задумывается, но аль-Башир является генералом, не выигравшим ни одного мало-мальски значимого сражения и фактически проигравшим вторую гражданскую войну в Судане (1983–2005 гг.), но зато он отличается редким для военных умением и талантом выигрывать политические сражения и войны.

Успешное проведение референдума о самоопределении Южного Судана и мирный безконфликтный процесс выхода Юга из состава Судана станет, как бы это ни казалось на первый взгляд парадоксальным утверждением, триумфом политики аль-Башира. Можно, конечно, рассуждать о том, и это будет правдой, что этим мы обязаны огромному внутри- и внешнеполитическому давлению, в первую очередь, со стороны южан, США и ООН, но одного давления мало, надо еще уметь так осуществлять неизбежное (в нашем случае референдум и отделение Юга), чтобы при этом извлекать максимум дивидендов.

Первым главным достижением аль-Башира и его команды является приобретение репутации людей, сдержавших слово (еще в 1999 году аль-Башир заявил: «Мы предлагаем им [южносуданцам – С.С.] либо остаться в рамках федерального Судана, либо отделиться на правах самостоятельного государства»).

Другими словами, нынешний суданский президент извлек уроки из опыта правления своих предшественников – Аббуды и Нимейри. Особенno это касается второго, который был в шаге от звания «Человек столетия в Судане», но борясь за сохранение своей власти, способствовал началу губительной для его блестящей диктаторской карьеры (в 39 лет уже глава государства) второй гражданской войны.

Вторым главным приобретением, полученным аль-Баширом от референдума, явилось фактическое признание мировым сообществом его незаменимости на данный момент. Действительно, лучше аль-Башира и его команды с этой непростой ситуацией, какой является подходящий к своему логическому завершению

переходный период (9 июля 2005 г. – 9 июля 2011 г.) и прошедший референдум, никто бы не справился.

Что же бывает, когда лидер недостаточно хорош для той или иной ситуации, легко увидеть на примере Южного Судана, чей многолетний и бессменный вождь, бывший практически непререкаемым авторитетом для огромного числа южносуданцев вне зависимости от их клановой, конфессиональной и прочей принадлежности, Джон Гаранг де Мабиор погиб в авиакатастрофе, а на его место пришел хороший военный, но слабый политик Сальва Киир.

Разумеется, коррупция, клановость, трайбализм и прочие проблемы, мучающие Юг сегодня, были и при Гаранге, однако тот силой своего авторитета и своей политической мудростью умел спланировать Юг, прощая тех, кто еще вчера переметнулся на сторону врага, потому что понимал – цели, которые южане поставили перед собой (мирная и счастливая жизнь, если возможно, то под одной крышей с Хартумом, по-другому это называлось проект «Новый Судан», или в рамках независимого государства), требуют консолидации всех сил южносуданского общества.

Незаменимость в нынешних условиях аль-Башира означает, что сколько бы ордеров ни выписали бы в отношении суданского лидера (сейчас их, напомним, два) судьи МУС, все они будут оставаться красивыми, но абсолютно бесполезными бумажками (пригодными разве что для коллекционирования международными правозащитными организациями), покуда действует принцип «Мавр делает свое дело, мавр нужен нам».

Следующим деликатным моментом, требующим нашего анализа, является оценка возможных шагов Джубы и Хартума после референдума. Мы уже выше говорили, что основополагающим документом здесь является ст. 67 «Акта 2009 года о референдуме в Южном Судане».

Напомним, что в соответствии с ней обе стороны – Джуба и Хартум – в случае выбора избирателями варианта отделения должны провести переговоры и заключить соглашение/соглашения по целой группе ключевых вопросов (гражданство, валюта, государственная служба и другие).

Представляется, что наиболее важными, хотя, оговориваясь, безусловно, все эти вопросы важны, темами для предстоящих консультаций Джубы и Хартума являются «нефтянка»

и договор о дружбе и границах, в рамках которого можно было бы решить вопросы гражданства. Эти переговоры, как показывает опыт Абъеяя, навряд ли будут простыми.

Но так как обе стороны уже привыкли к миру и хотят его как большого и счастливого продолжения, то им придется идти на взаимные уступки, чтобы не давать лишнего повода буйным головам по обе стороны юго-северной границы начать заниматься тем, к чему они привыкли за долгие десятилетия вооруженного противостояния, то есть опять яростно истреблять друг друга.

В этих непростых условиях крайне важно знать, какие есть на руках Джубы и Хартума козыри, которые они могли бы использовать на этих переговорах. Их не так много, зато они весьма действенны.

Начнем с Хартума: поддержка оппозиционных официальной Джубе сил, кочевые арабские племена, традиционно не признающие госграниц, что может служить почвой для локальных конфликтов, тарифы на прокачку «независимой» южносуданской нефти, огромная южносуданская диаспора на Севере (по словам аль-Башира, 20% должностей в системе гражданской службы на Севере занимают южане³⁵⁸) и дележ пока еще общих нефтедолларов.

Теперь посмотрим, что этому может противопоставить Джуба: поддержка дарфурских повстанцев, согласие/несогласие на нужное Хартуму решение вопроса по Абъею, нефтяные концессии. Как говорилось выше, не густо, зато эффективность этих мер, что называется, проверена временем.

Какие же в свете этого вырисовываются кратко- и среднесрочные перспективы развития отношений между Южным и Северным Суданом, а также внутренней социально-политической и общественно-экономической ситуации?

– Во-первых, вряд ли стоит ожидать новой полномасштабной войны между «братьскими» народами, так как она лишь отбросит их в развитии на много десятилетий назад, а главное – никто в ней не сможет победить, а соответственно, средства, вложенные в нее, не окупятся, и поражение, которое таким образом потерпят обе страны, может привести к очереднымperturbациям в их внутренней политике и приходу к власти новых гражданских или военных режимов.

Другое дело, мелкие пограничные конфликты, иногда с участием отдельных подразделений южносуданской и севе-

росуданской армий, они глобальной угрозы миру, безопасности и стабильности в регионе не несут, зато оправдывают существование раздутых штатов силовых структур в обоих государствах, равно как и их необъятные бюджеты.

– Во-вторых, налаживание нормальных добрососедских отношений, а по-другому никак нельзя, – альтернатива только перманентный конфликт с периодическими стадиями примирений (как это бывает и к чему приводит, хорошо видно на примере судано-чадских отношений³⁵⁹), соглашение между Джубой и Хартумом, безусловно, внесет положительную лепту в дело разрешения дарфурского конфликта, дальнейшее продолжение которого, а тем более периодические его обострения равно невыгодны ни Джубе, ни Хартуму.

– В-третьих, в случае провала упоминавшейся выше нефтегазоразведки на территории Севера и невозможности для Хартума иным путем компенсировать экономические убытки, вызванные провозглашением южносуданского суверенитета, северянам придется договариваться с южанами о об участии на взаимовыгодных условиях в нефтяных концессиях на территории Южного Судана.

Последнее означает достаточно умеренную и гибкую политику внутри Северного Судана, который вряд ли после 9 июля 2011 года покинут все южносуданцы, значительная часть которых проживает в районе Тройственного города (Хартум, Омдурман и Северный Хартум), что в свою очередь будет служить залогом прочного и устойчивого развития Севера.

– В-четвертых, необходимо еще раз констатировать тот факт, что во многом контуры политического, социального и экономического развития в регионе после 9 июля 2011 г. будут зависеть не только от развития ситуации в Северном Судане, но и в Южном, где уже сейчас разворачивается ожесточенная борьба за власть и раздаются требования о федерализации государственного устройства³⁶⁰.

Тут уместно напомнить, что именно с требований о построении в независимом Судане федеративного государства началась в 1955 году южносуданская эпопея борьбы за равенство в правах жителей Юга и Севера.

Эта борьба быстро переросла в полуторацентурное военно-политическое противостояние южан и северян, шедшее вначале под лозунгом предоставления Югу широкой регио-

нальной автономии, затем трансформации всего Судана в полноценную демократию, а завершившуюся в итоге реализованным в январе 2011 года правом на сепарацию Южного Судана.

Поэтому для Киира и его окружения принципиально важно как можно быстрее разрешить мирным путем многочисленные вооруженные конфликты, идущие сейчас на территории Южного Судана.

Главная опасность этих конфликтов состоит в том, что они поддерживают существование в умах людей стереотипов поведения и отношения к власти, заложенных и взращенных I и II гражданскими войнами в Судане.

В соответствии с этими стереотипами центральная власть всегда не права, даже если она пытается делать нужные вещи, а мятежник, выступающий против этой власти, априори прав, и главное, во всех бедах и неурядицах виноваты враги (то есть власть и ее союзники), против которых нужно вести беспощадную борьбу до победного конца.

Единственное, что изменилось в этой схеме за последние годы, так это номинальное имя врага: был Хартум, а теперь его «почетное» место заняла Джуба.

– Наконец, в-пятых, чтобы преодолеть эту сложную и драматичную ситуацию на Юге (да и, собственно говоря, на Севере тоже), необходима жесткая и последовательная борьба с разгулом коррупции и массовыми злоупотреблениями служебными полномочиями, ограничение клановости и трайбализма, активная воспитательная политика среди населения, особенно молодежи школьного и студенческого возраста, нацеленная на формирование основ гражданского правосознания, строительство и развитие социальной и промышленной инфраструктуры, создание безопасной среды путем увеличения эффективности в работе правоохранительной системы³⁶¹.

Разумеется, это далеко не полный перечень необходимых мер, однако для нас здесь важно другое: сейчас есть реальный шанс начать строительство мирной полноценной жизни как на Юге, так и на Севере, при этом, конечно, потребуется не одно десятилетие, чтобы эта жизнь стала реальностью, но точно так же нельзя было поверить в 1955 году, что всего лишь через 56 лет Южный Судан обретет независимость, правда, оплатит это приобретение громадной ценой.

Пожалуй, именно обретение этого шанса вырваться из «заколдованного» круга суданской истории, когда страну бросало из огня да в полымя всю вторую половину XX века, можно считать важнейшим итогом «битвы за единство» Судана, в которой, если этот шанс будет успешно реализован, победят рядовые суданцы, вне зависимости от места проживания, и вот уже тогда можно будет с уверенностью говорить о подлинном единении братских народов Южного и Северного Судана, чье процветание и благополучие основано на взаимном согласии и добрососедских отношениях.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СУДАН УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ СУДАН!

Отделение Южного Судана от Северного, ставшее легитимным международно признанным фактом по итогам январского референдума 2011 года, помимо прочих своих последствий поставило перед современными исследователями два, казалось бы, простых вопроса: а существовал ли, пусть кратковременно, в интересующую нас эпоху суданской независимости по-настоящему подлинно единый Судан и в чем была его суть?

Иначе говоря, когда, с какого момента независимый Судан перестал быть реально одним государством, и что в таком случае составляло содержание этого единства?

Для начала ответим на первый из этих вопросов. На него, как явствует анализ фактов, почерпнутых из источников, приведенных нами, сейчас существуют два диаметрально противоположных ответа. У каждого из них масса сторонников и убедительная аргументация.

Первый утверждает, что реальное единство существовало, пока его окончательно не подорвало своими террористическими методами южносуданское сепаратистское движение, взращенное западными державами и всегда занимавшее на политической арене чересчур крайне радикальные позиции, что максимально затрудняло для центральных властей продуктивный диалог с ним о судьбах страны.

Второй, напротив, гласит, что никакого живого, а не официально-фальшивого единения, в Судане никогда не было (это чуть ли не миф, нарочно созданный Хартумом), и повстанческое движение на Юге – всего лишь вынужденная реакция на нежелание центральных властей строить подлинное суданское общество и государство, не разделяемые никакими религиозно-расовыми предрассудками.

Какая из этих точек зрения истинная, а какая ложная? В свете последних событий (январский референдум о самоопределении Южного Судана, подготовка к провозглашению 9 июля

2011 года независимого южносуданского государства) может показаться, что Джон Гаранг и его сторонники были абсолютно правы, когда утверждали: «Эти правительства [то есть Хартум – С.С.] не смогли создать суданскую идентичность, судансскую общность, суданское содружество...»³⁶².

Однако на самом деле это далеко не так, истина, как водится, находится где-то посередине, рождаясь на стыке вышеуказанных точек зрения. Именно поэтому ответ на этот не такой уж простой, как казалось вначале, вопрос, лежит в анализе реальной картины событий, имевших ключевое значение для истории единства Судана.

Первым переломным этапом современной суданской истории являются события лета 1955 – осени 1958 года: серия кровавых беспорядков, прокатившихся в июне-августе 1955 года по городам Юга, финальным аккордом которых стал торитский мятеж, провозглашение 1 января 1956 года суданской независимости, требования южан о федерализации страны и неприятие ее Хартумом, наконец, переход к активному силовому подавлению южносуданских сепаратистов.

Для северян, как хорошо известно, эти события стали отсчетом начала нелегкой борьбы за подлинное объединение страны под властью Хартума, в частности, путем преодоления негативных последствий британской колониальной политики (режима «закрытых районов», их намеренной христианизации и др.).

В то же время для южан первые годы суданской независимости, наоборот, стали наглядным свидетельством решительного отказа арабо-мусульманского Севера строить равноправное с африкано-христиано-анимистским Югом единство в рамках федеративного государственного устройства.

В действительности, как мы пытались это показать в нашей работе, перед нами – первая неудачная попытка создать в рамках формально единого Судана подлинное единое национальное государство и общество путем целого комплекса мер. Среди них своими неоднозначными последствиями для последующих исторических этапов в первую очередь выделяются «суданизация» и исламизация всей страны.

«Суданизацию» обычно принято рассматривать под южносуданским углом зрения, что лишний раз доказывает немалую эффективность пропагандистской машины СНОД/СНОА и лично ее легендарного лидера Джона Гаранга, считавшего, что

арабское меньшинство заняло подавляющее большинство должностей в суданском госаппарате и начало через это навязывать свою волю южанам, которых было большинство населения³⁶³.

Этому тезису нечем возразить, так оно в конечном итоге и вышло, но чтобы понять истинные помыслы авторов и исполнителей указанной управленческой реформы, нужно изменить угол зрения, обращаясь не к историческим последствиям реформы, а к тому, что именно тогда в 1956–1958 годах хотели добиться.

В этом случае мы все увидим в ином свете: «суданизация» означала замещение суданцами (арабами и африканцами) должностей, занимаемых уходящими британцами. Никаких коварных планов Хартума по использованию данного вынужденного в условиях формирования национальной государственности процесса и в помине не было.

То, что затем южносуданская пропаганда примет за признаки заговора, было на самом деле обычным для стран третьего мира явлением: недостаточная квалификация, а то и элементарное отсутствие грамотности и опыта работы не позволили африканцам занять положенную им долю мест в госаппарате независимого Судана.

Исламиацию, как собственно Юга, так и других частей страны, обычно противопоставляют «суданизации», где религиозный фактор не играл особой роли. При этом особо подчеркивается, что массовое недовольство южан результатами национальной реформы кадрового состава госслужбы привело к началу усиленного насилиственного обращения южносуданцев в лоно ислама как якобы эффективного способа их усмирения.

Однако это мнение не подтверждается данными источников, наоборот из них следует, что во-первых, указанные процессы («суданизация» и исламизация) шли параллельно друг другу, а во-вторых, интенсивность исламизации была во многом обусловлена огромной активностью в 1898–1956 гг. христианских миссионеров на Юге и в сопредельных с ним районах, создававших там идеологические, лингвистические и культурные предпосылки к сепаратизму.

Период 1956–1958 годов стал тем поворотным пунктом, который предопределил весь дальнейший ход суданской истории во второй половине XX – начале XXI века. Неспособность центральных властей страны, как в силу экономических причин (монокультурность национальной экономики, хлопковый бойкот

британцев и активная экспансия США на хлопковом рынке в 1957–1958 гг. и как совокупное следствие всех этих причин – социально-экономический кризис 1958 года), так и политических (провал парламентской модели развития страны, нарастающее недовольство южан ходом «суданизации», некомпетентность суданских политиков, их грызня за власть и многое другое, в итоге приведшее к перевороту Ибрагима Аббуды), разрешить проблему Юга и других периферийных для Хартума регионов (Дарфур, Восточный Судан и др.), а если брать шире, то всю проблему становления подлинной арабо-суданской цивилизации путем развития этих периферийных регионов.

То есть, иными словами говоря, власти Судана должны были создавать условия для ликвидации в Южном, Западном и Восточном регионах страны безграмотности и преодоления большинством соискателей хорошо оплачиваемых рабочих мест минимального квалификационного порога, без чего невозможно претендовать на эти места, вне зависимости от того, в каком секторе экономики они находятся – в частном или государственном.

Говоря о ситуации в 1956–1958 годах, надо подчеркнуть тот принципиально важный момент, что в это время суданское общество еще было единым и южане выдвигали свои требования о федерализации страны именно как часть этого общества и государства, не желавшая раскалывать единый Судан, видя в этом стремлении всего лишь отголоски мрачного колониального прошлого страны.

Тогда еще многим на Юге и Севере казалось, что отношения между этими частями страны, одинаково настрадавшимися от тягот британского колониализма, в скором будущем изменятся и станут более равноправными и гармоничными, что послужит прогрессу Судана во всех областях его жизни.

Следующий этап охватывает события 1958–1972 гг. Начинается он с установления диктаторского режима Ибрагима Аббуды (1958–1964 гг.). Первая суданская военная диктатура изберет курс на полную и бесповоротную исламизацию Судана в качестве эффективного способа стабилизации и консолидации страны.

На деле, как уже ранее говорилось, исламизация Юга и других регионов Судана была попыткой подавить всякую самостоятельность жителей этих регионов, превратив их в людей, полностью послушных воле Хартума.

В результате этого на повестку дня встанут проблемы Юга, Дарфура, Восточного Судана, других регионов страны. Причем первая из них станет подлинным «кладбищем суданских правительств», свергаемых либо за уступки южанам, либо за неспособность окончательно подавить их.

Однако со второй половины 1960-х гг. ситуация начинает решительно меняться, и уже к началу 1970-х годов всем – и Хартуму, и его соседям по Африке станет ясно, что «так больше жить нельзя», а потому нужен выход из этой нелегкой дилеммы «исламизировать нельзя распасться».

Решение этой дилеммы было реализовано в форме Аддис-Абебских мирных соглашений 1972 года, которые предоставили Югу гарантированное широкое самоуправление и поддержку Хартума в области социально-экономического, политического и культурно-идеологического развития.

AAC, таким образом, завершили начатый аббудовскими репрессиями второй важнейший период суданской истории эпохи независимости, когда страна оказалась разделенной на два противоборствующих лагеря, но при этом еще сохранялась обюндная надежда южан и северян на примирение и восстановление утраченного единства Судана.

Следующий этап борьбы за единство страны, который также можно с полным основанием назвать второй попыткой национального примирения, совершивший поворот на 180° в сознании большинства жителей страны, пришелся на 1972–1983 годы.

Суть этого поворота состояла не просто в очередном разочаровании политикой Хартума, не сумевшего использовать потенциал AAC для успешного развития страны и общества, а в окончательном понимании того, что дело не только в Хартуме и в пережитках колониального прошлого, а еще и в невозможности объединения страны на базе арабо-мусульманской платформы с отдельными исключениями, например в виде южносуданской автономии.

Иными словами, трагедия аддис-абебского проекта единого Судана состоит не только в том, что определенные, разобранные на страницах этой книги, конкретные политические, экономические, идеологические причины «торпедировали» AAC, сколько в другом – формат AAC не предполагал изменения всего политico-правового и культурно-идеологического ландшафта Судана в сторону построения государства и общества в духе конфессиональной, политической и любой иной толерантности, при условии отделения религии от государства, возрождения

настоящей демократии и воспитания уважения и священного трепета к этим ценностям у подрастающего поколения.

Обобщая, можно сказать, что главным итогом второй попытки национального объединения Судана, начавшейся в Аддис-Абебе и закончившейся в южносуданском городе Бор, стало не-преодолимое разделение страны на арабо-мусульманский Север и африкано-христиано-анимистский Юг.

Единый Судан окончательно ушел в прошлое с первыми выстрелами в Боре, где восстал 105-й пехотный батальон суданской армии, но его призрак еще долго будет витать над полями сражений II гражданской войны Юга и Севера (1983–2005 гг.).

В 1990-х годах этот призрак явил миру свои новые обличья – проекты «Новый Судан» и «Исламская Республика Судан». Автор первого, основоположник и лидер СНОД/СНОА Джон Гаранг де Мабиор, мечтал о стране, где не будет притеснений африканцев арабами и наоборот, где ислам и христианство будут в равной степени удалены от государства, где, наконец, заработает то единственное, что лучше оружия защищает права и свободы человека, а именно суданская демократия.

Причем под словом «суданская» подразумевалась отнюдь не та система, к которой привыкли суданцы за десятилетия независимого существования, в которой от имени народа этот же самый народ притесняли гражданские и военные режимы, оправдывая это тем, что в противном случае будет еще хуже. Это было просто название страны, где действует нормальная демократия.

Идеолог ИРС, лидер НИФ Хасан ат-Тураби тоже был за демократию, только на базе ислама, считая, что в условиях Судана лишь режим исламской демократии может гарантировать комфортное и благополучное существование южан и северян, все беды которых идут от произвола властей, не соблюдающих волю Аллаха.

Заключение в январе 2005 года Всеобъемлющего мирного соглашения и вступление в силу в июле того же года Временной конституции Судана, содержащих базовые положения проекта «Новый Судан», в глазах большинства суданцев выглядели как долгожданный конец арабо-мусульманской гегемонии Хартума, с коей долгое время ассоциировалась суданская цивилизация и государственность.

Начало эпохи ВМС стало кульминацией третьей попытки национального примирения и единения Судана (1983–2011 гг.), самой длительной из всех предпринимавшихся в истории страны.

Казалось, что еще чуть-чуть, и «Новый Судан» станет здравой реальностью, о которой мечтало не одно поколение суданцев. Но новым Судан так и не стал: воскресить умершее в 1983 году единство ВМС не смогло, фактически став блестящим надгробием этого самого единства.

Таким образом, отвечая на вопрос о том, существовало или нет подлинное суданское единство в период с 1956 по 2011 год, стоит все-таки дать утвердительный ответ.

Другое дело, что реальная история этого единства была коротка и трагична. Она началась с надежд на полноправное участие в политической, социально-экономической жизни страны, обретшей независимость в январе 1956 года. Но иллюзии насчет возможной мирной перестройки Судана из унитарного государства в федеративное будут жестоко развенчаны аббудовскими репрессиями 1958–1964 гг.

Попытка в 1969–1972 годах на волне «майских» преобразований («майская революция» 1969 года, то есть приход Джаафара Нимейри и других симпатизировавших левым силам офицеров к власти) «перезапустить» проект «Единый Судан» также закончилась в 1983 году оглушительным провалом, который окончательно станет пугающей явью под грохот сражений II гражданской войны Юга и Севера.

Какова же в этом случае была суть, содержание этого единства? Нам представляется, что в его основе лежало стремление южносуданцев и северосуданцев реализовать после 1956 года тот положительный потенциал торговых, культурных, политических, родственных и иных отношений между Югом и Севером, который был накоплен к моменту обретения Суданом своей независимости.

Его успешная реализация позволила бы стране гораздо легче преодолеть тяжелые испытания первых лет независимости и обеспечить в будущем стабильный экономический рост и социальное благополучие.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Хотя и северяне, и южане боролись за единый Судан, но их взгляды на природу подлинного, с их точки зрения, суданского общества и государства были полной противоположностью друг друга: одним нужна была унитарная исламская республика, в лучшем случае исламская федерация, а другим – светская демократическая федерация.

Понятно, что при таких подходах к национальному общественному и государственному строительству у «строителей»

в итоге в ходе ремонта и перестройки общего «дома» получилось два разных.

Но правомерно ли в этом случае утверждать, что единый Судан за который одинаково яростно боролись и Гаранг, и аль-Башир, а также миллионы их сторонников, навсегда перестал быть реальностью?

И да, и нет. Да, потому что 9 июля 2011 года окончательно возникнет Республика Южный Судан, и с этого момента будут официально существовать два независимых суданских государства. Нет, потому что между ними неизбежно будут достаточно тесные связи как на общественно-политическом, социально-экономическом, так и бытовом уровнях.

Фактически в настоящий момент мы наблюдаем рождение нового суданского единства, залогом прочности которого выступает как существование двух суверенных суданских республик, так и наличие огромного поля проблем и вопросов, оставшихся им в наследство от прежнего Судана (важнейшие из них – распределение доходов от нефти и ее транспортировка, а также Дарфур), от решения которых зависит геополитическая судьба всего региона. Поэтому мы можем с полным на то основанием сказать: «Судан умер, да здравствует Судан!».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Происхождение самого названия страны – Судан (от арабского «беляди ас-судан» – «земля черных»), по всей видимости, следует отнести к концу VII – началу VIII века н.э., когда арабские отряды стали совершать постоянные набеги на эту территорию, особенно на пограничные с Египтом районы.

² <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/74736/ДАРФУР>; Кудров Е.А. Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции / Институт Ближнего Востока. – М., 2004

<http://slovvari.yandex.ru/дарфур/Монархи>. Мусульманский Восток XV–XX/Кайра/.

³ Кобицанов Ю.М. Исторический очерк. С древнейших времен до эпохи империализма // Демократическая Республика Судан. Справочник. – М.: Наука, 1973. С. 82.

⁴ Судан в XIX – начале XX в. // История Востока в 6 тт. Т. 4, кн. 2. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). – М.: Восточная литература РАН, 2005. С. 36.

⁵ Кобицанов Ю.М. Исторический очерк. С древнейших времен до эпохи империализма. С. 101.

⁶ Важно отметить, что данное утверждение верно лишь применительно к Центральному и Северному Судану.

⁷ Название государства – Махдийя происходит от Мухаммеда Ахмеда ибн Абдаллы, основателя государства, провозгласившего себя «аль-махди аль-мунтазар» («ожидааемым махи迪, ниспосленным Богом для спасения правоверных и подготовки ко второму пришествию пророка Исы (Иисуса)». См.: Судан в XIX – начале XX в. С. 39, 41.)

⁸ Подробнее см.: История Судана в новое и новейшее время. М.: Наука, 1992.

⁹ Судан в XIX – начале XX в. С. 40.

¹⁰ Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. С. 57–58.

¹¹ История партийной организации братства «Аль-Хатмийя» ярко демонстрирует нам сложный, драматичный и в то же время очень

динамичный характер суданской политической жизни начала 40-х – конца 60-х годов прошлого века. Предшественницей НЮП и ЮДП стала партия «Аль-Ашикка», возникшая в 1943 году, – первая суданская партия. В 1952 г. на ее основе возникла Национально-юнионистская партия (НЮП). Спустя всего четыре года от нее отколется группировка во главе с Али Абд ар-Рахманом, она станет называться Народно-демократической партией (НДП). Наконец, в 1967 г. путем объединения НЮП и НДП возникнет Юнионистско-демократическая партия (*Судан: справочник*. М., 2000. С. 241, 243).

¹² *Новая история стран Азии и Африки XVI – XIX века в 3-х частях* / Под ред. д.и.н., проф. А.М. Родригеса. Ч. 3. – М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2004. С. 166.

¹³ Поляков К.И. История Судана. ХХ век. – М.: ИВ РАН, 2005. С. 26.

¹⁴ Судан: зигзаги социальной деколонизации // История Востока в 6 тт. Т. 5. Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). – М.: Издательство «Восточная литература» РАН, 2006. С. 197.

¹⁵ Вопрос о численности мусульманского населения Южного Судана является одним из наглядных примеров приемов взаимной пропагандистской борьбы Юга и Севера, сопровождавшей их военно-политическое противостояние в 1955–2005 годах.

Дело в том, что северяне всегда настаивали на том, что Юг всегда поддерживал добрососедские отношения с Севером, стремился приобщиться к его культуре и цивилизации, в частности посредством обращения в исламскую веру. Отсюда растут ноги у цифры в 1 миллион южносуданских мусульман, которую в своей работе приводит К.И. Поляков (*Поляков К.И. История Судана*. С. 49), ссылаясь на арабосуданца Мустафу Яхьи Мухаммеда.

Однако англоязычные исследователи придерживаются совершенно иных цифр: по данным Джорджа Вильяма Шепарда Младшего, в 1955 году в трех южных провинциях (Верхний Нил, Экватория и Бахр аль-Газаль) насчитывалось 12–23 тысячи мусульман-южан и 16,5–17,5 тысяч мусульман-северян, проживавших на Юге. К этому можно добавить, что от 25 до 30 тысяч южан исповедовали протестантизм, 180–200 тысяч были католиками.

Но все это меркнет на фоне другой цифры – около 4 миллионов южан по-прежнему «практиковали свои традиционные верования и жизненные установки» (*George W. Shepherd Jr. National Integration and the Southern Sudan // The Journal of Modern African Studies*, Vol. 4, № 2. Oct., 1966. С. 196).

¹⁶ Поляков К.И. История Судана. С. 48–49, 56.

¹⁷ Законы «О судах властью вождей кочевых племен» 1922 года, «О сельских судах» 1925 года, «О полномочиях вождей племен» 1927 и 1928 годов, «О судопроизводстве в султанатах» 1931 года, «О местных судах» 1932 года (Поляков К.И. Указ. соч. С. 55–56, 80–81).

¹⁸ Дело в том, что 12 февраля 1953 года заключено англо-египетское соглашение, по нему суданцам было предоставлено право выразить мнение о будущем статусе своей страны в свободной и нейтральной обстановке. С этой целью в стране устанавливался переходный период, не превышающий трех лет. Верховная власть в течение переходного периода оставалась в руках генерал-губернатора. Сам статус страны: объединение Судана с Египтом, вхождение Судана в Британское содружество или полный суверенитет – должно было решить Учредительное собрание.

Началом самого переходного периода принято считать 21 марта 1953 года, когда генерал-губернатор Судана Роберт Хау подписал суданскую конституцию, тем самым санкционировав введение в Судане режима самоуправления (*Судан: справочник*. М., 2000. С. 67).

¹⁹ Судан уже в 1916 году с окончательным покорением Дарфура приобрел нынешние свои размеры и границы, став самым крупным государством на африканском континенте.

²⁰ В этой связи интересно высказывание известного суданского журналиста 20-х гг. XX в. Хусейна Шерифа в контексте темы «Почему англичан мы [суданцы – автор] предпочитаем египтянам?», сделанное им в 1920 году: «В настоящее время наша квалификация далека от способности самим управлять страной без посторонней помощи и рекомендаций» (Цит. по.: Поляков К.И. История Судана. С. 61).

²¹ Гусаров В.И. Социально-экономическое развитие Судана: актуальные проблемы. – М.: Наука, 1983. С. 133.

²² Кудров Е.А. Экономика Судана: на пути к устойчивому росту? Итоги 2006 г. // Ближний Восток и современность. Вып. 33. – М., 2007. С. 256.

²³ Пензин Д. Судан. – М.: Мысль, 1965. С. 49, 57, 95.

²⁴ Поляков К.И. Указ. соч. С. 239.

²⁵ Гусаров В.И. Указ. соч. С.136.

²⁶ Там же. С. 17.

²⁷ История Судана в новое и новейшее время. С. 172.

²⁸ Тихомиров Н.К. Авторитаризм, демократические процессы и урегулирование внутрисуданских конфликтов // Ближний Восток и современность. Вып. 27. – М., 2006. С. 309.

²⁹ Судан: справочник. С. 104.

³⁰ Цит. по: История Судана в новое и новейшее время. С. 187.

³¹ Государственный переворот, устроенный бригадным генералом Омаром Хасаном Ахмедом аль-Баширом (после переворота присвоил себе звание генерал-лейтенанта), командующим 8-й парашютной бригадой армии Судана, при негласной поддержке Национального исламского фронта (НИФ), возглавлявшегося Хасаном ат-Тураби.

³² По мнению Эмерика Роджера, у «революции национального спасения» были «две взаимосвязанные цели: 1) предотвратить подписание намечавшегося мирного соглашения со СНОД/СНОА [имеются в виду договоренности между СНОД/СНОА и ЮДП, достигнутые в 1988 г. – автор], что было бы тогда воспринято как измена арабским основам; 2) расширение арабо-исламского влияния в Судане» (*Emeric Rogier. Designing an Integrated Strategy For Peace, Security and Development In Post-Agreement Sudan // Netherlands Institute of International Relations Clingendael. Conflict Research Unit The Hague, 2005.* С. 3).

³³ Тихомиров Н.К. Региональные конфликты. Проблема Юга Судана / РАН. Институт Африки. – М., 2006. С. 136.

³⁴ По другим данным, Судан получил федеративное устройство в 1992 г. (См.: *Country Presentation / 3 rd UN Conference on the Least Development Countries, Brussels, 14–20 May 2001.* – Geneva: UN, 2001. Sudan.).

³⁵ Диаа Эльдин Хамза Хамед. Конституционное развитие Республики Судан (исторический и правовой аспект): Дисс... канд. юрид. наук. – М., 2003. С. 116.

³⁶ Хасан ат-Тураби. Ислам и время // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 33.

³⁷ Цит. по: Абдуллах Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право). – М., 1999. С. 52–53.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

-
- ⁴² *Constitution of the Republic of Sudan 1998.* – Khartoum, 1998.
C. 1, 5–6.
- ⁴³ Ibid. C. 1–2.
- ⁴⁴ Ibid. C. 1–3.
- ⁴⁵ Ibid. C. 3, 9.
- ⁴⁶ *The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan 2005.* – Khartoum, 2005. C. 3.
- ⁴⁷ Ibid. C. 10–11.
- ⁴⁸ Ibid. C. 24–25.
- ⁴⁹ Ibid. C. 30, 45.
- ⁵⁰ Ibid. C. 3–4, 16.
- ⁵¹ Ibid. C. 24–25, 30, 45, 94.
- ⁵² <http://www.albashir.sd>
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ *SPLM Yasir Arman after peace studying at Iowa State //* Iowa State Daily, 26.06.2007.
- ⁵⁵ *SPLM's Arman inaugurates elections campaign //* Sudan Tribune, 15.02.2010.
- ⁵⁶ *Arman vows to end war in Darfur //* Sudan Tribune, 15.03.2010.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Взято с: http://www.splmtoday.com/index.php?option=com_content&view=article&id=422&Itemid=58
- ⁵⁹ *SPLM's Arman quits Sudan's presidential race //* Sudan Tribune, 31.03.2010.
- ⁶⁰ Шишкин Д.К. Ход избирательной кампании в Судане.
http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- ⁶¹ Шишкин Д.К. Предвыборная обстановка в Южном Судане.
http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
- ⁶² Jacob K. Lupai. Yasir Arman: the only person to bridge North-South Sudan Divide // Sudan Tribune, 09.03.2010.
- ⁶³ *Withdrawn SPLM candidate violated Elections Act, says NEC //* Sudan Tribune, 06.04.2010.
- ⁶⁴ Цит. по: http://www.umma.org/umma/ar/page.php?page_id=613.
- ⁶⁵ Серёгичев С.Ю. Анализ программ кандидатов в президенты Судана
http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ⁶⁶ *DUP leader renews call for genuine democratic transition //* Sudan Tribune, 04.03.2010.
- ⁶⁷ Серёгичев С.Ю. Анализ программ кандидатов в президенты Судана.

-
- ⁶⁸ *Text: Sudan opposition outlines position on elections // Sudan Tribune, 02.04.2010.*
- ⁶⁹ *Text: Sudan opposition parties demand postponement of elections // Sudan Tribune, 21.03.2010.*
- ⁷⁰ *Sudan presidency meeting cancelled, tension mounts as Bashir threatens SPLM on referendum // Sudan Tribune, 30.03.2010.*
- ⁷¹ *Opposition coalition and SPLM to decide on election boycott next week // Sudan Tribune, 28.03.2010.*
- ⁷² *Sudan's Umma party may exclude some states from boycott // Sudan Tribune, 09.04.2010.*
- ⁷³ *Sudan's DUP reverses course on boycotting presidential elections // Sudan Tribune, 04.04.2010.*
- ⁷⁴ *Factbox: List of irregularities reported by opposition in Sudan's first day of elections // Sudan Tribune, 12.04.2010.*
- ⁷⁵ *Bashir, Kiir officially win Sudan's presidential elections // Sudan Tribune, 26.04.2010; Factbox: Sudan presidential election results // Sudan Tribune, 27.04.2010.*
- ⁷⁶ *Доклад Генерального секретаря по Судану // Совет Безопасности. Организация Объединенных наций. S/2010/388. 19 июля 2010. С. 2.*
- ⁷⁷ *Justin Willis. What did Sudan vote for? // ARI 128/2010. Date: 31/08/2010. С. 5.*
- ⁷⁸ *Доклад Генерального секретаря по Судану. С. 1.*
- ⁷⁹ См., например: Пензин Д. Указ. соч. С. 10; *Новейшая история стран Азии и Африки. XX век: Учебник для вузов в трех частях / Под ред. д.и.н. А.М. Родригеса. Ч. 3. 1945–2000. – М., 2001. С. 177.*
- ⁸⁰ Цит. по: <http://www.splmtoday.com/>
- ⁸¹ *Hercules Jacobus Boshoff. Sudan's old and new conflicts: a comparative study// assignment presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Philosophy (Political Management) at the University of Stellenbosch. December 2005. С. 13.*
- ⁸² Цит. по: *Raymond L. Brown. American Foreign Policy Toward Sudan. From Isolation To Engagement: Why the Bush Administration Turned Around U.S. Sudan Policy January 2001 – December 2002. National War College. National Defense University. Committee Five. April 2003. С. 9.*
- ⁸³ *George W. Shepherd Jr. National Integration and the Southern Sudan. С. 197–198.*
- ⁸⁴ *Поляков К.И. История Судана XX век. С. 149.*
- ⁸⁵ Там же. С. 152.

⁸⁶ Eva L. R. Meyerowitz. The Southern Sudan Today // African Affairs. Vol. 62, № 248. Jul., 1963. C. 277.

⁸⁷ Судан: справочник. С. 250; по другим сведениям, «Ань-Нья» возникла в 1963 году из числа участников торитского мятежа 1955 года (См.: Судан // История Востока в 6 тт. Т.6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2005. С. 140).

⁸⁸ Обвинения в поддержке оппозиционных властям южносуданских групп и движений, предъявленные Хартумом христианским миссионерам, были вовсе не надуманным поводом для прекращения их деятельности на Юге: по данным Джона Ховелла, первое поколение лидеров южан-сепаратистов вышло как раз из стен миссионерских школ (John Howell. Politics in the Southern Sudan // African Affairs. Vol. 72, № 287. Apr., 1973. C. 168).

⁸⁹ Поляков К.И. История Судана. XX век. С. 193.

⁹⁰ Eva L. R. Meyerowitz. Op.cit. С. 274. По другим данным, в 1965 году на Юге насчитывалось 7 средних общеобразовательных и 26 начальных школ, в то время как на Севере было 88 средних общеобразовательных и 175 начальных школ (George W. Shepherd Jr. National Integration and the Southern Sudan. С. 199).

⁹¹ Судан: справочник. С. 139.

⁹² Тихомиров Н.К. Авторитаризм... С. 314.

⁹³ Поляков К.И. История Судана. XX век. С. 418; Судан: справочник. С. 249.

⁹⁴ Поляков К.И. История Судана. XX век. С. 434.

⁹⁵ Там же. С. 224.

⁹⁶ По некоторым данным, расходы на II гражданскую войну Севера с Югом достигали 1 млн. долларов в день и это в условиях постоянно растущей внешней задолженности Судана перед государствами-кредиторами: если в 1986 году внешний долг Судана составлял 11 млрд. долларов США, то к 1989 году он вырос до 13 млрд. долларов (Левин О.В. Период независимости. Политическое развитие // История Судана в новое и новейшее время. – М., 1992. С. 187; Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. – М., 2000. С. 78.).

⁹⁷ Аль-Ахали. Аль-Кахира (Каир), 14.01.1987.

⁹⁸ Поляков К.И. История Судана. XX век. С. 218.

⁹⁹ The Search For Peace In The Sudan: A Chronology of the Sudanese Peace Process 1989–2001. The European-Sudanese Public Affairs Council. – London, 2002. С. 302.

-
- ¹⁰⁰ Op. cit. C. 303.
- ¹⁰¹ Op. cit. C. 303–304.
- ¹⁰² <http://www.splmtoday.com/>
- ¹⁰³ *Mayen, Gordon Muortat. The Addis Ababa Agreement on South Sudan is Being Scrapped.* 18 January 1982. Downloaded Wednesday 28 January 2009 12:58 GMT. <http://www.sudanarchive.net>. C. 3.
- ¹⁰⁴ Ibid.
- ¹⁰⁵ Ibid.
- ¹⁰⁶ *Patrick T. Colloton, Benjamin R. Maitre, Tommy E. Stoner. An adaptive security construct: insurgency in Sudan // Naval postgraduate school.* December 2007. Monterey, California. C. 8.
- ¹⁰⁷ Поляков К.И. История Судана. XX век. С. 275; Судан: справочник. С. 151.
- ¹⁰⁸ Lam Akol. SPLM/SPLA Inside an African Revolution. Khartoum University Printing Press. – Khartoum, 2009. C. 9.
- ¹⁰⁹ Ткаченко А.А. Перспективы урегулирования внутрисуданских конфликтов // Ближний Восток и современность. Вып. 30. – М., 2007. С. 261.
- ¹¹⁰ Национальный фронт (НФ) – организация зонтичного типа, возникшая в 1973 году на основе объединения заграничных структур «Аль-Уммы», Юнионистско-демократической партии, Ассоциации «Братья-мусульмане» и целого ряда других политических партий и организаций. Руководили организацией Садык аль-Махди, Хусейн аль-Хинди и Хасан ат-Тураби. НФ имел свои представительства в Джидде, Лондоне, Мекке, Каире, Триполи, Бейруте, Аддис-Абебе и Риме.
- Фронт пользовался поддержкой Королевства Саудовская Аравия, располагал значительными финансовыми средствами и отрядами боевиков, которых тренировали и обучали на территории Ливии и Эфиопии. НФ неоднократно предпринимал попытки свергнуть вооруженным путем режим Нимейри. Наиболее крупные путчи были им совершены в январе 1973 г., в ноябре 1974 г., в мае и сентябре 1975 г., в июле 1976 г. НФ прекратил свое существование в 1984 году, так как его участники вошли в состав Союза национальных сил спасения Судана (Поляков К.И. История Судана. XX век. С. 277; Судан: справочник. С. 244–245; Новейшая история стран Азии и Африки. XX век // Учебник для вузов в трех частях / Под ред. д.и.н. А.М. Родригеса. Ч. 3. 1945–2000. – М., 2001. С. 182; Серёгичев С.Ю. Судан: исламо-традиционализм и армия. – М., 2006. С. 183–184).

¹¹¹ Серёгичев С.Ю. Армия и Национальный исламский фронт Судана: эволюция взаимоотношений // Ближний Восток и современность. Вып. 25. – М., 2005. С. 68; Поляков К.И. История Судана. ХХ век. С. 286; Жиль Кепель. Джихад: экспансия и закат исламизма. – М., 2004. С. 183.

¹¹² *Ten Lessons Learned from the Addis Ababa Agreement-The Comprehensive Peace Agreement*, Nairobi, January 9, 2005 and Sustainable Development By Mr. Mohamed El-Murtada Mustapha, Khartoum, Sudan, Former First Undersecretary, Ministry for Labor and Social Security, Khartoum, Sudan Presented to the Sudan Economy Research Group (SERG), University of Bremen, Bremen, Germany on 24/09/2005. (взято с сайта: <http://www.iwim.uni-bremen.de/africa/Sudan.Drittmittel/Murtada.>)

¹¹³ Douglas H. Johnson. The Root Causes of Sudan's Civil Wars. – Bloomington: Indiana University Press, 2003. C. 43.

¹¹⁴ Поляков К.И. История Судана ХХ век. С. 275.

¹¹⁵ Тихомиров Н.К. Региональные конфликты... С. 75.

¹¹⁶ Heritage. Khartoum, 02.11.1987.

¹¹⁷ Кудров Е.А. Политические процессы в Судане после государственного переворота 1989 г.: Дисс... канд. пол. наук. – М., 2009. С. 245.

¹¹⁸ Иллюстрируя влияние нефтяного фактора на причины и ход II гражданской войны Юга и Севера, уместнее всего процитировать слова одного из южносуданских повстанцев, приведенные в работе Франсуа Генри Кааса: «Теперь, когда мы знаем, что здесь есть нефть, мы, если потребуется, будем сражаться много дольше» (*François Henri Caas. Natural resources and conflict in Sudan // Thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree, Master of Philosophy in Sustainable Development, Planning and Management School of Public Management and Planning, University of Stellenbosch. March 2007.* С. 30).

¹¹⁹ Arop Madut Arop. The Founding of the People's Revolution: SPLM/SPLA (1983–2005) // The New Sudan Vision, 15.05.2009.

¹²⁰ Øystein H. Rolandsen. Guerrilla government: political changes in the Southern Sudan during the 1990s. Nordiska Afrikainstitutet, 2005. С. 26.

¹²¹ Sharon E. Hutchinson. A Curse from God? Religious and Political Dimensions of the Post-1991 Rise of Ethnic Violence in South Sudan // The Journal of Modern African Studies. Vol. 39. № 2. Jun., 2001. С. 311. Также см. программу СНОД.:
http://www.splmtoday.com/index.php?option=com_content&view=article&id=14&Itemid=34&limitstart=2

¹²² После гибели Джона Гаранга 30 июля 2005 г. в вертолетной катастрофе именно Сальва Киир де Майярдит заменил его на постах первого вице-президента Судана и президента Южного Судана.

¹²³ *The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan 2005*. C. 3.

¹²⁴ <http://www.splmtoday.com/>

¹²⁵ *The SPLA: Fit To Govern? The European-Sudanese Public Affairs Council*. – London, 1998. C. 8.

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ Тихомиров Н.К. Региональные конфликты... С. 123.

¹²⁸ Тихомиров Н.К. Авторитаризм... С. 305.

¹²⁹ С точки зрения исследователя из ЮАР Босхова, «существуют важнейшие отличия первого восстания от второго [то есть I и II гражданских войн – автор]. Первое было нацелено на создание независимого южносуданского государства и окончательно разрешилось региональной автономией как заменой независимости. Второе восстание имело более широкую идеологическую базу и призывы к национальной реконструкции Судана» (*Hercules Jacobus Boshoff. Sudan's old and new conflicts*. C. 14.)

¹³⁰ К.И. Поляков, к примеру, пишет: «После 11-летнего относительного затишья гражданская война в Судане вспыхнула с новой силой» (*Поляков К.И. История Судана. XX век*. С. 301).

¹³¹ По мнению международно признанного эксперта по Судану Алекса де Ваала, провал исламистского проекта (1989–2000 гг.) в Судане был обусловлен следующими причинами:

- 1) Органы безопасности при исламистах занимались не столько защитой государства и его институтов, сколько политикой.
- 2) Финансовая деятельность исламистов, насквозь погрязших в коррупции, разрушила их долговременную политическую стратегию.
- 3) Арабский расизм заразил движение, подорвав интеграцию западных суданцев (т.е. дарфурцев) в состав руководства страны.
- 4) Исламистская теоретическая мысль была слаба в вопросе управления плuriалистическим обществом, а поэтому наиболее приемлемой формой социально-политического развития и была избрана военно-исламистская диктатура.
- 5) Персонализация суданского исламистского движения в лице Хасана ат-Тураби, его оппортунизм, а также ассоциация ИРС с его (ат-Тураби) правлением.

Цит. по: *Harvey Glickman, Emma Rodman. Islamism in Sudan // Middle East Review of International Affairs*, Vol. 12, No. 3 (September 2008). C. 82.

-
- ¹³² Цит. по: *Абдуллах Ахмед Ан-Наим.* На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право). – М., 1999. С. 52–53.
- ¹³³ *Хасан ат-Тураби.* Ислам и время. С. 33.
- ¹³⁴ *The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan 2005.* C. 102–107.
- ¹³⁵ См.: *Bol D. Bol.* Independence will provide Economic development in the South // SouthSudanNation, 28.08.2010.
- ¹³⁶ *James Dak & Uma Julius.* "I would vote for separation," says South Sudan President Salva Kiir // Sudan Tribune, 02.10.2010.
- ¹³⁷ *Christina Murray, Catherine Maywald.* Subnational constitution-making in southern Sudan // Rutgers Law Journal (2006) 37(4). C. 1213.
- ¹³⁸ Op.cit. C. 1213–1214.
- ¹³⁹ *The Interim constitution of Southern Sudan 2005.* C. 2; *Protocol between the Government of the Sudan (GOS) and the Sudan People's Liberation Movement/Army (SPLM/A) on Resolution of Abyei conflict.* Naivasha. Kenya. May 26th, 2004. C. 3.
- ¹⁴⁰ *The Interim constitution of Southern Sudan 2005.* C. 2
- ¹⁴¹ Op.cit. C. 3, 4.
- ¹⁴² Op.cit. C. 24.
- ¹⁴³ Op.cit.
- ¹⁴⁴ <http://www.undp.org/mdg/>
- ¹⁴⁵ *The Interim constitution of Southern Sudan 2005.* C. 17–18.
- ¹⁴⁶ Op.cit. C. 32, 39, 44.
- ¹⁴⁷ *Доклад Генерального секретаря по Судану // Совет Безопасности.* Организация Объединенных Наций. S/2010/388. C. 2.
- ¹⁴⁸ Op.cit. C. 54.
- ¹⁴⁹ Op.cit. C. 3.
- ¹⁵⁰ <http://www.southsudannewsagency.com/component/poll/19-will-al-bashir-try-to-manipulate-the-results-of-the-south-sudan-referendum-vote-next-january>
- ¹⁵¹ *Southern Sudan at odds with itself: Dynamics of conflict and predicaments of peace //* Research team led by Mareike Schomerus and Tim Allen. Research by Southern Sudan Peace Commission (SSPC), Centre for Peace and Development Studies (CPDS), Juba University and the London School of Economics and Political Science Development Studies Institute (DESTIN). Report by DESTIN. 2009. C. 14.
- ¹⁵² *Leslie Anne Schafer.* Negotiating the North/South conflict: Sudan's Comprehensive Peace Agreement / ISS Paper 148. July 2007. C. 7.

¹⁵³ Цит. по: *Southern Sudan at odds with itself*. C. 21

¹⁵⁴ *Traci D. Cook*. Inter-governmental relations in Southern Sudan: findings from interviews with Government Officials and Legislators at the GoSS and State Levels (conducted October 2007 – April 2008) // National Democratic Institute for International Affairs. September 30, 2008. Washington. C. 90.

¹⁵⁵ *Ministry of Council of Ministers. Central Bureau of Statistics*. <http://www.cbs.gov.sd/Tiedadat/Tiedadat> 5th E.htm.

¹⁵⁶ *Судан: справочник*. С. 20.

¹⁵⁷ *Вадим Козюлин*. Судан между миром и войной // Индекс безопасности. № 2 (89), Лето 2009. – М., 2009. С. 37

¹⁵⁸ *Southern Sudan at odds with itself*. C. 29.

¹⁵⁹ *To Guarantee The Peace: An Action Strategy for a Post-Conflict Sudan* // A Report for Secretary of State's Africa Policy Advisory Panel. January 2004. Center for Strategic and International Studies (CSIS).

¹⁶⁰ *Benaiyah Yongo Bure*. Peace Dividend and the Millennium Development Goals in Southern Sudan //Sudan Economy Research Group Discussion Paper № 36. Institute for World Economics and International Management (IWIM) D-28334 Bremen, Germany. Bremen. August 2005. C. 35.

¹⁶¹ *Synthesis: Framework for sustained peace, development and poverty eradication* // Joint Assessment Mission Sudan. Vol. I. C. 40.

¹⁶² *Mid term evaluation report: submitted pursuant to the Comprehensive Peace Agreement* // Assessment and Evaluation Commission. July 2008. C. 50–51.

¹⁶³ *The CPA Monitor Annex* // Annex 44. Government of Southern Sudan (GoSS) Comissions. C. 7;

http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Knowledge/AEC_2008_English_p317-335.pdf

¹⁶⁴ *Доклад Генерального секретаря по Судану* // Совет Безопасности. Организация Объединенных Наций. S/2010/388. С. 16.

¹⁶⁵ Salva Kiir's speech at All Sudan Political Parties Conference in Juba. Tuesday 29 September 2009.

¹⁶⁶ *Traci D. Cook*. Inter-governmental relations in Southern Sudan. C. 76.

¹⁶⁷ *Rescuing the peace in Southern Sudan* // Joint NGO Briefing Paper. January 2010. C. 2.

¹⁶⁸ *Southern Sudan at odds with itself*. C. 59.

¹⁶⁹ Так, вышедший в свет в 2000 году новый справочник по Судану (*Судан: справочник*. М., 2000) никоим образом не упоминает о дар-

фурском конфликте, в том числе и о кровопролитной арабо-фурской войне 1987–1989 гг. Конфликт на тот момент еще не вышел за рамки узколокальных вооруженных столкновений, хотя, как справедливо это отметил отечественный исследователь Е.А. Кудров, «история таких межплеменных столкновений может насчитывать до 500 лет» (*Кудров Е.А. Судан: ситуация вокруг кризиса в Дарфуре // Востоковедный сборник. Выпуск восьмой. – М., 2007. С. 17*).

¹⁷⁰ *Seven Myths Hindering Peace in Darfur // The European-Sudanese Public Affairs Council. Khartoum, 15.11. 2004. С. 1.*

¹⁷¹ *Провинция Дарфур (Судан): «Слишком много людей убивают без причины» // Международная Амнистия. Нью-Йорк, 2004. С. 1.*

¹⁷² http://www.un.org/russian/peace/pko/unamid/unamid_backgr.html; <http://www.amnestyusa.org/darfur/darfur-history/page.do?id=1351103>; *The escalation crisis in Darfur: are there prospects for peace? // Hearing before the committee on foreign affairs House of representatives. One hundred tenth congress. First session. February 8, 2007. Serial № 110-6. С. 7.*

¹⁷³ *Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX века. С. 157; История Тропической и Южной Африки в Новое и Новейшее время // Отв. ред. А.С. Балезин. Учебное пособие. Российская академия наук. Институт всеобщей истории. Центр африканских исследований. – М., 2010. С. 61;*

<http://slovarei.yandex.ru/дарфур/Монархи. Мусульманский Восток XV-XX/Кайра/>

¹⁷⁴ *Судан: справочник. С. 40, 43.*

¹⁷⁵ *R.S. O'Fahey, Jérôme Tubiana. Darfur: historical and contemporary aspects. С. 9.*

Взято с: <http://www.smi.uib.no/darfur/>

¹⁷⁶ *Ланда Р.Г. История арабских стран. – М., 2005. С. 158; Поляков К.И. История Судана. XX век. С. 37.*

¹⁷⁷ *R.S. O'Fahey, Jérôme Tubiana. Darfur: historical and contemporary aspects. С. 11.*

¹⁷⁸ *Аль-Ахали, 14.01.1987.*

¹⁷⁹ *Alex de Waal. Tragedy in Darfur: on understanding and ending the horror. Boston Review. October/November 2004.*

<http://www.bostonreview.net/BR29.5/dewaal.php>

¹⁸⁰ *Поляков К.И. Указ. соч. С. 212–213.*

¹⁸¹ *R.S. O'Fahey, Jérôme Tubiana. Darfur: historical and contemporary aspects. С. 13–14; Johan Brosché. Darfur – Dimensions and Dilemmas of*

a Complex Situation // Uppsala University. Department of Peace and Conflict Research. UCDP Paper № 2. Uppsala, 2008. C. 7.

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ R.S. O'Fahey, Jérôme Tubiana. Darfur: historical and contemporary aspects. С. 14. Крыло «младоуммовцев» возникло в середине 1960-х годов на базе молодых, но хорошо образованных и весьма амбициозных политиков, входивших в руководство партии «Аль-Умма». Возглавил «младоуммовцев» сам лидер партии Садык аль-Махди. Он и его соратники хотели в целях повышения политической конкурентоспособности осовременить «Аль-Умму», в частности, обновив ее идеино-политический багаж концепцией «исламского социализма». (Поляков К.И. Указ. соч. С. 223).

¹⁸⁴ Prunier, Gérard. Darfur: The Ambiguous Genocide. Cornell University Press, 2005. С. 52–53.

¹⁸⁵ Гусаров В.И. Социально-экономическое развитие Судана. С. 44.

¹⁸⁶ Sharif Harir, Kjell Hødnebø and Terje Tvedt. A chronology of the Sudan 1972–1992 // Short-cut to decay: the case of the Sudan. Edited by Sharif Harir, Terje Tvedt. Nordiska Afrikainstitutet, Uppsala, 1994. С. 263.

¹⁸⁷ Кудров Е.А. Конфликт в Дарфуре. С. 11.

¹⁸⁸ Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю // Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. 1 февраля 2005. Русский текст. S/2005/60. С. 25.

¹⁸⁹ Sharif Harir. "Arab Belt" versus "African Belt": Ethno-Political Conflict in Dar Fur and the regional Cultural Factors //Short-cut to decay: the case of the Sudan. С. 148.

¹⁹⁰ Op.cit. С. 160.

¹⁹¹ Mona Ayoub. Land and conflict in Sudan.

<http://www.c-r.org/our-work/accord/sudan/Land-conflict.php>

¹⁹² Sharif Harir. "Arab Belt" versus "African Belt". С. 164.

¹⁹³ Op.cit. С. 143.

¹⁹⁴ Кудров Е.А. Конфликт в Дарфуре. С. 16.

¹⁹⁵ Поляков К.И. Указ. соч. С. 329.

¹⁹⁶ Sharif Harir. "Arab Belt" versus "African Belt". С. 171.

¹⁹⁷ Ibid.

¹⁹⁸ Johan Brosché. Darfur – Dimensions and Dilemmas of a Complex Situation. С. 10.

¹⁹⁹ Ibid.

²⁰⁰ В этой связи интересно ознакомиться и с официальной точкой зрения суданского правительства на причины возникновения нынешнего дарфурского конфликта:

- 1) Соперничество за редкие ресурсы.
- 2) Соперничество между кочевниками и фермерами.
- 3) Прямые столкновения племен.
- 4) Конфликты между племенами и вооруженными бандами.
- 5) Политические и партизанские по своей природе конфликты.
- 6) Конфликты, вызванные международной обстановкой и связанные с натуральными ресурсами Дарфура (так завуалированно обозначается мнение Хартума о том, что именно дарфурские полезные ископаемые могут быть целью западных держав, в особенности США, а потому эти государства раздувают конфликт в регионе, чтобы поставить его под свой контроль).
- 7) Разрушение традиционной племенной системы, неспособной ответить на новые вызовы времени.
- 8) Распространение оружия и негативный эффект, вызванный этим.
- 9) Проблемы распределения земельной собственности между племенами и внутри них, а также жилищ, расположенных на ней.
- 10) Определение границ между племенными территориями.

(*Darfur: Reality & Accusation*. Republic of Sudan. Ministry of Justice. September 2008. С. 11–12).

²⁰¹ См., к примеру: *Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю*; Кудров Е.А. Конфликт в Дарфуре; Ylonen, Aleksi. Grievances and the Roots of Insurgencies: Southern Sudan and Darfur//Peace, Conflict and Development: An Interdisciplinary Journal, Vol. 7, July 2005.

²⁰² Julie Flint, Alex de Waal. *Darfur: A Short History of a Long War*. – London: Zed Books, 2005. С. 71–72.

²⁰³ *Sudan: Justice, Peace and ICC* // Crisis Group Africa Report № 152, 17 July 2009. С. 2.

²⁰⁴ *The crisis in Darfur: A new front in Sudan's bloody war; and condemning the Government of the Republic of the Sudan for its attacks against innocent civilians in the impoverished Darfur region of Western Sudan* // Hearing and markup before the committee on international relations House of representatives. One hundred eighth congress. Second session. May 6, 2004. Serial No. 108–122. С. 10.

²⁰⁵ Victor Tanner, Jérôme Tubiana. *Divided They Fall: The Fragmentation of Darfur's Rebel Groups* // Small Arms Survey, Graduate Institute of International Studies, Geneva 2007. С. 25.

-
- ²⁰⁶ Op.cit. C. 19–22.
- ²⁰⁷ Op.cit. C. 20–21.
- ²⁰⁸ Op.cit. C. 21.
- ²⁰⁹ Напомним, что в НДА входили такие партии и организации, как Юнионистско-демократическая партия, партия «Аль-Умма», Суданское народное освободительное движение/Суданская народно-освободительная армия (СНОД/СНОА), Союз суданских африканских партий, Суданская коммунистическая партия, профсоюзы, Коммунистическая партия – революционное командование, Конгресс Беджа, Суданские союзные силы и не партизанские национальные лидеры. (*Серёгичев С.Ю. Судан: исламо-традиционализм и армия.* С. 54).
- ²¹⁰ www.Islamua.net. 10.08.2004.
- ²¹¹ *Report of the Panel of Experts established pursuant to paragraph 3 of Resolution 1591 (2005) concerning the Sudan.* S/2006/65. January. С. 4.
- ²¹² Кудров Е.А. Судан на перепутье: война или мир? М.: Библос консалтинг, 2009. С. 139.
- ²¹³ *Report of the Panel of Experts.* С. 27–28.
- ²¹⁴ Op.cit. C. 29.
- ²¹⁵ Op.cit. C. 31.
- ²¹⁶ *The Sudan liberation movement and Sudan liberation army (SLM/SLA) political declaration.* Darfur, 2003. С. 1.
- ²¹⁷ Ibid.
- ²¹⁸ Op.cit. C. 2.
- ²¹⁹ *Jérôme Tubiana.* The Chad–Sudan Proxy War and the ‘Darfurization’ of Chad: Myths and Reality // Small Arms Survey, Graduate Institute of International Studies, Geneva 2008. С. 37.; *Victor Tanner, Jérôme Tubiana.* Divided They Fall. С. 35.
- ²²⁰ *Victor Tanner, Jérôme Tubiana.* Divided They Fall. С. 32.
- ²²¹ Ibid.
- ²²² Ibid.
- ²²³ *The Black Book: Imbalance of Power and Wealth in Sudan.* Взято с: http://www.sudanjem.com/2004/sudanalt/english/books/blackbook_part1/book_part1.asp.htm
- ²²⁴ Ibid.
- ²²⁵ *A Proposal for Change: Towards a Sudan of Justice and Equality.* Compiled by Training and Planning Office, JEM. August 2005. Взято с: http://www.sudanjem.com/2004/en/books_php/pamjelmst-1_1.htm
- ²²⁶ Ibid.
- ²²⁷ Ibid.

²²⁸ Ibid.

²²⁹ Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю. С. 39–40.

²³⁰ Там же. С. 41.

²³¹ Кудров Е.А. Судан на перепутье. С. 78. Впрочем, существует и другое мнение по данному вопросу: первые отряды народной обороны возникли еще летом 1985 г. после атаки СНОД/СНОА на деревню аль-Гардуд в Кордофане, где проживало арабское племя миссерия, там было убито 60 человек. Так как правительственные силы в этом районе были беспомощны и сами себя защитить не могли, Хартум поставил племенную верхушку миссерии и их соседей ризейгат перед нелегким выбором: либо обороняться самим, либо получить гарантии защиты от СНОД/СНОА и фактически присоединиться к южанам.

Пойти на второй вариант арабские племена не могли (во-первых, это умаление их авторитета, а во-вторых, если Хартум победит в этой войне, то как он потом будет смотреть на коллаборационистов из числа миссерии и ризейгат, пусть даже и ставших ими по воле правительства), а потому выбрали первый и получили от властей оружие (штурмовые винтовки АК-47 и Г-3) вместе с необходимой амуницией. Используя правительенную помощь, миссерия и ризейгат создали племенные отряды самообороны под названием «Народная оборона». (*Jago Salmon. A Paramilitary Revolution: The Popular Defence Forces // Small Arms Survey, Graduate Institute of International Studies. Geneva, 2007. С. 12.*).

²³² Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю. С. 34–35.

²³³ Указ. соч. С. 35.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же. С. 42.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. С. 35–36.

²³⁹ Кудров Е.А. Судан на перепутье. С. 136.

²⁴⁰ Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю. С. 29.

²⁴¹ Victor Tanner, Jérôme Tubiana. Divided They Fall. С. 23.

²⁴² Op.cit. С. 24.

²⁴³ Ibid.

-
- ²⁴⁴ Подробнее см.: Кудров Е.А. Судан на перепутье.
- ²⁴⁵ Халид Гузик. Станет ли Судан вторым Ираком? // Аппрайд, 08.09.2004. С. 2.
- ²⁴⁶ www.Islamua.net. 13.08.2004.
- ²⁴⁷ PR: Sudan Government arrests dozens of janjaweed militias// Press Release Embassy of Sudan, Washington, D.C. 12.07.2004.
- ²⁴⁸ ИТАР-ТАСС. 17.02.2005.
- ²⁴⁹ United Press International. 16.04. 2005.
- ²⁵⁰ Азимов К. Судан: ислам и нефть // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. – М., 2003 – 6 (132). С. 158.
- ²⁵¹ Agency France Press. 27.04.2005; MIGnews.com. 03.02.2005.
- ²⁵² Associated Press. 23.05.2005.
- ²⁵³ Associated Press. 28.04.2005.
- ²⁵⁴ Agency France Press. 27.05.2005.
- ²⁵⁵ DPA. 25.05.2005.
- ²⁵⁶ Стоит отметить, что и до этого момента ООН также занималась дарфурским «досье» (см. резолюции №№ 1547, 1556, уже упомянутые 1564, 1574, 1585, 1588), однако до 2005 г. «пальма» первенства в деле разрешения конфликта на Западе Судана была за Африканским Союзом.
- ²⁵⁷ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1564. S/RES/1564 (2004). <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2004/res1564.htm>
- ²⁵⁸ Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю. С. 3.
- ²⁵⁹ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1590. S/RES/1590 (2005). <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2005/res1590.htm>
- ²⁶⁰ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1591. S/RES/1591 (2005). <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2005/res1591.htm>
- ²⁶¹ Там же.
- ²⁶² Резолюция Совета Безопасности ООН № 1593. S/RES/1593 (2005). <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2005/res1593.htm>
- ²⁶³ Darfur's rebels pressed on deal // BBC. 02.05.2006.
- ²⁶⁴ 2 of 3 Sudan rebel groups refuse to sign peace accord for Darfur // Associated Press. 05.05.2006.
- ²⁶⁵ Darfur rebels 'sign peace deal' // BBC. 05.05.2006.
- ²⁶⁶ Darfur Peace Agreement // Abuja. 05.05.2006. Оно доступно в интернете: <http://allafrica.com/peaceafrica/resources/view/00010926.pdf>
- ²⁶⁷ Op.cit. С. 11.

-
- ²⁶⁸ Op.cit. С. 10.
- ²⁶⁹ Op.cit. С. 14.
- ²⁷⁰ Op.cit. С. 16.
- ²⁷¹ Op.cit. С. 20.
- ²⁷² Op.cit. С. 22.
- ²⁷³ Op.cit. С. 28.
- ²⁷⁴ Op.cit. С. 29–30.
- ²⁷⁵ Op.cit. С. 31.
- ²⁷⁶ Мы не стали так подробно рассматривать оставшиеся 4 главы, так как основная конструкция Соглашения со всеми своими плюсами и минусами прекрасно видна и на материале первых двух разобраных глав.
- ²⁷⁷ Подробнее см.: Кудров Е.А. Судан на перепутье. С. 173.
- ²⁷⁸ См. страницу 107 Соглашения (*Darfur Peace Agreement*. С. 107.).
- ²⁷⁹ Подробнее см.: Серёгичев С.Ю. Исламо-фундаментализм в Судане: мифы и реальность // Восток (Oriens). М., 2010. № 2. С. 95–107.
- ²⁸⁰ *The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan 2005*. С. 3.
- ²⁸¹ Восточный фронт (ВФ) был образован в феврале 2005 г. путем объединения двух основных повстанческих группировок, действовавших на востоке Судана – «Свободные львы» (состоит из арабского племени ар-Рашидийя) и «Конгресс аль-Беджа» (основа – племя беджа). К ВФ также присоединились и более мелкие повстанческие группы, например Восточная демократическая партия. Более подробно об этом конфликте см.: Кудров Е.А. Судан на перепутье. С. 108–115.
- ²⁸² Идентичные письма Постоянного представителя Судана при Организации Объединенных Наций от 22 января 2004 года на имя Генерального секретаря и Председателя Совета Безопасности // Генеральная Ассамблея ООН. Совет Безопасности. A/58/693-S/2004/66. С. 2.
- ²⁸³ *Eastern Sudan Peace Agreement*. С. 11.
- ²⁸⁴ Op.cit. С. 14–15.
- ²⁸⁵ Op.cit. С. 15.
- ²⁸⁶ Op.cit. С. 20.
- ²⁸⁷ Op.cit. С. 26, 28.
- ²⁸⁸ *Sudan ratifies peace deal with eastern rebels* // Agency France Press. 18.10.2006.
- ²⁸⁹ *Sudan lifts emergency in east after peace deal* // Agency France Press. 20.10.2006.

²⁹⁰ Серёгичев С.Ю. Факторы стабилизации и дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Судане.

<http://www.iimes.ru/rus/search.html>

²⁹¹ В начале февраля 2011 года Минави от лица своей фракции окончательно похоронил DPA, распространив заявление о выходе из соглашения: «Мы вышли из Дарфурского мирного соглашения от мая 2006 года» (*Minnawi formally denounces Darfur peace pact // Sudan Tribune*, 03.02.2011).

²⁹² Резолюция Совета Безопасности ООН № 1706. S/RES/1706 (2006):
<http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1706.htm>

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ U.S. says Sudan will accept U.N. force, chides Russia // Reuters. 31.08.2006; John McCain, Bob Dole. Rescue Darfur Now // Washington Post. 10.09.2006; Rice warns Sudan of relations with U.S. // Associated Press. 11.09.2006; EU urges Sudan to accept UN peace mission in Darfur // Agency France Press. 15.09.2006; Blair attacks Sudan over crisis // Press Association. 16.09.2006.

²⁹⁵ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1769. S/RES/1769 (2007):
<http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1769.htm>

²⁹⁶ «Легкий» пакет мер поддержки был предназначен для усиления управляемого потенциала МАСС и включал 105 штабных офицеров, 34 советника гражданской полиции и 48 гражданских лиц, а также соответствующие материалы и оборудование. По состоянию на конец июля 2007 года основная часть легкого пакета мер поддержки была реализована, а доставка 36 бронетранспортеров еще ожидалась. Однако предусматривалось, что эти средства будут отправлены в Дарфур вместе с дополнительными двумя батальонами, которые, согласно временному графику, должны были прибыть к концу 2007 года.

«Тяжелый» пакет мер поддержки, который должен был быть реализован во второй половине 2007 года, предназначался для оказания поддержки МАСС до тех пор, пока не будет развернута смешанная операция. Он включал 2250 военнослужащих, 721 полицейского и 1136 гражданских специалистов, расходы на содержание которых в сумме 287,9 млн. долл. будут покрываться ООН.

(http://www.un.org/russian/peace/pko/unamid/unamid_backgr.html).

²⁹⁷ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1769.

²⁹⁸ Доклад Генерального секретаря о Смешанной операции Африканского союза-Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД) //

-
- Совет Безопасности ООН. S/2010/543. С. 17;
<http://www.un.org/russian/peace/pko/unamid/unamidfacts.html>.
- ²⁹⁹ Там же.
- ³⁰⁰ Там же. С. 18.
- ³⁰¹ *Резолюция Совета Безопасности ООН № 1769.*
- ³⁰² *Clashes with Darfur rebels reported near Sudan's capital // Associated Press.* 10.05.2008; *Sudan announces end of "terrorist operation" of rebels in Khartoum // Xinhua,* 11.05.2008; Сурков Н. Повстанцы Дарфура атаковали столицу Судана // НГ. 12. 05.2008.
- ³⁰³ *Sudan says rebel attack on Khartoum defeated // Reuters,* 10.05.2008.
- ³⁰⁴ *Sudan announces end of "terrorist operation" of rebels in Khartoum.*
- ³⁰⁵ *Sudan cuts ties with Chad after rebel attack on Khartoum // Associated Press,* 11.05.2008.
- ³⁰⁶ Кудров Е.А. Судан на перепутье. С. 204.
- ³⁰⁷ *Ордер на арест Ахмада Харуна // Палата предварительного производства I. Международный уголовный суд.* 27 апреля 2007 года. ICC-02/05-01/07. С. 6.
- ³⁰⁸ *Ордер на арест Али Кушайба // Палата предварительного производства I. Международный уголовный суд.* 27 апреля 2007 года. ICC-02/05-01/07. С. 6.
- ³⁰⁹ *Sudan rejects ICC arrest warrants over Darfur crimes // Agency France Press,* 02.05.2007.
- ³¹⁰ *Situation in Darfur, the Sudan // Public Document. Public Redacted Version of Prosecution's Application under Article 58 filed on 14 July 2008. Pre-trial Chamber I. International Criminal Court.* ICC-02/05. 12 September 2008. С. 20–23.
- ³¹¹ Op.cit. С. 71–72.
- ³¹² Op.cit. С. 78.
- ³¹³ *Sudan president calls for national solution to Darfur crisis // Sudan Tribune,* 14.10.2008.
- ³¹⁴ *Aid agencies appealing eviction order by Sudan // Sudan Tribune,* 05.03.2009.
- ³¹⁵ *Sudanese ICC indicted minister says aid groups working for US, UK, French intelligence // Sudan Tribune,* 23.03.2009.
- ³¹⁶ *Sudan's Bashir says offered to suspend warrant if aid groups return // Sudan Tribune,* 09.03.2009.
- ³¹⁷ *Sudan issues clarification on new aid groups // Sudan Tribune,* 15.06.2009.
- ³¹⁸ *Agreement of good will and confidence building for the settlement of the problem in Darfur.* Doha. 17th February 2009.

³¹⁹ Доклад Генерального секретаря о Смешанной операции Африканского союза-Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД). С. 6; *Sudanese cabinet endorses new strategy for peace in Darfur* // Sudan Tribune, 17.09.2010.

³²⁰ Пока что вся дарфурская инициатива Хартума на практике сводится лишь к периодическим авиаобомбардировкам и наземным атакам на позиции повстанцев, и к подготовке референдума, намеченного на 1 июля 2011 г., по вопросу будущего нынешней схемы административно-территориального устройства Дарфура: останется ли Дарфур разделенным на три штата или станет единым (*Sudan army bomb two villages in Jebel Marra- rebels* // Sudan Tribune, 27.04.2011; *Референдум об объединении Дарфура назначен на 1 июля* // Газета.ru, 25.04.2011).

³²¹ Второй ордер на арест Омара Хассана Ахмада аль-Башира // Палата предварительного производства I. Международный уголовный суд. 12 июля 2010 года. ICC-02/05-01/09. С. 9–10.

³²² *The Comprehensive Peace Agreement between the Government of the Republic of the Sudan and the Sudan People's Liberation Movement/Sudan People's Liberation Army*. С. 2.

³²³ Ibid.

³²⁴ Ibid.

³²⁵ *SPLM hints at breakthrough on referendum law*. Sudan Tribune. 16.09. 2009; *SPLM and NCP resume talks on South Sudan referendum* // Sudan Tribune, 14.09.2009; *Sudan's parliament speaker threatens to push referendum law to vote*. Sudan Tribune. 06.10. 2009.

³²⁶ *The Southern Sudan Referendum Act 2009*. Khartoum, 2009. С. 14.

³²⁷ Op. cit. С. 16.

³²⁸ *Bashir, Kiir officially win Sudan's presidential elections* // Sudan Tribune. 26.04.2010; *Factbox: Sudan presidential election results* // Sudan Tribune, 27.04.2010.

³²⁹ *Talks on South Sudan referendum progress in Khartoum* // Sudan Tribune, 21.10.2009; *Major Sudanese Northern party slams referendum deal* // Sudan Tribune, 19.10.2009; *Sudan NCP drops census data for referendum* // Sudan Tribune, 18.10.2009.

³³⁰ *The Southern Sudan Referendum Act 2009*. С. 23.

³³¹ Op. cit. С. 5.

³³² Josh Kron. *Islamic Sudan Envisioned if South Secedes* // New York Times, 20.12.2010; *Bashir's position on Islamic state threatens peace talks – Darfur rebels* // Sudan Tribune, 21.12.2010.

³³³ *The Southern Sudan Referendum Act 2009.* С. 32–33.

³³⁴ *Sudanese president pledges to resolve post-referendum issues before July 9th* // Sudan Tribune, 03.01.2011.

³³⁵ *Abyei Area Referendum Act 2009.* – Khartoum, 2009. С. 4.

³³⁶ Op. cit. С. 4–5.

³³⁷ Op. cit. С. 12.

³³⁸ Op. cit. С. 19.

³³⁹ Об огромном значении референдума для южносуданского общества красноречиво свидетельствует и следующий факт: 30 апреля 2011 года кабинет министров Южного Судана выпустил резолюцию, объявляющую время с 1820 года, когда войска Мухаммеда Али приступили к завоеванию Судана, по 2011 год, периодом борьбы против рабства, колониализма и эксплуатации во имя свободы и независимости (*South Sudan officially recognises 191 years of struggle for freedom* // Sudan Tribune, 30.04.2011.)

³⁴⁰ Политическое бюро СНОД является высшим партийным органом управления, в его нынешний состав входят 27 членов:

- генерал-лейтенант Сальва Киира Майярдит (председатель СНОД, главком СНОА и президент Южного Судана);
- Риек Мачар Тени (первый заместитель председателя СНОД и вице-президент Южного Судана);
- Джеймс Вани Игга (второй заместитель председателя СНОД и спикер Южносуданской законодательной ассамблеи);
- Малик Агар Эйер (третий заместитель председателя СНОД и губернатор штата Голубой Нил);
- Паган Амум Окех (глава федерального Министерства по делам кабинета, генеральный секретарь СНОД и секретарь Политического бюро СНОД);
- Анне Итто (заместитель генерального секретаря СНОД по Южному сектору);
- Ясир Саид Арман (заместитель генерального секретаря СНОД по Северному сектору);
- Даниель Авет Акот (губернатор Озерного штата);
- Куол Мануанг Джууг (губернатор штата Джонглей);
- Ниал Денг Ниал (представитель штата Варрап);
- Денг Алор Куол (федеральный министр иностранных дел);
- Джон Лук Джок (министр индустрии и горной промышленности правительства Южного Судана);
- Ребекка Нуанденг де Мабиор (вдова Джона Гаранга, советник президента Южного Судана по правам человека);

-
- Пауль Майом Акек (министр внутренних дел правительства Южного Судана);
 - Мансур Халид (советник президента Судана);
 - Луал Диинг Вол (советник президента Южного Судана по политическим вопросам)
 - Марк Ньюипуох Убонг (губернатор штата Западный Баэр аль-Газаль);
 - Табита Бутрус Шокай (федеральный министр здравоохранения);
 - Ездинар Джума;
 - Джемма Нуна Кумба (губернатор штата Западная Экватория);
 - Авут Денг Аквил (министр по делам гражданской службы, рабочих и людских ресурсов развития правительства Южного Судана);
 - Кости Манибе (федеральный министр по инвестициям);
 - Табан Денг Гай (губернатор штата Юнити);
 - Абд-аль-Азиз Адам аль-Хилу;
 - Самсон Лукаре Квадже (министр сельского хозяйства и лесной промышленности правительства Южного Судана);
 - Аколь Пауль Кордит (председатель по делам молодежи Южного сектора);
 - Мохамед Ахмед Иssa (председатель по делам молодежи Северного сектора);

(Sudan's Kiir appoints 27 SPLM Political Bureau members // Sudan Tribune, 22.05.2008).

³⁴¹ *South Sudan and Athor sign ceasefire agreement days before referendum // Sudan Tribune, 05.01.2011.*

³⁴² *South Sudan president pardons rebel army officers // Sudan Tribune, 06.10.2010.*

³⁴³ Во второй день референдума, в понедельник 10 января, при пересечении границы между северным штатом Баэр аль-Газаль и южным штатом Южный Кордофан в засаду попала колонна из 30 автобусов и 7 грузовиков, на которых для участия в голосовании на Юг ехали южносуданцы, живущие в Хартуме. В нападении участвовали представители арабского племени Миссерия, недовольные позицией южносуданского племени Динка Нгок, пригрозившего в случае срыва референдума по Абъею в одностороннем порядке объявить о его вхождении в состав Южного Судана. Точное количество жертв данной партизанской акции Миссерии колеблется от 10 до 49 убитых (*Ten southern returnees killed, 18 injured in north-south border ambush // Sudan Tribune, 11.01.2011.*)

³⁴⁴ *Southerners in Khartoum describe unity vote as symbol of peace // Sudan Tribune, 13.01.2011.*

-
- ³⁴⁵ *Sudan's NCP heading towards recognition of referendum results* // Sudan Tribune, 15.01.2011.
- ³⁴⁶ *Sudan's finance minister defends austerity measures, says more to follow* // Sudan Tribune, 06.01.2011.
- ³⁴⁷ *Foreign observers attest to "fairness, credibility" of south Sudan referendum* // Sudan Tribune, 17.01.2011.
- ³⁴⁸ *Southern Sudan Referendum Final Results Report*. Southern Sudan Referendum Commission. 07/02/2011. C. 3.
- ³⁴⁹ *Sudanese pre't accepts south's sessesion* // CNC World, 08.02.2011.
- ³⁵⁰ Взято с <http://www.goss.org/>
- ³⁵¹ *Profit from G.W.'s Sudan Peace: The Next Big Oil Boom* // Energy and Capital. Thursday, February 10th, 2011.
- ³⁵² *Fact Sheet II: The Economy of Sudan's Oil Industry*. European Coalition on Oil in Sudan (ECOS). October 2007. C. 6.
- ³⁵³ 'Oil-rich' Abyei: Time to update the shorthand for Sudan's flashpoint border town? // The Christian Science Monitor, 02.11.2010.
- ³⁵⁴ *Sudanese will start feeling the sting of austerity plan approved by parliament* // Sudan Tribune, 05.01.2011.
- ³⁵⁵ *Southern Sudan May Pay North 30% of Oil Revenue for Shipping Crude Exports* // Bloomberg, 23.03.2011.
- ³⁵⁶ Передача «Панорама» на телеканале «Русия аль-яума». Эфир от 10.02.2011.
- ³⁵⁷ *Fact Sheet II: The Economy of Sudan's Oil Industry*. October 2007. C. 4.
- ³⁵⁸ *Bashir rules out dual citizenship for Southerners* // Sudan Tribune, 07.01.2011.
- ³⁵⁹ См.: Ахатова Р.А. Чадско-суданские отношения на современном этапе // Ближний Восток и современность. Вып. 41. – М., 2010.
- ³⁶⁰ *Greater Equatoria demands federal system in South Sudan* // Sudan Tribune, 17.04.2011.
- ³⁶¹ Анализ текста принятого южносуданским кабинетом министров «Проекта Временной конституции Республики Южный Судан 2011 г.» показывает, что официальная Джуба вполне осознает важность как можно скорейшего разрешения этих задач (см. ч.3 «Основные цели и руководящие принципы», главу 1 «Цели и принципы»).
- Говорится в «Проекте» и о децентрализованной системе управления, но она полностью скопирована с «Временной конституции Южного Судана 2005» и также весьма далека от федеративного устройства.
- Кроме этого, СНОД (другие политические силы Юга отказались участвовать в работе конституционного комитета в знак протеста

против навязывания им при обсуждении конституционного проекта воли правящей южносуданской партии) заложил в этом документе под свои и без того непростые отношения с Северным Суданом «мину замедленного действия», включив спорную территорию штата Абъей в состав Республики Южный Судан (ст. 1) (*The Transitional constitution of the Republic of South Sudan, 2011. Government of South Sudan; South Sudan cabinet passes transitional constitution // Sudan Tribune, 05.05.2011.*).

³⁶² Взято с

http://www.splmtoday.com/index.php?option=com_content&view=article&id=14&Itemid=34&limitstart=1

³⁶³ В 1956 году арабами себя признавало 39% от всего населения Судана (*Поляков К.И. История Судана XX век. С. 144*).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники и справочная литература

1. Сайт Академик: <http://dic.academic.ru/>
2. Второй ордер на арест Омара Хассана Ахмада аль-Башира // Палата предварительного производства I. Международный уголовный суд. 12 июля 2010 года. ICC-02/05-01/09.
3. Демократическая Республика Судан. – М.: Наука, 1973.
4. Доклад Генерального секретаря о Смешанной операции Африканского союза-Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД) // Совет Безопасности ООН. S/2010/543.
5. Доклад Генерального секретаря по Судану // Совет Безопасности. Организация Объединенных Наций. S/2010/388. 19 июля 2010.
6. Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю // Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. 1 февраля 2005. Русский текст. S/2005/60.
7. Идентичные письма Постоянного представителя Судана при Организации Объединенных Наций от 22 января 2004 года на имя Генерального секретаря и Председателя Совета Безопасности // Генеральная Ассамблея ООН. Совет Безопасности. A/58/693-S/2004/66.
8. Ордер на арест Али Кушайба // Палата предварительного производства I. Международный уголовный суд. 27 апреля 2007 года. ICC-02/05-01/07.
9. Ордер на арест Ахмада Харуна // Палата предварительного производства I. Международный уголовный суд. 27 апреля 2007 года. ICC-02/05-01/07.
10. Передача «Панорама» на телеканале «Русия аль-яума». Эфир от 10.02.2011.
11. Провинция Дарфур (Судан): «Слишком много людей убивают без причины» // Международная Амнистия. – Нью-Йорк, 2004.
12. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1564. S/RES/1564 (2004):
<http://www.un.org/russian/documents/scresol/res2004/res1564.htm>

13. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1590. S/RES/1590 (2005):
<http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2005/res1590.htm>
14. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1591. S/RES/1591 (2005):
<http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2005/res1591.htm>
15. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1593. S/RES/1593 (2005):
<http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2005/res1593.htm>
16. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1706. S/RES/1706 (2006):
<http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2006/res1706.htm>
17. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1769. S/RES/1769 (2007):
<http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2007/res1769.htm>
18. Сайт партии «Аль-Умма»:
[http://www.umma.org/umma/ar/page.php?page_id=613.](http://www.umma.org/umma/ar/page.php?page_id=613)
19. Сайт правительства Южного Судана: <http://www.goss.org/>
20. Сайт президента Судана: <http://www.albashir.sd>
21. Сайт программы развития ООН (United Nations Development Programme): <http://www.undp.org/mdg/>
22. Сайт СНОД/СНОА: <http://www.splmtoday.com/>
23. Сайт ЮНАМИД: <http://www.un.org/russian/peace/pko/unamid/>
24. Судан: справочник. – М., 2000.
25. Хасан ат-Тураби. Ислам и время // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11.
26. Сайт Яндекс Словари: <http://slovary.yandex.ru/>
27. Abyei Area Referendum Act 2009. Khartoum. 2009.
28. Agreement of good will and confidence building for the settlement of the problem in Darfur. Doha. 17th February 2009.
29. Сайт Amnesty International USA: <http://www.amnestyusa.org>.
30. The Black Book: Imbalance of Power and Wealth in Sudan.
31. The Comprehensive Peace Agreement between the Government of the Republic of the Sudan and the Sudan People's Liberation Movement/Sudan People's Liberation Army.
32. Country Presentation / 3 rd UN Conference on the Least Development Countries, Brussels, 14–20 May 2001. – Geneva: UN, 2001. Sudan.
33. The crisis in Darfur: A new front in Sudan's bloody war; and condemning the Government of the Republic of the Sudan for its attacks against innocent civilians in the impoverished Darfur region

- of Western Sudan // Hearing and markup before the committee on international relations House of representatives. One hundred eighth congress. Second session. May 6, 2004. Serial No. 108–122.
34. The CPA Monitor Annex // Annex 44. Government of Southern Sudan (GoSS) Commissions.
35. Darfur Peace Agreement. Abuja. 05.05.2006.
36. Darfur: Reality & Accusation. Republic of Sudan. Ministry of Justice. September 2008.
37. Eastern Sudan Peace Agreement.
38. The escalation crisis in Darfur: are there prospects for peace? // Hearing before the committee on foreign affairs House of representatives. One hundred tenth congress. First session. February 8, 2007. Serial No. 110-6.
39. Fact Sheet II: The Economy of Sudan's Oil Industry. European Coalition on Oil in Sudan (ECOS). October 2007.
40. To Guarantee The Peace: An Action Strategy for a Post-Conflict Sudan // A Report for Secretary of State's Africa Policy Advisory Panel. January 2004. Center for Strategic and International Studies (CSIS).
41. The Interim constitution of Southern Sudan 2005.
42. The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan 2005. – Khartoum, 2005.
43. Mid term evaluation report: submitted pursuant to the Comprehensive Peace Agreement // Assessment and Evaluation Commission. July 2008.
44. PR: Sudan Government arrests dozens of janjaweed militias // Press Release Embassy of Sudan, Washington, D.C. 12.07.2004.
45. A Proposal for Change: Towards a Sudan of Justice and Equality. Compiled by Training and Planning Office, JEM. August 2005.
46. Protocol between the Government of the Sudan (GOS) and the Sudan People's Liberation Movement/Army (SPLM/A) on Resolution of Abyei conflict. Naivasha. Kenya. May 26th 2004.
47. Rescuing the peace in Southern Sudan // Joint NGO Briefing Paper. January 2010.
48. Report of the Panel of Experts established pursuant to paragraph 3 of Resolution 1591 (2005) concerning the Sudan. S/2006/65. January.
49. Сайт South Sudan News Agency:
<http://www.southsudannewsagency.com/component/poll/19-will-al-bashir-try-to-manipulate-the-results-of-the-south-sudan-referendum-vote-next-january>

50. Seven Myths Hindering Peace in Darfur // The European-Sudanese Public Affairs Council. Khartoum, 15.11.2004.
51. Situation in Darfur, the Sudan // Public Document. Public Redacted Version of Prosecution's Application under Article 58 filed on 14 July 2008. Pre-trial Chamber I. International Criminal Court. ICC-02/05. 12 September 2008.
52. Southern Sudan at odds with itself: Dynamics of conflict and predicaments of peace // Research team led by Mareike Schomerus and Tim Allen. Research by Southern Sudan Peace Commission (SSPC), Centre for Peace and Development Studies (CPDS), Juba University and the London School of Economics and Political Science Development Studies Institute (DESTIN). Report by DESTIN. 2009.
53. The Southern Sudan Referendum Act 2009. – Khartoum, 2009.
54. Southern Sudan Referendum Final Results Report. Southern Sudan Referendum Commission. 07/02/2011.
55. The Sudan liberation movement and Sudan liberation army (SLM/SLA) political declaration. Darfur. 2003.
56. Sudan: Justice, Peace and ICC // Crisis Group Africa Report N° 152, 17 July 2009.
57. Synthesis: Framework for sustained peace, development and poverty eradication // Joint Assessment Mission Sudan. Volume I. March 18, 2005.
58. Traci D. Cook. Inter-governmental relations in Southern Sudan: findings from interviews with Government Officials and Legislators at the GoSS and State Levels (conducted October 2007 – April 2008) // National Democratic Institute for International Affairs. September 30, 2008. Washington.
59. The Transitional constitution of the Republic of South Sudan, 2011. Government of South Sudan.
60. Ministry of Council of Ministers. Central Bureau of Statistics. <http://www.cbs.gov.sd/Tiedadat/Tiedadat 5th E.htm>.

**Монографии и статьи
из научных журналов и интернет-ресурсов**

61. Абдуллах Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право). – М., 1999.

62. Азимов К. Судан: ислам и нефть // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. – М., 2003 – 6 (132).
63. Ахатова Р.А. Чадско-суданские отношения на современном этапе // Ближний Восток и современность. Вып. 41. – М., 2010.
64. Гусаров В.И. Социально-экономическое развитие Судана: актуальные проблемы. – М.: Наука, 1983.
65. Диаа Эльдин Хамза Хамед. Конституционное развитие Республики Судан (исторический и правовой аспект): дисс... канд. юрид. наук. – М., 2003.
66. История Судана в новое и новейшее время. – М.: Наука, 1992.
67. История Тропической и Южной Африки в Новое и Новейшее время: Учебное пособие / Отв. ред. А.С. Балезин. Российская академия наук. Институт всеобщей истории; Центр африканских исследований. – М., 2010.
68. Жиль Кепель. Джихад: экспансия и закат исламизма. – М., 2004.
69. Козюлин В. Судан между миром и войной // Индекс безопасности. № 2 (89), Лето 2009. – М., 2009.
70. Кудров Е.А. Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции. – М.: Институт Ближнего Востока, 2004.
71. Кудров Е.А. Политические процессы в Судане после государственного переворота 1989 г.: дисс... канд. пол. наук. – М., 2009.
72. Кудров Е.А. Судан: ситуация вокруг кризиса в Дарфуре // Востоковедный сборник. Выпуск восьмой. – М., 2007.
73. Кудров Е.А. Судан на перепутье: война или мир? – М.: Библос консалтинг, 2009.
74. Кудров Е.А. Экономика Судана: на пути к устойчивому росту? Итоги 2006 г. // Ближний Восток и современность. Вып. 33. – М., 2007.
75. Ланда Р.Г. История арабских стран. – М., 2005.
76. Новая история стран Азии и Африки XVI – XIX века в 3-х частях / Под ред. д.и.н., проф. А.М. Родригеса. Ч. 3. – М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2004.
77. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век: Учебник для вузов в трех частях / Под ред. д.и.н. А.М. Родригеса. Ч. 3. 1945–2000. – М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2001.

78. Пензин Д. Судан. – М.: Мысль, 1965.
79. Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000.
80. Поляков К.И. История Судана. ХХ век. – М.: ИВ РАН, 2005.
81. Серёгичев С.Ю. Анализ программ кандидатов в президенты Судана –
http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
82. Серёгичев С.Ю. Армия и Национальный исламский фронт Судана: эволюция взаимоотношений // Ближний Восток и современность. Вып. 25. – М., 2005.
83. Серёгичев С.Ю. Исламо-фундаментализм в Судане: мифы и реальность // Восток (Oriens), 2010, № 2.
84. Серёгичев С.Ю. Судан: исламо-традиционализм и армия. – М.: Институт Ближнего Востока, 2006.
85. Серёгичев С.Ю. Факторы стабилизации и дестабилизации внутриполитической ситуации в Судане. –
<http://www.iimes.ru/rus/search.html>
86. Судан в XIX – начале XX в. // История Востока в 6 тт. – Т. 4, кн. 2. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2005.
87. Судан: зигзаги социальной деколонизации // История Востока в 6 тт. – Т. 5. Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2006.
88. Судан // История Востока в 6 тт. – Т. 6. Восток в новейший период (1945– 2000 гг.). – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2005.
89. Тихомиров Н.К. Авторитаризм, демократические процессы и урегулирование внутрисуданских конфликтов // Ближний Восток и современность. Вып. 27. – М., 2006.
90. Тихомиров Н.К. Региональные конфликты. Проблема Юга Судана / РАН. Институт Африки. – М., 2006.
91. Ткаченко А.А. Перспективы урегулирования внутрисуданских конфликтов // Ближний Восток и современность. Вып. 30. – М., 2007.
92. Шишкун Д.К. Предвыборная обстановка в Южном Судане.
http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
93. Шишкун Д.К. Ход избирательной компании в Судане.
http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.
94. Lam Akol. SPLM/SPLA Inside an African Revolution. Khartoum University Printing Press. – Khartoum, 2009.

95. Mona Ayoub. Land and conflict in Sudan.
<http://www.c-r.org/our-work/accord/sudan/Land-conflict.php>
96. Hercules Jacobus Boshoff. Sudan's old and new conflicts: a comparative study// assignment presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Philosophy (Political Management) at the University of Stellenbosch. December 2005.
97. Johan Brosché. Darfur – Dimensions and Dilemmas of a Complex Situation // Uppsala University. Department of Peace and Conflict Research. UCDP Paper No. 2. Uppsala, 2008.
98. Raymond L. Brown. American Foreign Policy Toward Sudan. From Isolation To Engagement: Why the Bush Administration Turned Around U.S. Sudan Policy January 2001 – December 2002. National War College. National Defense University. Committee Five. April 2003.
99. Benaiah Yongo Bure. Peace Dividend and the Millennium Development Goals in Southern Sudan //Sudan Economy Research Group Discussion Paper No. 36. Institute for World Economics and International Management (IWIM) D-28334 Bremen, Germany. Bremen. August 2005.
100. François Henri Caas. Natural resources and conflict in Sudan // Thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree, Master of Philosophy in Sustainable Development, Planning and Management School of Public Management and Planning, University of Stellenbosch. March 2007.
101. Patrick T. Colloton, Benjamin R. Maitre, Tommy E. Stoner. An adaptive security construct: insurgency in Sudan // Naval postgraduate school. December 2007. Monterey, California.
102. R.S. O'Fahey, Jérôme Tubiana. Darfur: historical and contemporary aspects.
- Взято с: <http://www.smiuib.no/darfur/>
103. Julie Flint, Alex de Waal. Darfur: A Short History of a Long War. – London: Zed Books. 2005.
104. Prunier Gérard. Darfur: The Ambiguous Genocide. Cornell University Press, 2005.
105. Harvey Glickman, Emma Rodman. Islamism in Sudan // Middle East Review of International Affairs, Vol. 12, No. 3 (September 2008).
106. John Howell. Politics in the Southern Sudan // African Affairs. Vol. 72, No. 287. Apr., 1973.

107. Sharon E. Hutchinson. A Curse from God? Religious and Political Dimensions of the Post-1991 Rise of Ethnic Violence in South Sudan // *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 39. No. 2. Jun., 2001.
108. Douglas H. Johnson. *The Root Causes of Sudan's Civil Wars*. – Bloomington: Indiana University Press, 2003.
109. Eva L. R. Meyerowitz. The Southern Sudan Today // *African Affairs*. Vol. 62, No. 248. Jul., 1963.
110. Mayen, Gordon Muortat. The Addis Ababa Agreement on South Sudan is Being Scrapped. 18 January 1982. Downloaded Wednesday 28 January 2009 12:58 GMT.
<http://www.sudanarchive.net>.
111. Christina Murray, Catherine Maywald. Subnational constitution-making in southern Sudan // *Rutgers Law Journal*, 2006, 37(4).
112. Emeric Rogier. Designing an Integrated Strategy For Peace, Security and Development In Post-Agreement Sudan // Netherlands Institute of International Relations Clingendael. Conflict Research Unit The Hague, 2005.
113. Øystein H. Rolandsen. Guerrilla government: political changes in the Southern Sudan during the 1990s. *Nordiska Afrikainstitutet*, 2005.
114. Jago Salmon. A Paramilitary Revolution: The Popular Defence Forces // *Small Arms Survey*, Graduate Institute of International Studies, Geneva, 2007.
115. The Search For Peace In The Sudan: A Chronology of the Sudanese Peace Process 1989–2001. The European-Sudanese Public Affairs Council. – London, 2002.
116. Leslie Anne Schafer. Negotiating the North/South conflict: Sudan's Comprehensive Peace Agreement / ISS Paper 148. July 2007.
117. George W. Shepherd Jr. National Integration and the Southern Sudan // *The Journal of Modern African Studies*, Vol. 4, No. 2. Oct., 1966.
118. Short-cut to decay: the case of the Sudan. Edited by Sharif Harir, Terje Tvedt. – Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 1994.
119. The SPLA: Fit To Govern? The European-Sudanese Public Affairs Council. – London, 1998.
120. Victor Tanner, Jérôme Tubiana. Divided They Fall: The Fragmentation of Darfur's Rebel Groups // *Small Arms Survey*, Graduate Institute of International Studies. – Geneva, 2007.

121. Ten Lessons Learned from the Addis Ababa Agreement-The Comprehensive Peace Agreement, Nairobi, January 9, 2005 and Sustainable Development By Mr. Mohamed El-Murtada Mustapha, Khartoum, Sudan, Former First Undersecretary, Ministry for Labor and Social Security, Khartoum, Sudan Presented to the Sudan Economy Research Group (SERG), University of Bremen, Bremen, Germany on 24/09/2005. (взято с сайта:
[http://www.iwim.uni-bremen.de/africa/Sudan.Drittmittel/Murtada. \)](http://www.iwim.uni-bremen.de/africa/Sudan.Drittmittel/Murtada.)
122. Jérôme Tubiana. The Chad–Sudan Proxy War and the ‘Darfurization’ of Chad: Myths and Reality // Small Arms Survey, Graduate Institute of International Studies. – Geneva, 2008.
123. Alex de Waal. Tragedy in Darfur: on understanding and ending the horror. Boston Review. October/November 2004.
124. Justin Willis. What did Sudan vote for? // ARI 128/2010. Date: 31/08/2010.
125. Ylonen, Aleksi. Grievances and the Roots of Insurgencies: Southern Sudan and Darfur//Peace, Conflict and Development: An Interdisciplinary Journal, Vol. 7, July 2005.

Газеты и информационные агентства

126. Аппайд. 2004.
127. Газета. ру. 2011.
128. ИТАР-ТАСС. 2005.
129. Независимая Газета. 2008.
130. Agency France Press. 2005–2007.
131. Associated Press. 2005–2008.
132. BBC. 2006–2010.
133. Bloomberg. 2011.
134. The Christian Science Monitor. 2010.
135. CNC World. 2011.
136. DPA. 2005.
137. Energy and Capital. 2011.
138. The Guardian Nigeria. 2010.
139. Heritage. 1987.
140. Iowa State Daily. 2007.
141. www.Islamua.net. 2004.
142. MIGnews.com. 2005.
143. The New Sudan Vision. 2009.

144. New York Times. 2010.
145. Press Association. 2006.
146. Reuters. 2006–2008.
147. South Sudan Nation. 2010.
148. Sudan Tribune. 2008–2011.
149. United Press International. 2005.
150. Washington Post. 2006.
151. Xinhua. 2008.
152. Аль-Ахали. 1987.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РАБОТЕ

ААС – Аддис-Абебские мирные соглашения 1972 года.

АН – «Анья-Нья».

БМ – «Братья-мусульмане».

ВИС – Высший исполнительный совет.

ВКС – Временная национальная конституция Республики
Судан 2005 года.

ВКЮС – Временная конституция Южного Судана 2005 года.

ВМС – Всеобъемлющее мирное соглашение 2005 года.

ВФ – Восточный фронт.

ДСР – Движение за справедливость и равноправие.

ИРС – Исламская Республика Судан.

МУС – Международный уголовный суд.

НДА – Национальный демократический альянс.

НРА – Народная региональная ассамблея.

НИФ – Национальный исламский фронт.

НКС – Национальный конгресс Судана.

ННК – Национальный народный конгресс.

НЮП – Национал-юнионистская партия.

ПУРВ – «Партия Умма за реформы и возрождение».

ПВС – Переходный военный совет.

РЮС – Республика Южный Судан.

СОА – Суданская освободительная армия.

СКРНС – Совет командования «революцией национального
спасения».

СНОА – Суданская народно-освободительная армия.

СНОД – Суданское народно-освободительное движение.

СНСС – Союз национальных сил спасения.

СНО – Силы народной обороны.

СОД – Суданское освободительное движение.

ЮДП – Юнионистско-демократическая партия.

DPA – Darfur peace agreement.

SUMMARY

Referendum 9–15 January 2011 on self-determination of southern Sudan summed up an entire historical era in Sudan. That era has passed under the banner of the struggle for unity and renewal of the Sudan, and ended with separation of Southern Sudan. How much was obvious that outcome in 1956, when Sudan became an independent state? Were there any real alternatives to this outcome of events? On these and other issues and is designed to respond to this book.

The first chapter is devoted to the main stages of the evolution Sudanese state, in particular, still unfinished process of the constitution of the Arab-Sudanese civilization originating in the XVI century. In this chapter considered the main administrative and political reforms in the country occurred in the XX century, and their influence on its history. A separate paragraph covers the general election in 2010 in Sudan and his results.

The second chapter of the book deals with problem of the Southern Sudan, which named in 1955–2005 "Cemetery Sudanese government". Way to solve this problem took more than half a century and led to the conclusion of the January 2005 Comprehensive Peace Agreement between the Government of Sudan and the SPLM/SPLA. Also here today analysis of the various problems of Southern Sudan, stands on the verge of independence.

In the third chapter the object of research is Darfur, and the subject – an armed conflict on its territory, which has a long history. In the study of the Darfur issue dealt with questions of history of regional parties and organizations actively involved in the conflict, origins Arab-Fur etnopolitical enmity, which formed in 1970–1980. This chapter also explored the various reasons for the failure of Darfur Peace Agreement 2006.

Final era CPA and analysis of scenarios of further development of the situation in the South and North Sudan is devoted to the fourth chapter. It describes the intense and a dramatic story of the preparation of the referendum and his course of 9–15 January 2011. Separately examined the consequences of South Sudan se-

cession as proper for the South and to the North and the region as a whole.

According to the author section of the Sudan to the Republics of North and South Sudan will not be the end of a unified Sudan's history: instead of the formula "one country – one state" will be different – "two states – one country". The fate of this country once again as in 1956 in the hands of its people living in both the South and the North.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА^{*}

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце ХХ века". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов**: "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (составлено с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (составлено с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов**: "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков**: "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель**: "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин**: "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (составлено с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко**: "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (составлено с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Составлено с РАН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Составлено с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров**: "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (составлено с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирай диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация" (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".
- 2004 г.
119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Тerrorизм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афghanistan в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА^{*}

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач**: "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис**: "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева**: "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн**: "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян**: "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко**: "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн**: "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Кудлев**: "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач**: "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова**: "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян**: "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров**: "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свищунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова**: "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев**: "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина**: "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин**: "Ближневосточный фронтier. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед**: "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн**: "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн**: "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков**: "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultschenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. "Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays).
In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.**
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by
V.Ahmedov
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by
V.Yurchenko
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**.
In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob.**
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation"
by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in
Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of
essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects"
by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity"
by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue"
by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

Научное издание

С.Ю. Серёгичев

**СОВРЕМЕННЫЙ СУДАН:
ОТ ЕДИНСТВА К РАЗДЕЛУ**

Подписано в печать 20.07.2011 г.

Формат 60x90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 15 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 83

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12